801-04
586
62
99
ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦ. МУЗЕЙ БИБЛІО-ТЕКА

ЖУРНАЛЪ

ВЕДЕННЫЙ ВО ВРЕМЯ ЭКСПЕДИЦІИ ДЛЯ ОБОЗРѢНІЯ ВОСТОЧНЫХЪ БЕРЕГОВЪ КАСПІЙСКАГО-МОРЯ, ВЪ 1836 ГОДУ,

Капитаномъ (*) Генеральнаго Штаба
И. Ф. Бларамбергомъ.

Экспедиція, по Высочайшему повелѣнію назначенная для обозрѣнія восточныхъ береговъ *Каспійскаго*-Моря, должна была начать свои дѣйствія въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1835 года, и всѣ чиновники, поступившіе въ составъ этой Экспедиціи, прибыли въ г. Астрахань въ послѣднихъ числахъ августа, кромѣ Начальника оной, которому воспрепятствовала въ этомъ тяжкая болѣзнь, удержавшая его въ Оренбургѣ. Въ-слѣдствіе сего Экспедиція отложена была до весны 1836 года. Чиновники, между-тѣмъ, чтобъ не терять времени, отправлены были съ разными порученіями въ Закавказскій-Край (въ Тифлисъ и Талышинское-Ханство), гдѣ въ г. Баку, 16 мая 1836 года, соединились съ Начальникомъ Экспедиціи, прибывшимъ туда изъ Астрахани на шкоутѣ «Св. Гавріилъ», назначенномъ для предпринимавшагося обозрѣнія, вмѣстѣ съ разъѣзднымъ судномъ «Василій». Въ составъ Экспедиціи поступили:

(*) Нынѣ Полковникъ.

1) Начальникъ, Колежскій Ассесоръ *Григорій Силичъ Карелинъ*, бывшій уже въ двухъ экспедиціяхъ къ сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ берегамъ Каспійскаго-Моря.

2) Генеральнаго Штаба Капитанъ *Иванъ Федоровичъ Бларамбергъ*.

3) Корпуса Горныхъ Инженеровъ Поручикъ *Михаилъ Ивановичъ Фелькнеръ*.

4) Лекарь *Павелъ Парфентьевичъ Заблоцкій*.

5) Оренбургскаго Линейнаго Батальона № 2-го Прапорщикъ *Масляниковъ*.

6) Отставной Штабсъ-Капитанъ и Штурманъ *Васильевъ*.

7) Вольный Штурманъ *Мурзинъ*, выпущенный изъ Школы Штурмановъ для купеческихъ судовъ.

8) Урядникъ Уральскаго Казачьяго Войска *Масляниковъ* (чучельникъ).

9) Топографъ 1-й Полуроты № 4-го Топографовъ, Унтеръ-Офицеръ *Ульяновъ*.

10) Живописецъ *Жерновой* 11-го Кавказскаго Линейнаго Батальона.

11) Два Переводчика и Писарь.

Экипажъ состоялъ изъ 20 Астраханскихъ Казаковъ, въ числѣ коихъ 2 урядника и 4 артиллериста; 20 Уральскихъ Казаковъ, 18 вольныхъ музуровъ (матросовъ) и 3 денщиковъ; всего на обоихъ судахъ находилось 74 человѣка.

Шкоутъ «Гавріилъ» (марсельное судно) былъ вооруженъ двумя 3-хъ фунтовыми пушками, однимъ 10-ти фунтовымъ единорогомъ, нѣсколькими фалконетами, съ потребнымъ къ нимъ количествомъ боевыхъ зарядовъ, и снабженъ всѣми припасами на 15 мѣсяцевъ.

Цѣлью Экспедиціи было: опредѣлить съ возможною точностію береговые предѣлы между *Персіею* и землями, занимаемыми *Туркменцами*; обозрѣть весь восточный берегъ *Каспійскаго-Моря*, отъ *Астрабадскаго-Залива* до мыса *Тюкъ-Карагана*, и войти въ торговыя сношенія съ прибрежными *Туркменцами*. Для сего-послѣдняго, Начальникъ Экспедиціи взялъ съ собою разные товары и подарки, сообразные съ ихъ образомъ жизни, нуждами и потребностями.

Топографическое описаніе означеннаго берега, этнографія его обитателей, астрономическія наблюденія и проч., составляютъ предметъ особой статьи; здѣсь-же излагается вкратцѣ только Журналъ Экспедиціи.

Мая 19. Въ полдень, при свѣжемъ вѣтрѣ N. O., снялись мы съ якоря и оставили Бакинскую-Гавань. Скоро прошли островъ *Наргенъ*, а подъ-вечеръ — и островъ *Вулфъ*.

20 и 21 мая. Дулъ тихій вѣтеръ и въ полдень былъ штиль. Лотъ въ 80 саженъ не доставалъ до дна. Занятія наши въ-продолженіе сего времени были весьма разнообразны, и палуба судна нашего представляла любопытное зрѣлище. Часть ея была покрыта растѣніями собранными въ Талышахъ, въ окрестностяхъ г. Баку и на горѣ Бешъ-Бармакъ; ихъ перекладывали въ бумажные листы, для сушенія. Одинъ накалывалъ букашекъ въ ящики, нарочно для того приготовленные; другой мылъ змѣй и ящерицъ, и клалъ ихъ въ спиртъ, или приготовлялъ убитыхъ птицъ для набивки чучелъ; третій занимался чтеніемъ, ибо мы запаслись отборною библіотекою не только книгъ, прямо касавшихся до предмета нашего путешествія, но и всѣми новѣйшими сочиненіями на разныхъ языкахъ по-части Естественной Исторіи, Географіи, Минералогіи и проч. На суднѣ находился цѣлый звѣринецъ изъ всякихъ птицъ, несчитая полудюжины собакъ и кошекъ, нужныхъ какъ для истребленія крысъ, такъ и для увеселенія экипажа; послѣдній въ свободное время забавлялся разными играми, а вечеромъ пѣснями. Для защиты отъ палящихъ лучей солнца въ-продолженіе дня, тентъ натягивался вдоль всей палубы; во время штиля экипажъ купался въ морѣ; вообще, приняты были всѣ мѣры для сохраненія здоровья людей, и строго наблюдаемо за чистотою и опрятностію какъ судна, такъ и одежды экипажа.

22 и 23 мая. По причинѣ противныхъ вѣтровъ, мы мало подвинулись къ В. Разъѣздное судно наше «Василій» было отправлено впередъ, къ островамъ *Челекеню* и *Огурчинскому*.

*

24 мая. До восхожденія солнца видѣли землю на В., а когда солнце взошло, то туманъ застлалъ горизонтъ. Вѣтеръ былъ противный; мы лавировали взадъ и впередъ, и чуть не попали на отмель противу *Красноводскаго*-Залива, ибо глубина отъ девяти саженъ уменьшилась вдругъ до двухъ. Передъ закатомъ солнца стояли на якорѣ. Почти во всю дорогу изъ Баку шкоутъ изрѣдка посѣщали птицы, а сего числа поздно вечеромъ вились надъ кормою насѣкомыя и морскіе комары; берегъ былъ близокъ.

25 мая. Въ 4 часа утромъ увидѣли берегъ. *Красноводскій*-Заливъ былъ влѣвѣ; за нимъ обрывистыя горы *Балханскія* на В.С.В.; а вправѣ желтѣлъ островъ *Челекенъ*. По восхожденіи солнца, *Красноводскій*-Заливъ и *Балханы* закрылись мглою; *Челекенъ* едва былъ видимъ. Бросили якорь. Въ первомъ часу дулъ свѣжій N.W.; мы снялись опять и шли прямо на *Челекенъ*, по 3, 5 и 7 узловъ. Берегъ былъ видѣнъ ясно; можно было различать людей; но вѣтеръ скрѣпчалъ, и мы, подъ одними верхними парусами, пустились вдоль *Челекена*. Термометръ Реомюра показывалъ + 25° въ тѣни. Въ 4 часа по полудни стали на якорѣ противъ западнаго берега полуострова *Дервиша*.

26 мая. Рано утромъ отправились въ шлюбкѣ на берегъ, черезъ страшный бурунъ, принудившій часть казаковъ броситься по грудь въ море, и держать шлюбку по обѣимъ сторонамъ, чтобы не опрокинули ее волны. На этомъ песчаномъ и безплодномъ берегу мы нашли нѣсколько пастуховъ, которые сторожили тощихъ верблюдовъ; они сказали намъ, что туркменскаго старшины Кіатъ-Бега нѣтъ тутъ, а находится онъ на островѣ *Дагъ-Ада*. Собравъ кое-какіе предметы по-части Естественной Исторіи, мы воротились на судно, всѣ вымоченные буруномъ, чрезъ который казаки тянули шлюпку нашу, стоя опять въ водѣ по шею. Казаки эти, особливо Уральцы, не только отличные стрѣлки, но и весьма хорошіе моряки, и почти всѣ понимаютъ татарскій языкъ. Многіе изъ нихъ, бывши уже въ прежнихъ экспедиціяхъ вмѣстѣ съ г. Карелинымъ, имѣютъ нѣкоторыя понятія о растѣніяхъ и насѣкомыхъ, и помогали собирать ихъ; кромѣ-того, двое изъ нихъ умѣютъ весьма хорошо набивать чучелы. Прибывши на шкоутъ, мы снялись съ якоря, и, оставляя вправѣ *Тюленій*-Банкъ,

прошли въ заливъ, лежащій между восточнымъ берегомъ *Каспійскаго*-Моря и *Огурчинскимъ*-Островомъ. Ночевавъ на якорѣ въ разстояніи около 8 верстъ отъ сѣверо-восточнаго берега послѣдняго, мы послали туда «Василія» для отысканія прѣсной воды, которую, по словамъ Туркменцевъ, можно было тамъ найти.

27 мая. Сами выѣхали на этотъ островъ, называемый Туркменцами *Айдакъ*. Два старшины, прибывшихъ съ *Челекени*, проѣзжали насъ. Жара была несносна; сыпучій песокъ, по-бо́льшей-части составляющій грунтъ *Айдака*, такъ нагрѣлся отъ палящихъ лучей солнца, что жегъ даже сквозь подошву сапоговъ. Между-тѣмъ-какъ г. Карелинъ производилъ поиски по-части Естественной Исторіи, я, съ однимъ туркменскимъ старшиною и нѣсколькими казаками, запасшись лопатами, отправился на сѣверо-западный берегъ; тамъ, туркменецъ показалъ намъ мѣсто, отстоящее около 50 саженъ отъ морскаго берега, увѣряя, что мы найдемъ тутъ прѣсную воду близь самой поверхности земли. И въ-самомъ-дѣлѣ, разрывъ песокъ на глубину около 1½ аршина, мы нашли чистую и хорошую прѣсную воду; потомъ выкопали еще одинъ колодецъ, въ близкомъ разстояніи отъ перваго, и наполнили водою всего три боченка. Топографъ снималъ между-тѣмъ сѣверную часть *Айдака*, длина коего около 35 верстъ, а ширина въ серединѣ 2 версты. Вечеромъ наслаждались мы купаньемъ въ морѣ, дно котораго состоитъ здѣсь изъ чистаго мелкаго песку; разбили палатки и ночевали возлѣ берега.

28 мая. Казаки наши поймали 4 барановъ, стада которыхъ живутъ на этомъ островѣ безъ присмотра, равно-какъ козы и нѣсколько тощихъ одногорбыхъ верблюдовъ. Жителей на *Айдакѣ* нѣтъ. Отпустивъ туркменскихъ старшинъ съ подарками, какъ для нихъ самихъ, такъ и для жены Кіатъ-Бега, мы выкопали еще два-три колодца въ разныхъ мѣстахъ на восточномъ берегу; но вода показалась въ нихъ солоноватая; между-тѣмъ охотники наши привезли намъ три красныхъ гуся, куликовъ и утокъ; въ часъ пополудни мы отправились обратно на шкоутъ. Транспортъ «Василій» соединился опять съ нами, и привезъ туркменскаго старшину Аширъ-Мамеда. Снявшись съ якоря, мы продолжали путь нашъ къ Ю., проходя при свѣжемъ вѣтрѣ N.W., по 7½ узловъ въ часъ.

29 мая. Низменнаго восточнаго берега было не видно; мы могли только замѣтить *Бѣлый*-Бугоръ, противъ котораго легли на якорь, по причинѣ постоянно-противнаго вѣтра; каната отдали болѣе 50 саженъ; сильная боковая и килевая качка безпокоила насъ въ-продолженіе цѣлой ночи и слѣдующаго дня, такъ-что невозможно было ни чѣмъ заняться.

31 мая. Въ 6 часовъ утра мы снялись съ якоря при слабомъ вѣтрѣ W., и прошли *Бѣлый*-Бугоръ, имѣющій видъ продолговатой и усѣченной пирамиды; берегъ вообще низменный и близко подходить къ нему нельзя, по причинѣ отмели, простирающейся верстъ на 8 въ море; покрытъ кустарникомъ, по-большей-части жидовникомъ. Въ $3\frac{1}{2}$ часа пополудни бросили якорь противъ *Гассанъ-Кулѝ*, гдѣ стояли три русскія судна, принадлежавшія астраханскому купцу Герасимову, и занимавшіяся здѣсь рыбною ловлею. Сыновья почетнаго туркменскаго старшины Кіатъ-Бега, Яхши-Мамедъ и Хадырь-Мамедъ, съ нѣсколькими туркменскими старшинами, пришли изъ своихъ прибрежныхъ кочевьевъ посѣтить насъ; ихъ приняли съ пушечною пальбою, угощали и отпустили съ подарками, при стрѣльбѣ и ракетахъ. Яхши-Мамедъ, старшій сынъ Кіатъ-Бега, воспитанъ въ Тифлисѣ (куда былъ доставленъ Н. Н. Муравьевымъ, послѣ поѣздки его въ Хиву); онъ говоритъ по-русски и имѣетъ нѣкоторое образованіе. Поручикъ Фелькнеръ снялъ съ него портретъ, равно-какъ и съ брата его, Хадырь-Мамеда.

1 іюня. Яхши-Мамедъ вторично пріѣхалъ къ намъ съ родственникомъ своимъ Назаръ-Кулѝ, который долженъ былъ провожать насъ въ Астрабадскій-Заливъ. Въ 3 часа пополудни мы снялись съ якоря и пошли къ Ю. З. при слабомъ вѣтрѣ N. O. Къ-вечеру показались въ туманѣ *Астрабадскія*-Горы; восточнаго берега не было видно.

2 іюня. Съ разсвѣтомъ, горы *Астрабадскія* открылись во всемъ блескѣ. Восходящее солнце освѣтило вершину горы *Гёздагъ* какъ-бы осыпанную хлопьями снѣга; тонкія облака пестрѣли около нея; крутоберегія долины курились, и вереница паровъ то оноясывала хребетъ, покрытый сплошъ густымъ лѣсомъ, то, свиваясь, поднималась къ вершинамъ, таяла въ лучахъ солнца, и безпрестанно измѣняла очаровательную картину, тѣмъ-болѣе поразительную, что глаза наши раз-

знакомились уже съ высотами, не видя въ-теченіе 18 дней ничего кромѣ однообразной пустыни моря и низкихъ береговъ острововъ *Челекени* и *Айдака*. — Становилось жарко; въ 7½ часовъ утра термометръ показывалъ уже +18° въ тѣни. Мы взяли направленіе къ В. Ю. В., чтобы войти въ *Астрабадскій*-Заливъ; баркасъ шелъ впередъ для промѣриванія глубины. Въ 2 часа пополудни бросили якорь между устьями рр. *Кара-Су и Багу*; три лодки, посланныя на берегъ, воротились съ вѣтвями гранатоваго дерева въ цвѣту и убитымъ бѣлымъ чапуромъ.

3 іюня. Поручикъ Фелькнеръ съ 25 вооруженными казаками поѣхалъ на берегъ для изслѣдованія *Мазандеранскихъ*-Горъ; мы провожали его до устья р. *Багу*, осматривали ея окрестности и любовались прелестною картиною здѣшней природы. Темная зелень гранатовыхъ кустарниковъ горѣла цвѣтами; огромныя смоковичныя, тутовыя, орѣховыя и другія деревья, около коихъ вились дикія виноградныя лозы, находились на каждомъ шагу. Плодородная земля сама производитъ здѣсь ягоды всякаго рода; чалтыки (поля, засѣянныя сарацинскимъ пшеномъ) простираются вдоль берега; но испаренія водъ, ихъ покрывающихъ, заражаютъ воздухъ. Вечеромъ мы купались въ заливѣ, а Фелькнеръ воротился отъ подошвы горъ. Яхши-Мамедъ пріѣхалъ къ намъ съ Серебрянаго-Бугра съ 12 туркменцами.

4 іюня. Опять съѣзжали на берегъ; Фелькнеръ вторично ѣздилъ въ горы, а я, съ 6 казаками, отправился въ лодкѣ около 5 верстъ вверхъ по *Черной*-Рѣчкѣ (*Кара-Су*); она покрыта огромнымъ камышемъ, между коимъ воздухъ тяжелъ и зноенъ. Снявъ теченіе этой рѣчки, я воротился на судно; Фелькнеръ воротился не ранѣе полуночи.

5 іюня. Посѣтилъ островъ *Аширъ*, въ сопровожденіи 15 казаковъ и матросовъ; противный вѣтръ задержалъ меня на морѣ цѣлые 6 часовъ. Занимался съемкою этого острова: онъ имѣетъ всего 2 версты въ окружности, и покрытъ камышемъ съ нѣсколькими гранатовыми кустарниками. Мы вырыли нѣсколько колодцевъ, и нашли въ нихъ хорошую прѣсную воду.

6 іюня. Окончивъ съемку *Аширa*, равно-какъ и косы, простирающейся по обѣимъ его сторонамъ, я воротился на судно,

но не нашелъ тамъ никого изъ чиновниковъ; всѣ они отправились въ горы.

7 іюля. Топографъ нашъ снималъ берегъ залива между рр. *Кара-Су* и *Сермелла*. Я остался на суднѣ и разспрашивалъ Яхши-Мамеда относительно туркменскихъ поколѣній *Юлудъ*, *Теке* и *Коклань*, и земель ими обитаемыхъ. Вечеромъ воротился Карелинъ съ другими чиновниками, и послалъ нашего переводчика въ г. Астрабадъ за разными покупками.

8 іюня. Собирались объѣхать *Астрабадскій*-Заливъ, какъ вдругъ причалилъ къ судну туркменецъ въ куласѣ (выдолбленномъ деревѣ) съ запискою отъ нашего Консула въ Гиляни А. И. Ходзко, въ которой онъ просилъ повидаться съ нами. Карелинъ и я тотчасъ же отправились къ нему въ *Сенгиръ* (укрѣпленіе на Кара-Су), а вечеромъ самъ Ходзко пріѣхалъ къ намъ на судно, вмѣстѣ съ братомъ правителя Астрабадской-Области, Могаммедъ-Измаилъ-Бегомъ. Послѣдній, одинъ изъ меченосцевъ Его Персидскаго Величества, хотя и поклонникъ Магомета, опорожнилъ полдюжины стакановъ портвейна. Послѣ обѣда, оба отправились, сопровождаемые нами, обратно въ Сенгиръ; «Гаврінлъ» салютовалъ отъѣзжающимъ. Могаммедъ-Измаилъ-Бегъ такъ былъ доволенъ столомъ, виномъ и тремя хрустальными стаканами ему подаренными, что въ избыткѣ чувства чуть не отдарилъ Карелина всею Персіею, и настаивалъ, съ цѣлію имѣть случай показать свою благодарность, чтобы тотъ приказалъ ему исполнить что-нибудь невозможное; на-дѣлѣ благодарность эта ограничилась полсотнею огурцовъ, которые прислалъ онъ намъ на другой день. А. И. Ходзко, простившись съ нами, назначилъ слѣдующее свиданіе въ Эшрефѣ.

9 Іюня. Пошли на трехъ лодкахъ къ устью *Багу*, для обслѣдованія *Астрабадскаго*-Залива. Яхши-Мамедъ съ четырьмя туркменцами провожалъ насъ. Искупавшись здѣсь, поплыли на З. вдоль берега, мимо рр. *Сердэкъ* и *Сермелла*; на р. *Гёздъ* дѣлали привалъ. Подъ-вечеръ пошли далѣе, съ-тѣмъ-чтобы, по совѣту Яхши-Мамеда, ночевать на устьѣ р. *Ливанъ*; но солнце между-тѣмъ сѣло; а когда подъѣхали къ берегу, насъ опахнуло запахомъ гнили: голая коса, гдѣ должны мы были расположиться, оказалась заливаемою буруномъ, а р. *Ливанъ* окруженною болотами. Нельзя было достать ни воды,

ни дровъ; однихъ комаровъ было только въ изобиліи. Въ потьмахъ пошли мы далѣе; часовъ въ 10 миновали р. *Джару*, составляющую границу между Астрабадскою и Мазандеранскою областями, и около часа пополуночи достигли до р. *Галига*, гдѣ и разбили палатки для ночлега.

10 іюня. По разсказамъ здѣшнихъ жителей, море, 20 лѣтъ тому назадъ, покрывало весь этотъ берегъ и простиралось до возвышенія, находящагося на правомъ берегу р. *Галига*; выше показывается бугоръ *Гирей-Дюгюнъ*, гдѣ видны еще остатки батареи, построенной Графомъ Войновичемъ въ 1782 году. Противный вѣтеръ не позволялъ итти далѣе, а дурная вода р. *Галига* заставила насъ перенести мѣсто стана версты за три далѣе, на устье р. *Ширшери*. Мѣстоположеніе здѣсь было лучше, но вода также негодна для употребленія, потому-что рѣчка эта разведена по чалтыкамъ. Мы брали воду изъ колодцевъ, вырытыхъ въ 3 верстахъ отъ морскаго берега; она была холодна, но мутна. Сотни буйволовъ, принадлежащихъ правителю области, паслись на тучныхъ поляхъ. Вечеромъ пріѣхалъ хозяинъ ихъ, Мирза-Мамедъ-Ханъ, и привезъ въ пешкешь (подарокъ) барана, огурцовъ, буйволоваго молока и два куска льду. Мы отдарили его тремя хрустальными стаканами, и онъ обѣщалъ намъ доставить къ завтрашнему числу вьючныхъ лошадей и проводника, для поѣздки въ горы.

11 іюня. Карелинъ, я и другіе чиновники—верхами, а 15 казаковъ—пѣшими, отправились въ горы. До селенія *Сераджи*, на рѣчкѣ тогоже имени, проѣхали по полямъ засѣяннымъ пшеницею, до половины убранною; потомъ путь нашъ шелъ между фруктовыми деревьями. Отъ селенія поднимались въ горы по крутой тропинкѣ. Видъ на море и на плоскую полосу земли подъ ногами, усѣянную деревьями и полями, былъ прекрасенъ. Проливной дождь, захвативъ насъ въ густомъ лѣсу, задержалъ и, наконецъ, принудилъ возвратиться въ селеніе. Мы поднимались на гору не болѣе 200 саженъ, и тогда-какъ въ горахъ мочилъ насъ ливень, на равнинѣ не было его ни капли. Горы эти изобилуютъ строевымъ лѣсомъ, и кусты бирюзы унизаны были зрѣлыми ягодами. Когда мы сушились въ селеніи, Персіянки бѣжали отъ насъ сначала; но мы стали раздавать имъ иголки, и онѣ сдѣлались смѣлѣе, принялись даже смотрѣть на насъ съ любопытствомъ: мы

были первые Русскіе, посѣтившіе ихъ селеніе. Вечеромъ воротились въ лагерь на устьѣ *Ширшери*. Чакалки не давали намъ спать всю ночь.

12 іюня. Еще до восхожденія солнца вышли изъ устья р. *Ширшери* для дальнѣйшаго обозрѣнія и описанія берега; за противнымъ вѣтромъ шли на веслахъ; прошли рр. *Суруджу* и *Келекъ*, и къ первому часу достигли р. *Шагилъ*, гдѣ и расположились лагеремъ. Нашъ переводчикъ Абдулла Тенышевъ, вмѣстѣ съ другимъ туркменцемъ, отправленъ былъ въ Эшрефъ съ письмомъ къ А. И. Ходзко, и для разныхъ покупокъ, потому-что всѣ припасы вышли; хлѣба ни крошки не было. Казаки между-тѣмъ убили двухъ кабановъ и чакаленка.

13 іюня. Рано утромъ Туркменцы привели 5 лошадей, 5 катыровъ и провожатыхъ. Абдулла съ товарищемъ чуть не взбаламутили всего Эшрефа: ихъ приняли тамъ за лазутчиковъ. Мы пустились въ путь, оставивъ казаковъ въ лагерѣ. Дорога шла сперва чалтыками; верстахъ въ 5 отъ лагеря въѣхали мы въ лѣсъ, откуда почти столькоже оставалось до Эшрефа. Лѣса эти великолѣпны: природа сама производитъ здѣсь дикія гранатовыя, смоковничныя и тутовыя деревья, около которыхъ вьются виноградныя лозы огромной величины.

Эшрефъ — небольшое селеніе съ сырцовыми кирпичными домами и заборами накрытыми сверху папоротниками и соломою. Каждый домъ отдѣленъ отъ другаго фруктовымъ садомъ. Дворцы обнесены стѣною въ родѣ крѣпости, равно-какъ и дворецъ *Сефи-Абадъ*, лежащій отдѣльно, на горѣ къ З. отъ селенія. Они расположены подъ навѣсомъ горы, невысокой, но крутой и покрытой густымъ лѣсомъ. Изъ ней проведена вода въ главный бассейнъ передъ большимъ кіоскомъ, въ которомъ мы ночевали и гдѣ встрѣтилъ насъ А. И. Ходзко. За одной стѣной насчиталъ я пять дворцовъ и кіосковъ; посреди ихъ находится большой кіоскъ, а выше его, по длинному руслу неглубокой канавы, проведена вода въ главный бассейнъ. Вода переливается съ уступа на уступъ и протекаетъ чрезъ средину большаго кіоска. Отсюда ясно видны Заливъ и полуостровъ *Потеликинъ* съ его деревьями. Во второмъ дворцѣ живетъ Правитель (Хакимъ) Эшрефа. Третій дворецъ называется *Сердъ-Абъ;* вода проведена отсюда изъ бассейна во всѣ стороны

крестообразно; это самое лучшее и болѣе всѣхъ потерпѣвшее отъ времени зданіе. Четвертый дворецъ находится ближе къ горѣ. Наконецъ, влѣво — Гаремъ, всѣхъ ихъ огромнѣйшій. Стѣна его, обращенная къ улицѣ, безъ оконъ; фасадъ очень хорошъ, хотя и не оштукатуренъ. Всѣ дворцы складены изъ кирпича, расположеннаго различными узорами, а высокіе стрѣльчатые своды обложены кирпичемъ глазурованнымъ и расписаннымъ яркими узорами.

Эшрефъ построенъ Аббасомъ-Великимъ лѣтъ за 200, и въ его время сады были достойны строителя; лѣтъ за 100 назадъ онъ былъ почти истребленъ пожаромъ и возобновленъ Надиръ-Шахомъ. Нѣкоторые дворцы перенесены на другія мѣста; но недоставало или охоты или вкуса великаго Аббаса: нищенскія зданія замѣнили великолѣпіе прежнихъ; это, однакожъ, не могло испортить прелести здѣшней природы: кипарисы, кедры, лимонъ, гранатовые кусты, тополь, букъ, орѣшникъ, фиговыя, померанцовыя и другія деревья, расположены то аллеями, то неправильными купами, тѣснящимися къ горѣ и такъ-будто хотящими укрыться подъ ея тѣнью. Темноцвѣтные, стройные кипарисы, какъ часовые, стоятъ не шелохнясь вдоль плоскихъ канавъ, окаймленныхъ широкими плитами (въ которыхъ еще видны дыры, куда вставлялись факелы или свѣчи во время шахскихъ праздниковъ), или смотрятся въ стекло бассейновъ. Гранатъ горитъ цвѣтами, и изъ-за густой зелени ихъ выглядываютъ полуразрушенные дворцы, съ своими полукруглыми и подъемными рѣзными азіатскими окнами, которыя блестятъ разноцвѣтными стеклами, хотя и выбиты во многихъ мѣстахъ. Обрушенные израсцовые своды ихъ, въ трещинахъ коихъ поселились уже гранатъ и фиговыя деревья, какъ-будто висятъ въ лазури, и фестонами спадаетъ съ нихъ виноградъ до самой земли; все это живописно-дико. Прибавьте къ тому, что воздухъ растворенъ ароматами, небо ясно, и мѣсяцъ обливаетъ эту картину своимъ магическимъ свѣтомъ. Я ничего не видѣлъ очаровательнѣе Эшрефа, но Персіяне, нынѣшніе его жители, не умѣютъ цѣнить этотъ рай. Прекраснѣйшія мѣста оставлены ими безъ всякаго вниманія. Старина для нихъ ничего не значитъ. Они живутъ только въ настоящемъ и для настоящаго. Во дворцѣ, гдѣ находится главный источникъ, средній куполъ упалъ въ бассейнъ; обломки кирпича и израс-

цовъ запрудили выходъ, и чистая, студеная вода шумитъ, вырвавшись изъ искусственнаго ложа, пѣнится и сверкаетъ между цвѣтными обломками свода, пробираясь въ кустарники, гдѣ на волѣ поетъ соловей, но не такъ какъ прежде: пѣснь его коротка и отрывиста; онъ какъ-будто сѣтуетъ надъ запустѣніемъ Эшрефа! Все валится, все измѣнилось. Тамъ, гдѣ купались затворницы Гарема въ виду Шаха Аббаса, въ большомъ бассейнѣ, напротивъ перваго павильона, распѣваютъ теперь лягушки; въ Гаремѣ — стойло ишековъ, катыровъ и мѣсторожденіе блохъ; а стѣны дворца исписаны стихами изъ корана и надписями проѣзжающихъ; между ними есть и русскія, напримѣръ: «Здѣсь былъ Самсонъ-Ханъ (*), 1835 года.» Мы спали въ большомъ павильонѣ, возлѣ водопровода, журчаніе коего смѣшивалось съ кваканьемъ лягушекъ. А. И. Ходзко подчивалъ насъ передъ тѣмъ превосходнымъ ужиномъ въ персидскомъ вкусѣ, съ кальянами и ширазскимъ виномъ.

14 іюня. Встали до восхожденія солнца и, напившись чаю, отправились въ верхній дворецъ *Сефи-Абадъ*. Онъ уцѣлѣлъ не многимъ болѣе противъ видѣнныхъ нами другихъ дворцовъ. Покойный Фетхъ-Али-Шахъ былъ въ немъ, и, вѣроятно для его проѣзда, онъ былъ выштукатуренъ. Видъ съ третьяго этажа великолѣпенъ: весь Астрабадскій-Заливъ, со всѣми его извилинами, косами и бухтами, представляется какъ на ладони; влѣво — понижающіеся и уже почти холмистые отроги Мазандеранскаго-Кряжа; а сзади, подъ ногами зрителя, кой-гдѣ выглядываетъ изъ-за зелени селеніе Эшрефъ. Въ 10 часовъ, А. И. Ходзко простился съ нами, и мы воротились въ Эшрефъ, гдѣ уже приготовлены были лошади; мѣжду-тѣмъ живописецъ нашъ успѣлъ снять шесть разныхъ видовъ здѣшнихъ садовъ и развалинъ. Часа чрезъ два мы были уже въ нашемъ лагерѣ на р. *Шагилъ*, и тотчасъ же, при свѣжемъ W. N. W., поплыли на шкоутъ, куда и прибыли въ 6 часовъ вечера. Во время отсутствія нашего, Штурманъ Муригинъ промѣрилъ глубину водъ вдоль полуострова *Потелкина*.

15 — 16 іюня. Посѣщали насъ братъ Астраханскаго купца Миръ-Батрова, Миръ-Садыкъ, и Измаилъ-Бегъ, изъ

(*) Начальникъ бывшаго Русско-Персидскаго Баталіона.

Курдъ-Магала. Переводчикъ, посыланный въ Астрабадъ, воротился оттуда съ разными покупками.

17 — 24 іюня. Въ-продолженіе этихъ дней мы жили на берегу; шкоутъ былъ накрененъ и выконопаченъ; приготовлены сухари, нарубленъ лѣсъ для дровъ, и судно снабжено свѣжею водою. Живописный лагерь нашъ былъ разбитъ при устьѣ р. *Багу*. Вся коллекція растѣній и букашекъ, собранныхъ нами съ начала Экспедиціи, была приведена въ порядокъ и закупорена въ смоляные ящики. Почти каждую ночь попадались въ наши капканы дикія кошки, чакалки и барсуки.

25 іюня. День рожденія Государя Императора провели мы на берегу и праздновали какъ могли. Назначена была стрѣльба въ цѣль для нашихъ казаковъ, съ опредѣленіемъ разныхъ награжденій лучшимъ стрѣлкамъ, а во время обѣденнаго тоста за здоровье Монарха, при громкомъ ура, гулъ русскихъ пушекъ отдался въ Мазандеранскихъ-Горахъ, гдѣ не слыхали ихъ быть-можетъ съ 1782 года.

26 — 27 іюня. Пріѣхалъ къ намъ со свитою, съ Серебрянаго-Бугра, младшій сынъ Кіата, Хадырь-Мамедъ.

28 — 30 іюня. Собиралъ разныя свѣденія о торговлѣ, правленіи, нравахъ, и прочемъ относящемся до жителей здѣшняго края.

1 — 3 іюля. Пріѣзжалъ къ Начальнику Экспедиціи Гамзатъ-Ханъ Наукендскій, который въ 1827 году былъ взятъ въ плѣнъ въ Эривани, и жилъ 8 мѣсяцевъ въ Тифлисѣ, а въ 1833 году, провожалъ, по приказанію Аббасъ-Мирзы, извѣстнаго путешественника Борнса изъ Кучана (въ Хорасанѣ) до туркменскихъ границъ, бывъ назначенъ тогда правителемъ поколѣнія *Кокланъ*. Онъ обѣщалъ доставить нѣкоторыя свѣдѣнія, и дать намъ проводниковъ и лошадей въ горы, если мы будемъ къ нему съ нашимъ лекаремъ, который, дня за два, по его же приглашенію, ѣздилъ въ Наукендъ лечить его женъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я, Фелькнеръ и Заблоцкій, съ переводчикомъ Абдуллою и 10 казаками, запасшись барометромъ, отправились, третьяго числа передъ захожденіемъ солнца, на баркасѣ, къ устью р. *Чебекенда*, гдѣ и ночевали въ лодкѣ.

4 іюля. Пошли на разсвѣтѣ въ село *Наукендъ* (5 верстъ), гдѣ до 1 часа дожидались лошадей, а между-тѣмъ Заблоцкій

съ переводчикомъ Абдуллою ходилъ въ гаремъ. *Наукендъ*— селеніе, состоящее изъ 1000 дворовъ, разбросанныхъ по лѣсу, такъ-что домы почти не видны изъ-за деревьевъ ихъ окружающихъ, обтекается рѣкою того же имени. Гамзатъ-Ханъ и меньшой его братъ, Сефи-Ханъ, приняли насъ очень ласково и дали намъ собственныхъ своихъ жеребцовъ и вьючныхъ лошадей. Изъ Наукенда дорога шла пологою покатостью въ горы между рощицами изъ фруктовыхъ деревьевъ и мимозъ, покрытыхъ прекрасными пурпурными цвѣтами, и папоротникомъ столь высокимъ, что въ немъ едва видно всадника. Тяжелый запахъ отъ него произвелъ у нѣкоторыхъ изъ насъ головную боль. Первое барометрическое наблюденіе сдѣлано было въ селѣ *Банюшъ-Тепѣ* (30 дворовъ), расположенномъ у самой подошвы горъ, на рѣчкѣ *Малекастелль*. На морскомъ берегу, при устьѣ р. *Багу*, г. Карелинъ дѣлалъ между-тѣмъ подобныя наблюденія каждыя полчаса, во все продолженіе пребыванія нашего въ горахъ. Отъ селенія Банюшъ-Тепе стали подниматься въ гору густымъ лѣсомъ и наконецъ выѣхали на дорогу, ведущую изъ Наукенда въ *Хезаръ-Джерибъ*, лежащій по другую сторону Мазандеранскаго-Кряжа. Дорога пролегала сперва лѣсомъ, и мы пересѣкли три рукава полыхъ рѣчекъ, означающихъ слѣдъ свой толстымъ наносомъ валуновъ и галекъ; а потомъ шли вдоль ручья вливающагося въ р. *Наукендъ*, по крутому обрыву берега; ручей ревѣлъ отъ дождей подъ нашими ногами, но въ такой глубинѣ, что слышанъ былъ только шумъ, а воды не видно. Въ 4 часа пополудни сдѣлали второе наблюденіе. Дорога пошла круче, грязнѣе и все хуже-и-хуже, а погода, между-тѣмъ, становилась пасмурной. Немного не доходя до горы или мѣста *Дюкесарч*, мы любовались прелестнымъ видомъ: вся плоская равнина, опоясывающая Астрабадскій-Заливъ и называемая здѣсь *Энезанчолль*, была подъ нашими ногами; далѣе заливъ этотъ, Потемкинъ-Полуостровъ, островъ Аширъ и за ними Каспійское-Море. Густые лѣса около берега казались только пятнами темнѣйшими зелени чалтыковъ и пашенъ; деревни курились, солнце закатывалось въ тонкихъ облакахъ и вечерняя прохлада сходила на землю. Здѣсь, на Дюкесарѣ, въ 6 часовъ вечера, произвели мы еще наблюденіе, и потомъ расположились ночевать на открытомъ воздухѣ, кто въ чемъ былъ, подъ покровомъ вѣ-

коваго бука, вѣтви котораго и были для насъ единственною защитою отъ дождя, шедшаго почти во всю ночь. Кромѣ водки и сухарей, съ нами не было никакихъ другихъ припасовъ.

5 іюля. Въ 4 часа утра отправились далѣе. Чѣмъ-выше поднимались въ гору, тѣмъ дорога была круче и грязнѣе. Она пролегала по отрогу, называемому *Люссаръ*, между двумя пропастями; направо шумѣлъ протокъ *Абра-Чешме*, налѣво же обрывъ былъ столь крутъ и глубокъ, что шумъ воды не долеталъ до верху. Добравшись на-силу до истока Абра-Чешме, мы сдѣлали здѣсь послѣднее наблюденіе, въ $7\frac{1}{2}$ часовъ утра. Туманъ въ перевалахъ, то покрывалъ насъ, то прочищался, притягиваемый вершинами хребта. По сдѣланнымъ здѣсь вычисленіямъ, мы находились выше горизонта Каспійскаго-Моря около 570 тоазовъ. Итти далѣе вверхъ мы не рѣшились, боясь потерять или сломать барометръ, и стали спускаться. Спускались кто какъ умѣлъ, падали часто, и въ 9 часовъ дошли до бывшаго нашего ночлега. Отсюда, навьючивши лошадей, стали спускаться пѣшкомъ, ведя жеребцовъ и лошадей на поводу, и въ 2 часа пополудни прибыли въ Наукендъ. Ханъ далъ намъ лошадей до берега, и казаки наши оставили селеніе съ пѣснями; пѣсни эти выманили изъ домовъ множество женщинъ и дѣвушекъ, которыя и провожали насъ за селеніе, ради рѣдкости случая. Въ 4 часа прибыли мы къ нашей лодкѣ, а въ 6 вечеромъ были уже въ лагерѣ при р. Багу.

6 — 10 іюля. Хадырь-Мамедъ уѣхалъ впередъ въ Гассанъ-Кули, а мы собирались въ дорогу. Во все время пребыванія нашего въ Астрабадскомъ-Заливѣ погода стояла болѣе ясная, чѣмъ пасмурная и дождливая, и почти никогда не измѣнялись періодическіе вѣтры: ночью — съ горъ, а днемъ — съ моря (западные). Стоянка на якорѣ тоже была самая покойная. На шкоутѣ жаръ не доходилъ въ полдень болѣе +24° а ночью + 18°. На берегу было жарче, а въ штиль и удушливо, особливо въ началѣ іюля, когда начала цвѣсти хлончатая бумага. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ казаковъ заболѣли, вѣроятно отъ климата, а не отъ трудовъ или отъ пищи, въ которой не только не нуждались, но даже роскошествовали. За неимѣніемъ барановъ, угоняемыхъ на лѣто въ горы, нѣсколько быковъ было куплено у Персіянъ, или привезено съ Серебря-

наго-Бугра. Говядина портилась въ концѣ другаго дня. При неосторожности въ пищѣ, чувствовали какую-то тягость и разслабленіе. Но, благодаря искусству нашего медика, никто не заболѣлъ опасно, и всѣ мы оставили Астрабадскій-Заливъ въ добромъ здоровьѣ, живши тамъ около шести недѣль.

11 іюля. Снялись вечеромъ съ якоря и ночью вышли изъ Астрабадскаго-Залива.

12 іюля. По причинѣ то штиля, то весьма слабаго вѣтра, только около полудня могли мы стать на якорѣ въ семи верстахъ отъ берега, на противъ *Гюлишъ-Теп*, или *Серебрянаго*-Бугра. Сперва послали на бударкѣ переводчика Абдуллу, съ приказаніемъ приготовить для насъ кибитки и дать сигналъ когда можно съѣхать на берегъ, а потомъ, когда сигналъ былъ поданъ, около 3 часовъ пополудни, въ двухъ лодкахъ съ 20 казаками, отправились туда сами. Толпа мальчишекъ встрѣтила насъ у самаго берега, гдѣ, по причинѣ отмели и камней, мы должны были остановиться саженяхъ въ 20 отъ него, и провожали насъ съ крикомъ и шумомъ до вершины бугра, гдѣ для насъ была приготовлена кибитка. Насилу могли мы добраться туда сквозь толпу наглыхъ Туркменцевъ. Старшина Аманъ-Назаръ верхомъ пріѣхалъ встрѣтить насъ, и между «добро-пожаловать» и «милости-просимъ» (*аманъ башъ* и *хошъ-гельди*) объявилъ, что съѣхать на берегъ не такъ-то безопасно; но, получивши въ отвѣтъ что Русскіе ворочаться не любятъ, предложилъ лошадь свою Карелину, и потомъ угощалъ насъ дынями, арбузами и разными высокопарными привѣтствіями. Карелинъ пригласилъ Туркменцевъ бороться, скакать на лошадяхъ, и проч.; но все исполнялось съ такимъ крикомъ и шумомъ, что мы сами не рады были, что попали между этихъ буйныхъ толпъ нищихъ и наглецовъ, не признающихъ никакой власти. Съ ужаснымъ шумомъ и толкотней едва составили маленькій кругъ. *Дарчи*, или полицмейстеръ, долженъ былъ нагайкою по ногамъ выравнивать круговую линію. Въ борьбѣ Туркменцевъ видна только сила, а не ловкость. Хотя подарки имъ даны были довольно значительные, но они требовали болѣе, и одинъ старшина, Назаръ-Бергенъ, хотѣлъ подарка даже за то, что не успѣлъ пріѣхать въ Астрабадскій-Заливъ и участвовать въ стрѣльбѣ, которая была устроена для нашихъ казаковъ, 25 іюня. Особенно не понравилось намъ низкое обра-

щеніе ихъ съ плѣнниками. Одинъ молодой персіянинъ былъ захваченъ въ плѣнъ съ-недѣлю назадъ, и окованъ. Сѣдой туркменъ вывелъ его какъ на-показъ, и заставляя ходить взадъ и впередъ, наслаждался бряцаніемъ цѣпей. Мы оставили берегъ какъ-только осмотрѣли бугоръ; онъ незначителенъ; имѣетъ всего 3 или 4 сажени въ вышину, и состоитъ изъ развалинъ старыхъ зданій; море смыло часть бугра, и остатки стѣнъ простираются подъ водою, вдоль берега, до р. *Кара-Су*, на протяженіи 30 верстъ. Видъ съ вершины бугра нравился намъ новизною. Съ одной стороны — море; напротивъ — ровная стѣна, и горизонтъ оканчивается небольшими продолговатыми возвышеніями; подъ ногами — какъ ульи, торчатъ кибитки Юмудовъ, числомъ до 200; а вправо — понижающійся мало-по-малу бугоръ, въ видѣ овальнаго вала, идетъ полукругомъ къ р. *Гюргени*, и сливается со степью. Аулъ *Гюлышъ-Тепѣ* находится въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ р. Гюргени, изъ которой и довольствуются водою его жители. Въ 9 часовъ вечера, при свѣтѣ мѣсяца, прибыли мы обратно на судно.

13 іюля. Снялись съ якоря въ $4\frac{1}{2}$ часа утра, но двинулись впередъ мало, а въ полдень былъ совершенный штиль. Въ 3 часа пополудни легли на якорѣ въ 14 верстахъ отъ берега, насупротивъ *Гассанъ-Кулй*, по близости судовъ купца Герасимова, которыя нагружались здѣсь рыбнымъ товаромъ, приготовленнымъ для него Туркменцами Гассанъ-Кулинскаго вольнаго общества. Оба брата Герасимовы посѣтили насъ, и провели ночь на нашемъ суднѣ.

14 іюля. Въ 4 часа поутру посѣтилъ насъ Яхши-Мамедъ съ 20 туркменцами; ихъ угостили и отпустили съ-тѣмъ-чтобы они приготовили для насъ кибитки возлѣ берега; между-тѣмъ мы приблизились къ судамъ Герасимова, и въ 5 часовъ пополудни отправились въ 4 лодкахъ на берегъ, съ пушкою и въ сопровожденіи 40 казаковъ. Во 100 саженяхъ отъ берега должны мы были остановиться, ибо нельзя было подъѣхать ближе. Хадырь-Мамедъ со многими туркменцами встрѣтили насъ верхами, и отдали намъ лошадей, чтобы доѣхать до берега; а здѣсь самъ почтенный старикъ Кіатъ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и потомъ провожалъ до двухъ кибитокъ, нарочно для насъ приготовленныхъ. Толпа любопытныхъ туркменцевъ провожала и окружала насъ: но они были гораздо

смирнѣе нежели собратія ихъ въ Гюмишъ-Тепѣ. Въ толпѣ ихъ, старшій сынъ Кіата, Яхши-Мамедъ, былъ какъ постороній; онъ не вошелъ даже съ отцомъ и съ нами въ кибитку. Послѣ мы узнали, что онъ, женившись безъ отцовскаго позволенія, былъ въ опалѣ. Черта эта въ характерѣ Туркменцевъ заслуживаетъ уваженія. Здѣсь повиновеніе волѣ родительской безпрекословно; и въ этомъ отношеніи господствуютъ странные обычаи, особенно между женщинами: сноха никогда не назоветъ своего свекра по имени, и не только не обратится къ нему съ вопросомъ сама, но даже отвѣчаетъ ему чрезъ посторонняго или старшаго, имѣющаго право разговаривать съ нимъ свободно. Тоже самое дѣлаетъ она и въ-отношеніи къ старшему дѣверю. — Мы показали Туркменцамъ ловкость и скорость нашихъ артиллеристовъ въ стрѣльбѣ, пускали ракеты къ большому ихъ удивленію, пригласили потомъ старшинъ къ чаю, и уже поздно вечеромъ распустили нашихъ гостей-хозяевъ. Аулъ *Гассанъ-Кули* расположенъ на полуостровѣ или, лучше сказать, на косѣ; отъ нашего стана отдѣлялся онъ бакчами (огородами) съ арбузами и дынями. Ровная какъ море и безлѣсная степь сливались непримѣтно съ водою; мѣсяцъ, полный и свѣтлый, взошелъ на безоблачномъ небѣ; вѣтеръ едва струилъ воздухъ; ночь была плѣнительная, и мы почти всѣ спали на открытомъ воздухѣ. Вокругъ лагеря поставлены были трое часовыхъ.

15 іюля. Мы были принуждены взять воду съ судна, ибо Туркмены достаютъ ее здѣсь изъ р. *Атрека*, находящейся въ 14 верстахъ отъ аула; по малой глубинѣ култука, они наливаютъ ее въ куласы и такъ привозятъ въ Гассанъ-Кули. Жаръ былъ несносенъ: термометръ показывалъ + 27° въ тѣни. Послѣ обѣда осматривали мы аулъ; онъ состоитъ почти изъ 200 кибитокъ, расположенныхъ по западному берегу култука. Внутри ихъ довольно опрятно; во многихъ мѣстахъ мы видѣли женщинъ занимающихся на открытомъ воздухѣ, только подъ навѣсомъ, приготовленіемъ войлоковъ и тканьемъ ковровъ. Возлѣ берега култука стояли многочисленные киржимы и русскія лодки; послѣднія принадлежали астраханскому купцу Герасимову, а ватага его выстроена близь самаго берега култука. Послѣ, посѣщали мы кибитку Хадырь-Мамеда и видѣли его жену и дочерей; женщины надѣваютъ здѣсь на голову

огромные кокошники украшенные многочисленными золотыми монетами, а ротъ закрываютъ платкомъ. Онѣ, впрочемъ, не стыдятся показываться съ открытымъ лицомъ. Вечеромъ мы заставляли туркменскихъ мальчиковъ бороться между собою, раздавая побѣдителямъ по куску сахара.

16 — 17 *іюля*. Занимался съемкою огромнаго Гассанъ-Кулинскаго Култука, въ которомъ р. *Атрекъ* разливается на многочисленные рукава. Для этого я долженъ былъ употребить куласъ, потому-что култукъ только въ серединѣ имѣлъ 3 или 4 фута глубины, а возлѣ береговъ всего 1 футъ. Мы были первые Русскіе, которымъ удалось подняться вверхъ по Атреку; устья этой рѣки очень мелки; она разливается по низкимъ, илистымъ берегамъ безчисленными рукавами. Я долженъ былъ вытти изъ куласа, который казаки тащили между-тѣмъ пѣшкомъ черезъ пространство нѣсколькихъ верстъ, чтобы попасть въ одинъ изъ главныхъ рукавовъ, и шелъ такимъ образомъ, то по грязи, то по горячему песку, босыми ногами. По этому рукаву поднялись мы вверхъ по рѣкѣ, имѣющей теченіе быстрое, воду очень мутную, и разливающейся въ полую воду на большое пространство. Въ-продолженіе съемки, одинъ изъ моихъ уральскихъ казаковъ отправился въ илъ на охоту за сомами. Съ кинжаломъ въ рукахъ бросился онъ на огромнаго сома, боролся съ нимъ нѣсколько времени и разрѣзалъ ему брюхо; потомъ сталъ преслѣдовать другаго, и нанесъ ему жестокій ударъ, какъ кинжалъ отскочилъ отъ спинной кости животнаго, и казакъ самаго себя ранилъ тяжело въ правую руку. Жара была такъ велика, что вода даже въ култукѣ сдѣлалась совершенно тепла. Воротившись 17 числа въ нашъ лагерь, я нашелъ Карелина съ полудюжиною женщинъ, женъ почетнѣйшихъ старшинъ, которыхъ онъ угощалъ чаемъ; каждая принесла по ковру или по сумкѣ въ подарокъ. Нашъ живописецъ снялъ портреты съ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и срисовалъ костюмъ двухъ туркменскихъ всадниковъ верхомъ.

18 — 19. іюля. Жара утомительная; а какъ море было далеко отъ лагеря и притомъ слишкомъ мелко для купанья, то казаки ежедневно катали бочку съ морскою водою въ нашъ лагерь, и мы обливались по нѣскольку разъ въ день; ходили всѣ въ однѣхъ рубашкахъ.

20 іюля. Прибылъ изъ степи Казы Магомедъ-Таганъ, глава духовенства Юмудовъ. Послѣ обѣда была скачка; десять туркменъ скакали по нѣсколько разъ. Лошади ихъ не очень хороши и гораздо ниже того мнѣнія, которое имѣли мы прежде о туркменскихъ лошадяхъ, славящихся красотою, быстротою и переносливостію; въ послѣднемъ, впрочемъ, нельзя отказать и здѣшнимъ: скудные кормы и полусоленая вода поддерживаютъ ихъ существованіе, тогда-какъ наши лошади издохли-бы на такомъ содержаніи. Славной породы туркменскихъ лошадей *Теке* надобно впрочемъ искать не здѣсь, а около *Шерекса*, въ Хорасанскомъ Курдистанѣ. Скакавшимъ были розданы въ награду деньги, котлы и таганы. Всѣ старшины были приглашены нами къ чаю. Казы и около 50 старшинъ прибыли къ захожденію солнца, но прежде-чѣмъ вошли въ нарочно приготовленную для нихъ кибитку, совершили вечернюю молитву: обратились всѣ лицомъ къ Меккѣ, и подъ предводительствомъ Казы, то падали на колѣна, то молились въ тишинѣ, стоя неподвижно. Напоивши чаемъ, Карелинъ объявилъ имъ о цѣли нашей Экспедиціи; они начали разсуждать съ нами о рыбной ловлѣ, имъ принадлежащей, торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею и проч., и мы получили свѣдѣнія на-счетъ сношеній ихъ съ Персіею и съ Хивою. Между-тѣмъ приготовили ужинъ на 100 человѣкъ, для чего были зарѣзаны 4 барана. Мы угощали эту толпу на открытой степи, при освѣщеніи фонарями, привѣшенными къ казачьимъ пикамъ. Каждый изъ гостей получилъ въ подарокъ чашку, изъ которой ѣлъ, а на прощанье пущена была дюжина ракетъ и сдѣлано нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Всѣ казались очень довольными и согласились на всѣ предложенія Карелина, но это не помѣшало имъ украсть у насъ нѣсколько кожъ, на которыхъ они сидѣли. Къ-счастію, казаки наши поймали воровъ, которые извинились, говоря, что хотѣли только пошутить.

21 — 23 іюля. Жары продолжались. Мы опорожняли ежедневно 40-ведерную бочку прѣсной воды; барказъ привезъ намъ съ судна черезъ день еще двѣ новыя бочки; но вода отъ жару протухла и нельзя было пить ее безъ примѣси кислоты. Къ-счастію мы могли купить здѣсь дынь и арбузовъ, которые растутъ въ большомъ изобиліи; ихъ привозятъ также изъ Гюмишъ-Тепе; они отмѣнно хороши и огромной величины.

Кіатъ-Бегъ, Казы и нѣсколько старшинъ посѣтили насъ и обѣщали сдѣлать контрактъ съ Герасимовымъ на-счетъ рыбной ловли въ водахъ собственно имъ принадлежащихъ. Казы на другой день тоя (праздника) имѣлъ свиданіе съ Карелинымъ и обѣщалъ кончить все какъ-можно поспѣшнѣе.

24 іюля. Еще разъ ѣздилъ я съ нашимъ медикомъ по р. Атреку, въ трехъ куласахъ; мы достигли почти до бугра *Козу-Курана*, находящагося около 10 верстъ отъ устья этой рѣки. Казаки стрѣляли колпиковъ, чупуровъ, зеленыхъ пѣтушковъ и куликовъ, которыми изобилуютъ эти мѣста. Въ камышахъ мы видѣли многочисленные слѣды барсовъ и кабановъ. Воротились въ лагерь очень поздно; противный вѣтеръ заплескалъ наши куласы и промочилъ насъ до костей. Съ *Зеленаго*-Бугра привезли намъ нѣсколько варанусовъ (по туркменски *зализалъ*), родъ ящерицъ похожихъ на крокодила, и величиною отъ 3 до 4 футовъ. Мы умертвили ихъ, бросивъ имъ въ ротъ нюхательнаго табаку, отъ чего они немедленно впали въ сильныя судороги и задохнулись.

25 — 26 іюля. Послѣдняго числа, Казы и главные старшины: Мамедъ-Сардаръ, Султанъ Али-Ханъ, сынъ султана Мамедъ-Хана, Кіатъ, Яхши-Мамедъ, Черкесъ-Ханъ и другіе, приложили печати къ конгракту, заключенному ими съ купцомъ Герасимовымъ, въ томъ, что они отдаютъ ему на откупъ, въ-продолженіе 10 лѣтъ, свои рыбныя ловли, отъ Гассанъ-Кулинскаго-Култука до р. Гюргени. Всѣмъ имъ были розданы подарки.

27 іюля. Отправились изъ култука къ С., на урочище *Гаряль*, для добытія каменной соли, 33 киржима. Грозная эта для Персіянъ флотилія разлетѣлась-бы отъ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, и не устрашила бы горсти Русскихъ. Звѣринецъ нашъ увеличился: кромѣ молодой дикой козы мелкой породы, полученной нами въ Астрабадскомъ-Заливѣ, намъ подарили здѣсь 5 джейрановъ (Antilopes); они скоро сдѣлались ручными и стали брать сахаръ и хлѣбъ изъ нашихъ рукъ.

28 — 31 іюля. Въ-продолженіе этого времени мы занимались разспросами на-счетъ дорогъ ведущихъ въ Хиву, теченія рр. *Атрека* и *Гюргени*, народонаселенія *Юлудовъ*, *Текé*, *Кокановъ* и проч. Свѣдѣнія эти дали намъ Кіатъ, Яхши-Мамедъ, Ма-

медъ-Сардаръ, Черкесъ-Ханъ, Казы и другія лица. Извѣстіе о прибытіи русскаго судна съ подарками для Юмудскаго Народа, распространилось весьма скоро по степи и притомъ съ разными преувеличеніями, такъ-что многіе старшины пріѣхали къ намъ изъ-за 200 и 300 верстъ, чтобъ получить что-нибудь. Мы принимали только главныхъ, разспрашивали ихъ относительно края ими обитаемаго, о Хивѣ, о Персіи, и никогда не отпускали не показавъ имъ дѣйствія нашей артиллеріи. Они весьма удивлялись скорости съ какою слѣдовали выстрѣлы одинъ-за-другимъ, любовались рикошетами ядеръ по морю, и говорили обыкновенно, что покуда другіе зарядятъ ружье одинъ разъ, Русскіе успѣютъ зарядить и выстрѣлить четыре раза изъ пушки, слѣдовательно невозможно, чтобы кавалерія туркменская или хивинская могла дѣйствовать противъ Русскихъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля былъ сильный штормъ съ З.; сообщеніе съ судами прекратилось; бурунъ и волны были страшны, а море чуть не достигало до нашихъ кибитокъ, находившихся болѣе 50 саженъ отъ берега. Окончивши наши дѣла здѣсь, мы съ нетерпѣніемъ ожидали восточныхъ или южныхъ вѣтровъ, чтобъ продолжать путь; но къ-несчастію западные вѣтры дули въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ.

Августа 1. Мы приготовились къ отъѣзду, а между-тѣмъ Карелину нужно было удостовѣриться лично, въ какомъ положеніи находился нашъ шкоутъ. Во время шторма, его жестоко валяло и открылась течь до дюйма въ часъ; съ прекращеніемъ волненія она нѣсколько убавилась; но все-таки было весьма непріятно, что починка судна въ Астрабадскомъ-Заливѣ была почти безполезна. Къ-тому-же Туркменцы выводили насъ изъ терпѣнія своею наглостію, требуя уже, а не прося, подарковъ за малѣйшія услуги, и никогда не довольствуясь тѣмъ, что получали. У нихъ на языкѣ какъ-будто нѣтъ слова «возьми», а все только «давай». Никто не повѣрилъ-бы, какъ они поступаютъ съ купцомъ Герасимовымъ: съ него берутъ деньги за рыбу, принимая рубль серебромъ за два съ половиною реала, вмѣсто трехъ, да, сверхъ-того, заставляютъ его платить по 50 процентовъ съ капитала въ годъ. Ласковое обращеніе съ ними никуда не годится: кто ихъ бьетъ, того они и уважаютъ, то-есть боятся. Нищій народъ этотъ не перемѣ-

нился нисколько со времени посѣщенія Н. Н. Муравьевымъ, и портретъ его, сдѣланный этимъ путешественникомъ, какъ нельзя болѣе вѣренъ. Въ послѣднее время нашего пребыванія мы ихъ хорошо узнали, и обращались съ ними безъ церемоній. Они всѣ равны между собою, и ссоры, особливо между холостыми, оканчиваются нѣсколькими ударами ножа или кинжала. Въ глазахъ нашихъ поссорились двое, и старшій изъ нихъ, лѣтъ 15, едва не зарѣзалъ другаго, нанесши ему сильныя раны въ шею и голову. Туркменцы не обратили на это ни какого вниманія, и на вопросъ нашъ: что-же они не вступились за избитаго? отвѣчали, что старшій природный *Юлудъ*, а отецъ послѣдняго недавно перешелъ въ ихъ поколѣніе. Впрочемъ, и между одноплеменниками случается тоже самое. — Всякое приказаніе Карелина, или вызовъ на скачку, бѣганье и проч. объявлялись Туркменцамъ чрезъ нашего глашатаго (Дарджи).

2 — 3 августа. Во время пребыванія нашего здѣсь стояла постоянно ясная погода; только дня два видѣли мы облака; дни были утомительно жарки; изрѣдка западные вѣтры прохлаждали воздухъ; но ночи были великолѣпны: тихи, теплы; чистое небо горѣло звѣздами, блудящіе огни бороздили темную лазурь. Аулъ Гассанъ-Кулинскій засыпалъ; все было тихо; лишь доносило тихимъ вѣтромъ ропотъ моря, да часовой пробуждалъ тишину окликомъ кого-нибудь изъ нашихъ. Въ безмолвіи ночи часто уходили мы въ степь, чтобъ насладиться ею вполнѣ. Иногда ночью, въ штиль, термометръ доходилъ до + 22°, и никогда не опускался ниже + 18°.

4 августа. Оставили наконецъ этотъ берегъ. Карелинъ, заболѣвши, былъ посаженъ на пушку, и мы отправились пѣшкомъ черезъ воду, до нашихъ гребныхъ судовъ, отстоявшихъ отъ берега саженъ на 60. Противный вѣтеръ и сильное волненіе продержали насъ въ морѣ семь часовъ, и мы только въ-сумерки достигли до нашихъ судовъ.

5 — 7 августа. По причинѣ противныхъ западныхъ вѣтровъ, шли впередъ весьма медленно, то бросая якорь, то снимаясь опять. 7 числа, находившись на якорѣ противъ *Бѣлаго*-Бугра, я, Фелькнеръ и Заблоцкій, отправились въ двухъ лодкахъ на берегъ, находившійся около 10 верстъ отъ судна. Глубина почти до самаго берега простиралась до

6 футовъ; въ 50 саженяхъ отъ него море было мелко. Мы углубились въ степь около 3 верстъ, идя чрезъ песчаные холмы и высохшій заливъ; наконецъ стали вязнуть и очутились по-колѣно въ черной иловатой землѣ, среди обширнаго высохшаго соленаго озера; соль покрывала поверхность, а подъ ней находились илъ и вода. *Акъ-Тепѐ*, или Бѣлый-Бугоръ, находился еще въ 5 верстахъ отъ насъ. Характеръ берега похожъ на Огурчинскій, только въ бо́льшемъ видѣ. Три параллельныя гряды сыпучаго песку, связаннаго кустарными растѣніями, служатъ оплотомъ отъ наводненій бурнаго моря во время западныхъ штормовъ. Первая гряда саженяхъ въ 30 отъ берега, остальныя — въ верстѣ и менѣе одна-отъ-другой. Между ними — солончаковатая или ракушечная почва. Перевалившись за послѣднюю гряду, шли равниной, совершенно гладкой. День былъ жарокъ. Миражъ обманывалъ насъ какъ-нельзя лучше; вся степь, казалось, покрыта была водою, и даже тѣнь отъ бугровъ на горизонтѣ отражалась въ парахъ такъ живо, какъ въ тихой стоячей водѣ. Мы нѣсколько разъ обманывались и принимали миражъ за настоящую воду. Въ лѣвой рукѣ, когда шли къ Акъ-Тепѐ, блестѣла кора самосадочной соли. Акъ-Тепѐ вѣроятно доступенъ съ которой-нибудь стороны; видимо возвышается онъ изъ солончаковъ, и говорятъ, что на вершинѣ его бьютъ ключи горячей соленой воды. Тропинки вдоль берега показываютъ или обходную дорогу на него, или, быть-можетъ, пробиты онѣ охотниками-туркменцами, пріѣзжающими сюда за джейранами, свѣжія слѣды коихъ видѣли мы во-множествѣ. Отъ насъ казался бугоръ круто-поднявшеюся, ровной, бѣлесоватой стѣною. Мы воротились, искупались въ морѣ, и прибыли на судно въ-сумерки.

8 августа. Снялись съ якоря въ 6 часовъ поутру, но мало ушли впередъ. Въ 11 часовъ остановились всего въ полутора верстѣ отъ берега; послѣ обѣда поѣхали туда въ 3 лодкахъ и нашли тамъ двѣ кибитки. Хозяева ихъ, Туркменцы, имѣли стада барановъ, козъ и около 20 верблюдовъ; недалеко отъ берега вырыли они себѣ въ пескѣ нѣсколько колодцевъ; вода въ нихъ была солоновата. Степь имѣла тотъ же самый видъ, что при Бѣломъ-Бугрѣ. Мы купили 4 барановъ, купались въ бурунахъ, ибо западный вѣтеръ усилился, и потомъ воротились на

судно. Въ-продолженіе ночи вѣтеръ усилился и насъ безпокоила сильная качка.

9 августа. Карелинъ провелъ цѣлый день и слѣдующую ночь на берегу, чтобъ избѣжать качки, продолжавшейся съ одинаковою силою.

10 августа. Съ-разсвѣтомъ снялись мы съ якоря, шли впередъ медленно, и прошли *Зеленый*-Бугоръ въ 4 часа пополудни, а къ-вечеру вѣтеръ утихъ и сдѣлался почти штиль. Ночь была прелестная, освѣщенная яркимъ свѣтомъ луны; море, осеребренное луною, тихо волновалось, и змѣистая полоса свѣта бѣжала за рулемъ едва двигавшагося судна.

11 августа. Цѣлый день кое-какъ подвигались впередъ; вѣтеръ отходилъ къ W. len N. и насъ приваливало къ восточному берегу, въ-виду песчаныхъ бугровъ по-правую-руку нашего курса; бугры эти простираются отъ о. Челекени къ Ю. В. до бывшаго *Хивинскаго*-Залива (нынѣ почти высохшаго). Въ 6 часовъ вечера стали на якорь на 4 саженяхъ глубины.

12 — 13 августа. Дни прекрасные; стояли на якорѣ, потому что западный вѣтеръ не пускалъ насъ къ о. *Огурчинскому*. Термометръ показывалъ + 20° въ тѣни.

14 августа. Снялись съ якоря въ-полночь; вѣтеръ былъ чистый О., море покойно. Термометръ въ 1 часу пополуночи показывалъ + 22°. Шкоутъ сперва шелъ прекрасно, и мы полагали, что еще къ-свѣту будемъ въ-виду о. Огурчинскаго; по вычисленію до него было верстъ 30. Вѣтеръ между-тѣмъ скрѣпчалъ; мы шли по 4 узла; наконецъ, передъ утромъ развело ужасное волненіе. Мы уже прошли 50 верстъ, а все не видали острова; горизонтъ былъ въ туманѣ, вѣтеръ съ пылью, волненіе жестокое и 7 саженъ глубины; наконецъ глубина стала мало-по-малу уменьшаться; это обнадежило насъ, что мы еще не миновали острова; но зато мы могли попасть на *Тюленій*-Банкъ. Въ $6\frac{1}{2}$ часовъ, съ баку увидѣли землю, а въ 7 бросили якорь верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ о. Огурчинскаго, на 4 саженяхъ глубины. Только-что успѣли съѣхать на берегъ, какъ вѣтеръ опять сталъ отходить къ W.

15 — 17 августа. Сѣверная часть о. *Огурчинскаго* снята была уже во время перваго нашего посѣщенія, 17 и 28 мая; въ-продолженіе-же этихъ трехъ дней я занимался, вмѣстѣ съ

топографомъ, съемкою остальной части этого острова. Какъ жаръ былъ утомителенъ, то я предпочелъ ходить босикомъ по заплескамъ вдоль берега, и надѣвалъ сандалій только тамъ, гдѣ надобно было выходить на бугоръ, чтобъ обозрѣть окрестности для внесенія на планшетъ; раскаленный песокъ жегъ какъ горячее желѣзо. Такимъ образомъ, я сдѣлалъ болѣе 50 верстъ пѣшкомъ и босыми ногами. Во время съемки я часто вырывалъ колодцы, чтобы утолить жажду; прѣсную воду можно было добывать здѣсь во многихъ мѣстахъ на аршинѣ глубины отъ поверхности земли; впрочемъ случается, что вмѣсто прѣсной встрѣчается солоноватая, что зависитъ отъ бо́льшаго-или-меньшаго отдаленія колодцевъ отъ морскаго берега, и отъ болѣе-или-менѣе песчанаго грунта. Возлѣ южной оконечности острова мы нашли огромныя бакчи съ дынями и арбузами; 400 штукъ ихъ нагрузили мы въ лодки и перевезли послѣ на судно. Между-тѣмъ казаки вырыли между восточнымъ и западнымъ берегомъ нѣсколько колодцевъ и наполнили изъ нихъ водою 8 бочекъ. Въ довольномъ количествѣ набрали они также и валежнику, а стрѣлки наши приносили намъ каждый вечеръ до 60 и болѣе жирныхъ куликовъ, коими, равно-какъ бакланами и красными гусями, изобилуетъ островъ. Я часто любовался, съ какою ловкостью кулики возлѣ морскаго берега искали себѣ пищи, избѣгая волнъ и буруновъ, и кидались на червячковъ и т. п. выбрасываемыхъ моремъ. Я бралъ высоту солнца, когда погода это позволяла, и каждый вечеръ возвращался ночевать на судно, потому-что комары изъѣли тѣхъ изъ насъ, которые спали на берегу безъ пологовъ. Фелькнеръ осматривалъ между-тѣмъ соленыя озера и собиралъ образцы разнаго рода соли. Жителей здѣсь нѣтъ. Туркменцы лишь временно пріѣзжаютъ сюда съ о. Челекени для поливанія бакчей и собиранія арбузовъ. Мы нашли здѣсь стадо козъ и барановъ, нѣсколько верблюдовъ и табунъ лошадей, принадлежащихъ Кіату.

18 — 19 августа. Занимались приготовленіемъ бумагъ для отправленія въ Баку съ «Василіемъ». Съ этимъ судномъ откомандированъ былъ туда урядникъ Свѣчниковъ. Хотя вѣтры стояли до-сихъ-поръ противные, но нельзя было долѣе медлить, ибо мы имѣли крайнюю нужду въ разныхъ припасахъ. Между-тѣмъ прибыли къ намъ изъ Гассанъ-Кули шкоуты «Св.

Андрей» и «Св. Николай», принадлежащіе купцу Гераси-мову и нагруженные рыбными товарами; они запасались здѣсь свѣжею водою.

20 — 22 августа. «Василій» снялся съ якоря съ-разсвѣтомъ и обошелъ сѣверную косу о. Огурчинскаго; мы также снялись, чтобы продолжать путь въ *Красноводскій*-Заливъ, но успѣли отойти только 10 верстъ, какъ сѣверный вѣтеръ заставилъ насъ остановиться. Въ-продолженіе ночи онъ обратился въ сильный штормъ и дулъ безпрерывно 48 часовъ; мы пустили около 90 саженей якорнаго каната, чтобы уменьшить килевую качку, которая весьма насъ безпокоила.

23 августа. Подъ-утро вѣтеръ стихъ и воздухъ сталъ прохладнѣе; скоро три мѣсяца, какъ стоятъ совершенно-противные вѣтры. Вечеромъ вѣтеръ и волненіе затихли. *Балханы*, какъ облачко, видны были на N O len O.

24 августа. Ночью снялись съ якоря и къ-утру подошли къ о. Челекени съ южной стороны. Тремя выстрѣлами дали мы знать о нашемъ прибытіи ожидавшему насъ здѣсь Хадырь-Мамеду, который и прибылъ вечеромъ съ двумя туркменцами. Муригинъ промѣрилъ глубину около *Дервиша*. Послѣ шторма, течь увеличилась; качали въ-теченіе дня 4 раза, и выкачали въ-сутки 24 дюйма воды. Вѣтеръ опять сдѣлался противный.

25 — 26 августа. Балханскій-Кряжъ былъ видимъ весьма ясно передъ восхожденіемъ солнца; казаки говорили даже, что виднѣлись Астрабадскія-горы. Стояли на якорѣ на томъ же мѣстѣ. Открыли течь въ кормѣ и конопатили. Шпангоуты были гнилые, или, лучше сказать, крысы проѣли ихъ.

27 августа. Тамъ же на якорѣ. Казаки, посланные на берегъ, воротились и привезли туркменца Якубъ Курбу-Мамеда, который долженъ былъ проводить насъ въ Красноводскій-Заливъ. Вѣтеръ къ-ночи почти утихъ.

28 августа. Дулъ S. и S.O. Снялись съ якоря въ 7 часовъ утра, сдѣлали 6 или 7 верстъ и за штилемъ опять остановились. Убили тюленя. Поставили сѣти на рыбу, но ничего не поймали.

29 августа. Вѣтеръ N.N.O. Снялись съ-разсвѣтомъ, прошли мимо полуострова Дервиша съ южной его стороны, и по-причинѣ противнаго вѣтра стали на якорѣ въ 9 часовъ поутру.

День былъ прекрасный, и мы съ нетерпѣніемъ ждали попутнаго вѣтра.

30 августа. Рано утромъ при вѣтрѣ S. O. снялись съ якоря и шли къ З.С.З. вдоль Челекени до мыса, гдѣ островъ дѣлаетъ поворотъ на С.С.В. Шкоутъ долженъ былъ итти подъ парусами, и пройдя оконечность мыса поджидать насъ, убавивши парусовъ. На берегъ съѣхали на двухъ лодкахъ. Запахъ нефти поразилъ насъ еще за $\frac{1}{2}$ версты отъ берега. Обрывистые берега острова обманули насъ, ибо мы полагали себя вдвое ближе къ нимъ, нежели были въ-самомъ-дѣлѣ. Пристали вплоть къ берегу. Онъ здѣсь обрывистъ, вышиною сажени три, и состоитъ изъ глины, проникнутой солью, которая притомъ покрываетъ глину, высыхая на поверхности ея въ-видѣ налета, чѣмъ глинѣ темносѣраго или синевато-сѣраго цвѣта придаетъ цвѣтъ бѣлесоватый. Нефть проникаетъ ее, то частицами непримѣтными, ощущительными только обонянію, то напитываетъ цѣлыми слоями, представляющимися въ-видѣ паралельныхъ морю горизонтальныхъ полосъ въ $\frac{1}{4}$ арш. толщиною. Отъ осѣданія берега, во многихъ мѣстахъ пласты поставлены трещинами въ болѣе-или-менѣе вертикальное положеніе. Поднявшись на берегъ, мы слѣдовали по песку изъ перетертыхъ раковинъ и пеплу, нѣжному и мягкому, такъ-что хотя нога и тонетъ, но потомъ свободно отдѣляется отъ него. На покатости горы называемой *Мирза-Бека*, мы встрѣтили соленые источники, теплота коихъ простирается отъ 29° до 29° Реомюра: они вытекаютъ изъ покатости горы и исчезаютъ въ пескѣ; съ ними вмѣстѣ вытекаетъ и нефть, плавающая на поверхности воды струями; жители задерживаютъ ее досками: вода вытекаетъ, а нефть, какъ легчайшее вещество, остается, составляя верхній слой, и стекаетъ потомъ жолобомъ въ приготовленные для того подъемные амбары. Источники эти весьма живописны, падая съ уступа на уступъ по песчанику, проникнутому солью, то сильно, такъ-что она выступаетъ на его поверхность, то непримѣтными частицами. Вода пахнетъ нефтью и сѣрою. Возлѣ этихъ ручьевъ находится также нѣсколько колодцевъ съ горячею, чистою, черною нефтью.

Ближе къ морю нашли мы на этомъ возвышеніи значительное количество колодцевъ съ черною и бѣлою нефтью, покрытыхъ камнями, обсыпанными пескомъ; на многихъ видны

знаки: отпечатокъ руки или ноги. Приподнявши нѣкоторые изъ этихъ камней, мы видѣли крестообразно положенныя перекладины изъ жидовника, до $\frac{1}{3}$ аршина въ діаметрѣ; онѣ сдѣланы для-того-чтобы песокъ не обрушивался и не засыпалъ колодцевъ. Глубина сихъ-послѣднихъ отъ 3 до 7 аршинъ. Черная нефть покрываетъ воду, занимающую въ нихъ нижній горизонтъ, на дюймъ и болѣе, что́ мы узнавали опуская тростинку. Медикъ нашъ измѣрилъ температуру горячихъ ключей, и взялъ съ собою нѣсколько бутылокъ съ водою и нефтью.

Со времени пребыванія здѣсь Н. Н. Муравьева (въ 1821 году) море смыло и оторвало 250 саженъ отъ западнаго берега сего острова. На картѣ, имъ составленной, обозначено небольшое озеро, въ которое впадаютъ всѣ вышеупомянутые родники; его уже не существуетъ. Дѣйствіе волнъ подтверждается и неравномѣрною глубиною моря, безпрестанно измѣняющеюся около береговъ, и отторженными глыбами песчаника у мѣста нашего привала и далѣе къ С., гдѣ волны не могли размыть его равно-какъ и глину, составляющую настоящій берегъ. Пробывъ на островѣ не болѣе 5 часовъ и выкупавшись, мы воротились на шкоутъ, ожидавшій насъ съ подобранными парусами. Вѣтеръ между-тѣмъ зашелъ противный, и къ-вечеру мы стали на якорь. Передъ сумерками казаки еще разъ съѣзжали на берегъ и привезли оттуда нѣсколько куликовъ и растѣній.

31 августа. Снялись съ якоря утромъ и при тихомъ вѣтрѣ плыли вдоль берега Челекени. На-разсвѣтѣ обрисовались горы Красноводскія. Шли цѣлый день тихо и спокойно; вошли въ *Красноводскій*-Заливъ при $2\frac{1}{2}$ и 3 саж. глубины. Часовъ въ 7 вечера вѣтеръ повернулъ къ С. З. и мы бросили якорь. Заблоцкій съ казаками еще утромъ съѣзжалъ на берегъ, но какъ мы шли, хотя и при тихомъ вѣтрѣ, но безъ волненія и подъ всѣми парусами, довольно скоро, то онъ, пробывши не много на сѣверной косѣ Челекени, потомъ едва догналъ насъ на лодкѣ. Любопытнаго ничего не привезли.

Въ-продолженіе всего августа мѣсяца также господствовали западные и сѣверные вѣтры; мы употребили 27 дней, чтобы прибыть изъ Гассань-Кули въ Красноводскъ. Погода стояла всегда прекрасная, и съ 9 іюля дождей не было. Замѣчатель-

но, что въ-продолженіе нашего плаванія, ни одного раза не было грозы.

Сентября 1. Съ $6\frac{1}{2}$ часовъ снялись съ якоря и шли до 2 часа пополудни. Хадырь-Мамедъ, его тесть Туатъ и переводчикъ нашъ Абдулла пріѣхали къ намъ съ полуострова *Дарджи*. Направленіе наше было на С. С. В., прямо къ берегу. Гористый и разноцвѣтный сѣверный берегъ Красноводскаго или Балханскаго-Залива былъ видѣнъ весьма ясно. Темноцвѣтныя горы занимаютъ первый планъ; между ними виднѣются кирпично-красныя возвышенія и полосы, а за этими — обрывистый гребень, цвѣта, какъ намъ казалось, бѣложелтаго. Мы подвигались не-слишкомъ скоро, но очень спокойно; вѣтеръ былъ тихій, день ясный. За противнымъ вѣтромъ стали на якорь въ 2 часа, противъ мыса *Куба-Сенгиръ*, и съѣхали на берегъ. Здѣсь однакоже, какъ и на Челекени, обманулись въ разстояніи: горы и вообще высокой берегъ очень сближаютъ предметы. Мы были отъ берега верстахъ въ полутора или около двухъ. Только ступили мы на берегъ, какъ ужъ почувствовали перемѣну температуры; отражаемыя бѣлѣсоватыми скалами лучи солнца раскаляли воздухъ, и если-бы не прохлаждалъ его вѣтеръ, вырывающійся шквалами изъ-за горъ, то было-бы утомительно душно. Все прибрежье засыпано отторженцами скатившимися съ горъ, которыя начинаются отступя на 50 саженъ отъ берега. Онѣ не такъ круты съ подошвы, какъ къ вершинѣ; вышиною около 80 саженъ; состоятъ изъ известковыхъ обрывистыхъ скалъ. Я поднялся на вершину *Куба-Сенгира*, и любовался прекрасною картиною разстилавшеюся у моихъ ногъ. Почти весь *Балханскій*-Заливъ съ о. о. *Челекенью*, *Дарджи* и *Дагъ-Ада*, былъ видѣнъ какъ на ладони. Отсюда повѣрялъ я съемку Н. Н. Муравьева, сдѣланную весьма вѣрно. Послѣ, мнѣ захотѣлось спуститься по замѣченной мною тропинкѣ, но когда я дошелъ почти до подошвы горъ, остановилъ меня обрывъ въ 10 саженъ вышиною; и я съ неимовѣрною трудностью долженъ былъ лѣзть по крутымъ скаламъ до вершины, чтобы спуститься опять по другой дорогѣ. Попутный вѣтеръ побудилъ насъ сняться съ якоря въ 8 часовъ вечера, и итти далѣе къ *Балкуи*, куда прибыли въ 11 часовъ вечера, плывя всего только на трехъ парусахъ.

2 сентября. Карелинъ рано утромъ отправился въ лодкѣ на берегъ, къ колодцамъ *Балкуи*. Шкоутъ снялся въ 11 часовъ утра и слѣдовалъ по томуже направленію, верстахъ въ двухъ отъ берега. Всѣ бочки были немедленно отправлены къ колодцамъ, причемъ и я также поѣхалъ на берегъ. Мѣстоположеніе Балкуи красиво. Порфировыя горы сходятъ постепенно уменьшающимися сопками къ морю; паралельно къ нимъ песчаниковыя горы упираются въ море крутой отвѣсной скалой, и поворачиваютъ къ *Уфраку*. Между ними полого скатывающаяся равнина, версты въ 2 шириною. У самаго берега находятся 2 колодца, выложенные камнемъ и глубиною до 5 аршинъ; вода въ нихъ немного солоновата, но чиста и хороша; намъ попалось въ ней много змѣиныхъ шкуръ, и притомъ здѣсь поятъ обыкновенно верблюдовъ; потому мы наливались водою въ другихъ колодцахъ, саженяхъ во 100 отъ первыхъ. Они называются *Балкуи* (медовые колодцы). Я подымался на гору *Шахъ-Аделя*, съ которой прекрасный видъ на заливъ и косу красноводскіе. Хадырь-Мамедъ поѣхалъ къ *Дарджи*, приготовить тамъ верблюдовъ для поѣздки нашей въ Балханскія-Горы. Нѣсколько туркменцевъ на верблюдахъ пріѣзжали къ намъ изъ степи, и обѣщали пригнать барановъ, въ которыхъ мы очень нуждались. Жаръ былъ 23° въ тѣни. Фелькнеръ между-тѣмъ обозрѣвалъ берегъ и описывая составъ горъ, собиралъ образчики формацій.

3 сентября. Опять ѣздилъ на берегъ къ колодцамъ, гдѣ Карелинъ и лекарь нашъ ночевали въ палаткахъ. Повѣрялъ хронометръ и взялъ высоту солнца надъ самыми колодцами. Тонографъ снималъ между-тѣмъ бухту *Соймонова*. Туркменцы привезли намъ трехъ тощихъ барановъ. Въ-продолженіе дня казаки налили водою 22 бочки. Всѣ мы оставили берегъ и прибыли на шкоутъ въ 7 часовъ вечера.

4 сентября. Рано утромъ снялись съ якоря, прошли мысъ *Ташъ-Отакъ*, потомъ вдоль берега мимо *Куба-Сенгира*, и вошли въ *Балханскій*-Заливъ. День былъ ясный, но прохладный; верстъ за 7 передъ о. *Дагъ-Ада*, вѣтеръ зашелъ намъ въ лицо, глубина уменьшилась и мы стали на якорь въ $6\frac{1}{2}$ верстахъ отъ *Дагъ-Ада* и верстахъ въ 3 отъ *Дарджи*, на 10 футахъ глубины. Муригинъ ѣздилъ промѣрять глубину, и въ 9 часовъ вечера воротился. Глубина внутри залива — $1\frac{1}{2}$ са-

жени и менѣе; грунтъ — твердый илъ. Якорная стоянка здѣсь спокойна. Когда мы шли еще по 2 саженямъ, дно было видно весьма ясно. Шкоутъ сталъ неподвижно. Ночью пошелъ порядочный дождь, и къ намъ въ каюту стало протекать, оттого-что въ-продолженіе двухъмѣсячныхъ жаровъ палуба высохла и потрескалась. Погода настала осенняя. Сильный сѣверный вѣтеръ дулъ болѣе 36 часовъ, но въ заливѣ волненіе было почти незамѣтно.

5 сентября. Въ $8\frac{1}{2}$ часовъ утра снялись съ якоря, чтобы приблизиться къ *Дарджи*, и остановились около 3 верстъ отъ него. Сѣверный вѣтеръ продолжалъ дуть весьма сильно. Температура въ 9 часовъ утра была $+14\frac{1}{2}°$. Казаки поѣхали на о. *Дагъ-Ада* охотничать, но воротились вечеромъ безъ успѣха.

6 сентября. Погода опять стала прекрасна. Герасимовъ пріѣхалъ къ намъ съ *Дарджи* съ Хадырь-Мамедомъ; суда его стояли въ заливѣ и ждали только попутнаго вѣтра, чтобъ продолжать путь въ Астрахань. Часть казаковъ была отправлена на берегъ съ палатками, водою и сухарями для поѣздки нашей въ Балханскія-Горы.

7 сентября. Поутру посѣтилъ насъ Хадырь-Мамедъ и сообщилъ, что со-стороны отца его все приготовлено для нашей поѣздки. Съ нашей стороны были сдѣланы слѣдующія распоряженія: Карелинъ нанялъ у Кіата 5 лошадей для насъ и 24 верблюда для подъема тяжестей. Отрядъ состоялъ изъ всѣхъ чиновниковъ Экспедиціи (за исключеніемъ штурмана Васильева), 32 козаковъ, переводчика и живописца, всего изъ 45 человѣкъ русскихъ. Каждый казакъ имѣлъ при себѣ 30 боевыхъ патроновъ; сверхъ-того, взяты были 2 фалконета съ 60 зарядами. Сухарями и водкой запаслись на 10 дней. Воды, въ боченкахъ и турсукахъ взяли мы на 4 дня, потому-что имѣли надежду найти прѣсную воду въ Балханскихъ-Горахъ. Часть отряда должна была итти сухимъ путемъ чрезъ *Дарджи* до переправы на *Актамъ* (древнемъ Оксусѣ); другая-же часть, съ вольнымъ штурманомъ Муригинымъ, должна была отправиться водою въ двухъ киржимахъ и одномъ куласѣ. Муригинъ получилъ предписаніе промѣрить глубину залива, и оставивъ киржимы тамъ, гдѣ мелководіе будетъ препятствовать дальнѣйшему на нихъ слѣдованію, достигнуть Актама

въ одномъ куласѣ, чтобы тѣмъ доставить намъ возможность переправиться чрезъ него.

Въ-полдень оставили мы судно, и поѣхали въ двухъ лодкахъ на берегъ Дарджи; тутъ началась суматоха: Туркменцы съ своими верблюдами суетились такъ, что Карелинъ бился два часа, чтобы привести въ порядокъ число хозяевъ назначенныхъ для насъ верблюдовъ, и заставить ихъ нагрузить послѣднихъ надлежащимъ образомъ. Наконецъ палатки, сухари, водка и вода были навьючены, и мы пустились въ степь въ $4\frac{1}{2}$ часа пополудни. Насъ провожали: самъ Кіатъ, меньшой сынъ его Хадырь-Мамедъ, Булатъ-Ханъ съ сыномъ и другіе Туркменскіе старшины, всего около 20 человѣкъ съ 18 верблюдами, такъ-что караванъ нашъ состоялъ изъ 43 верблюдовъ. Хотя Туркменцы предупреждали насъ, будто-бы опасно проходить черезъ степь въ Балханскія-Горы, однакожъ мы, зная уже привычку ихъ стращать Русскихъ мнимыми опасностями, были увѣрены, что не встрѣтимъ ни души, какъ оно и оказалось на самомъ дѣлѣ. Направленіе наше было къ *В.*, и мы шли чрезъ песчаную волнистую степь, покрытую разнымъ кустарникомъ, въ томъ числѣ и саксауломъ. Совершивъ 10–верстный переходъ, мы остановились въ $6\frac{1}{2}$ часовъ вечера и расположились ночевать подъ открытымъ небомъ. Верблюдовъ пустили въ степь, а сами, пока не заснули, долго любовались прекрасною ночью и яркимъ свѣтомъ мѣсяца.

8 сентября. Поднялись до-разсвѣта, и продолжали путь нашъ по волнистой степи. Култукъ *Буюръ-Садыхъ* остался влѣвѣ. *Послѣ 15 верстъ перехода* остановились въ $9\frac{1}{2}$ часовъ; жаръ сдѣлался чувствителенъ: въ–полдень термометръ показывалъ $+25°$ въ тѣни. Вода въ турсукахъ была совсѣмъ холодна, тогда-какъ въ боченкахъ значительно нагрѣлась. Въ часъ пополудни опять пустились въ дорогу черезъ степь, частью по солонцамъ, частью по буграмъ и потомъ чрезъ огромное высохшее озеро. Сдѣлавши такимъ образомъ еще 15 верстъ, мы поравнялись съ нашими киржимами и остановились на возвышеніи. Было 6 часовъ вечера; давши два-съ-половиною часа отдыха верблюдамъ, пустились далѣе. Ночь опять была очаровательная. Послѣ 10 верстъ перехода, остановились ночевать подъ открытымъ небомъ въ 11 часовъ вечера. Дулъ свѣжій восточный вѣтеръ, препятствовавшій нашимъ киржимамъ продолжать путь

къ устьямъ Актама, ибо выгналъ воду изъ залива. Ночью мы ясно слышали крикъ красныхъ гусей на Актамѣ.

9 сентября. Поднялись въ 6 часовъ утра и продолжали путь чрезъ высохшія соленыя озера и потомъ чрезъ песчаные весьма высокіе бугры. Актамъ остался у насъ влѣвѣ. Совершивши 12 верстъ по этой трудной дорогѣ и при утомительной жарѣ, мы наконецъ въ 10 часовъ утра достигли переправы на Актамѣ. Н. Н. Муравьевъ, бывшій здѣсь въ 1821 году, означилъ двумя кольями ширину рѣки, и колья эти существуютъ еще до-сихъ-поръ. Ширина Актама при нашемъ посѣщеніи была 32 сажени. Я вымѣрилъ ширину стараго русла *Оксуса*, слѣды коего весьма ясно видны, и нашелъ ее во 150 саженъ. Берегъ стараго русла состоитъ изъ высокихъ, песчаныхъ и частью обрывистыхъ бугровъ, тянущихся паралельно теченію рѣки. На одномъ изъ этихъ бугровъ, съ лѣвой стороны Актама, находятся остатки землянаго укрѣпленія, названнаго Туркменцами *Кулеаръ-Сенгиръ*, а недалеко оттуда къ С. З., также на вершинѣ бугра, видѣнъ памятникъ *Шихъ-Мустафы*, одного изъ ихъ Святыхъ. Въ ожиданіи прибытія Муригина съ куласомъ, мы расположились лагеремъ на берегу Актама, и купались въ волнахъ этой рѣки, вода которой неимовѣрно солона. Въ 2 часа пополудни, Муригинъ пришелъ пѣшкомъ съ своими казаками; онъ долженъ былъ оставить киржимы по-причинѣ мелководья, а куласъ прибылъ часомъ позже, провожаемый 3 казаками. Тотчасъ приказано было начать переправу. Верблюды и лошади переплыли черезъ Актамъ, равно-какъ Туркменцы и часть нашихъ казаковъ; всѣже тяжести были перевезены мало-по-малу посредствомъ куласа, который не могъ поднимать много за-разъ. Глубина Актама въ мѣстѣ переправы — 2 сажени; дно вязко. Въ 6 часовъ вечера мы всѣ уже были на правомъ берегу древняго Оксуса, и расположились лагеремъ. Карелинъ купилъ у нашихъ Туркменцевъ 22 барана, оставивъ у нихъ половину изъ этого числа для кормленія. Развели огни, казаки варили себѣ кашу, и звуки русской пѣсни огласили мѣста, гдѣ можетъ-быть стоялъ когда-нибудь съ своими многочисленными ордами могучій Чингисъ. Туркменцы гоняли верблюдовъ своихъ на водопой къ колодцамъ *Молла-Кара-Куюсы*, находящимся въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ выше, на правомъ берегу; вода въ нихъ солона.

Верстъ 7 еще выше находится колодецъ *Кара Актамъ*, въ которомъ вода менѣе солона, такъ-что въ случаѣ нужды можно ее пить. Ночь опять была прекрасна; живописный лагерь нашъ, расположенный на берегу древняго Оксуса, въ-виду Балханскихъ-Горъ, и освѣщенный магическимъ блескомъ мѣсяца, представлялъ картину великолѣпную.

10 сентября. Оставили Актамъ въ 6 часовъ утра. Первыя $1\frac{1}{2}$ версты шли по песчанымъ буграмъ, покрытымъ кустарникомъ, и составляющимъ правый берегъ этой рѣки. Направленіе наше было къ В. Потомъ вышли на огромную равнину, покрытую рѣдкимъ кустарникомъ изъ саксаула, которая незамѣтною отлогостью поднимается до самой подошвы горъ. Восточная часть ея покрыта каменьями, число и объемъ которыхъ увеличиваются по-мѣрѣ приближенія къ горамъ; равнина эта изборождена многими сухими руслами, остатками потоковъ, образуемыхъ дождевою водою. Сдѣлавъ 12 верстъ по этой равнинѣ, вошли въ широкое каменистое ущелье, также изборожденное сухими руслами дождевыхъ потоковъ; пройдя имъ 5 верстъ поворотили вдругъ направо къ Ю. В., и по покатостямъ горъ вступили въ широкую долину (2 версты), на правой сторонѣ коей нашли, наконецъ, между камышемъ, родникъ *Ядыхяръ-Чешмесы* съ отличною холодною водою, которою и утолили жажду нашу, возбужденную 20 верстами пути по утомительной жарѣ. Здѣсь мы налили свѣжею водою наши боченки и турсуки, и обѣдали; опредѣлили потомъ широту этого мѣста, и отдыхали до 3 часовъ пополудни. Послѣ, продолжали путь нашъ опять къ Ю. В., вверхъ по вышеупомянутой долинѣ, которая подымается отлогостью, и послѣ 5 верстъ перехода остановились, въ 5 часовъ, при родникѣ *Меулалы-Кель-Чешмесы*, съ хорошею холодною водою, и также окруженномъ камышами. Мы находились здѣсь близь подошвы, откуда собственно начинаются горы; сдѣлавъ прогулку въ нѣсколько верстъ по ближайшимъ окрестностямъ, вмѣстѣ съ Фелькнеромъ, мы нашли въ ущельяхъ можжевеловыя деревья, черешневый и смоковичный кустарникъ и рога горнаго козла (тура), обитателя самыхъ высокихъ скалистыхъ вершинъ горы. Ночь провели при помянутомъ родникѣ *Меулалы-Кель*, и сдѣлали всѣ приготовленія для дальнѣйшаго пути; ибо отъ этого мѣста начинались трудности подъема.

11 сентября. Оставивъ всѣ тяжести и верблюдовъ при родникѣ, подъ прикрытіемъ 8 казаковъ, Кіата и другихъ Туркменцевъ, мы въ $6\frac{1}{2}$ часовъ утра пустились въ горы на-легкѣ; сухарей и водки взято было нами на 3 дня. Насъ провожали: туркменецъ Суюнъ, часто охотившійся въ здѣшнихъ горахъ, Хадырь-Мамедъ и сынъ Булатъ-Хана; лошади съ тяжестями должны были слѣдовать за нами еще около 5 или 6 верстъ; итти далѣе и для нихъ было невозможно, по трудности дорогъ. Мы поднимались по ущельямъ, частью по рытвинамъ бывшихъ потоковъ и по крутымъ скаламъ до родника *Тарава-Чешмесы*, окруженнаго можжевеловыми деревьями и смоковичными и черешневыми кустарниками. Здѣсь мы въ послѣдній разъ запаслись водою, и въ 8 часовъ утра достигли, послѣ нѣсколькихъ крутыхъ подъемовъ, подошвы ядра Балхановъ. Отсюда отослали мы лошадей въ лагерь при *Меуламъ-Келъ*, отдохнули съ-часъ, и въ 9 часовъ начали подыматься по узкому ущелью, называемому Туркменцами *Эшекъ-Іолъ* (ослиная дорога). Ущелье это имѣло болѣе 50° паденія; грунтъ состоялъ не изъ скалъ и не изъ земли, а изъ сыпучихъ, мелкихъ и острыхъ известковыхъ камней подобныхъ щебню, которымъ покрываются дороги *à la Mac-Adam*. Нога никакимъ образомъ не можетъ ступить на него твердо, и мы нѣсколько часовъ бились изо всѣхъ силъ, чтобы преодолѣть эти трудности; каждый изъ насъ падалъ не-разъ, и я имѣлъ несчастіе изломать, при одномъ изъ такихъ случаевъ, бывшій съ нами барометръ. Въ-полдень мы достигли незначительнаго родника *Эшекъ-Іолъ-Чешмесы*, какъ-бы спрятаннаго подъ сводомъ огромной известковой скалы; воды въ немъ мало, но она весьма холодна. Медикъ нашъ нашелъ температуру его въ 6° Реомюра. Родникъ этотъ находится въ узкомъ ущельи и окруженъ высокими, отвѣсными и почти голыми скалами; лишь нѣсколько можжевеловыхъ деревьевъ, да барбарисовый кустарникъ разбросаны въ трещинахъ скалъ. Мы отдыхали здѣсь часа два, и потомъ подымались выше по узкой долинѣ, окруженной высокими горами. Очень устали; и какъ невозможно было достигнуть въ тотъ же день вершины горъ, то рѣшились ночевать тутъ. Нѣкоторые изъ нашихъ казаковъ пошли охотничать, и всѣ запаслись множествомъ чубуковъ изъ черешневаго дерева, которое растетъ здѣсь въ довольно-большомъ количе-

ствѣ. Пока Фелькнеръ осматривалъ горы и ихъ составъ, другіе занимались собираніемъ предметовъ по-части естественной исторіи. Къ-вечеру мы зажгли въ нашей долинѣ траву и сухія можжевеловыя деревья, въ-слѣдствіе чего имѣли великолѣпную иллюминацію въ-продолженіе цѣлой ночи, которая была отмѣнно холодна: термометръ показывалъ на-разсвѣтѣ + 3°; мы провели ее на голомъ камнѣ, покрытомъ, вмѣсто постели, нѣсколькими вѣтвями можжевельника.

12 сентября. Съ восхожденіемъ солнца отправились далѣе, и послѣ двухъ часовъ труднаго подъема по ущельямъ и крутымъ скаламъ, достигли въ 8 часовъ утра вершины *Диремъ-Дага*, высочайшей точки Балханскихъ-Горъ. На половинѣ дороги, въ глубокомъ ущельи мы нашли незначительный родникъ, который назвали *Суюнъ-Чешмесы*, по имени нашего проводника. Съ вершины Диремъ-Дага наслаждались прекраснымъ видомъ на все пространство, находившееся подъ нашими ногами, но горизонтъ былъ покрытъ мглою. Карелинъ, я, Муригинъ и топографъ, сняли все это пространство, и посредствомъ бусоли произвели пересѣченіе всѣхъ главныхъ пунктовъ горъ съ Актамомъ, Балханскимъ-Заливомъ, полуостровомъ Дарджи и проч., а Муригинъ, сверхъ-того, повѣрилъ и повторилъ послѣ эту работу посредствомъ окружнаго инструмента. Мы опредѣлили также широту вершины Диремъ-Дага. Занятія эти продержали насъ до 3 часовъ пополудни; по окончаніи ихъ, казаки наши воздвигли на этой вершинѣ столбъ изъ камней, въ сажень вышиною, какъ памятникъ пребыванія Русскихъ на вершинѣ горъ, которыхъ никогда не касалась нога Европейца. Фелькнеръ окончилъ между-тѣмъ обозрѣніе горъ въ геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ, и въ 5 часовъ мы спускались уже по ущелью *Эшекъ Іолъ*. Карелинъ остался ночевать на половинѣ дороги къ лагерю при *Меуламъ Келъ*, а я съ другими чиновниками продолжалъ путь до лагеря; мы потеряли въ-потьмахъ настоящую дорогу, шатались часа два по ущельямъ и по узкимъ рытвинамъ протоковъ, и только въ 9 часовъ вечера достигли наконецъ до *Меуламъ-Келъ-Чешмесы*, уставши и съ разорванною обувью, или даже босикомъ, отъ каменистыхъ скалъ и дорогъ, по которымъ въ-продолженіе четырехъ сутокъ безпрестанно лазили. Я дѣлалъ

многократные походы въ нѣдрахъ Кавказскихъ-Горъ, посѣщалъ Талышинскія, былъ въ Мазандеранскихъ, но поѣздка въ горы Балханскія далеко превосходила испытанныя мною прежде трудности. Плодомъ этой поѣздки были коллекціи разныхъ предметовъ по-части естественной исторіи, и между прочимъ растѣніе дающее извѣстную смолу Gummi gallanum; растѣніе это, по словамъ Карелина, встрѣчаемо было досихъ-поръ только въ жаркихъ странахъ; нашли также много роговъ тура и аркара, скитающихся въ этихъ горахъ, гдѣ, по словамъ Туркменцевъ, водятся также и барсы.

13 сентября. Долина, въ которой мы находились, имѣетъ направленіе отъ Ю. В. къ С. З. Въ 8 часовъ утра прибылъ къ намъ Карелинъ, въ $10\frac{1}{2}$ часовъ мы оставили родникъ Меуламъ-Кель, а въ $11\frac{1}{2}$ часовъ были уже у родника *Ядыхяръ*. Здѣсь остановились съ-часъ, чтобы налить боченки и турсуки свѣжею водою, а въ $12\frac{1}{2}$ часовъ опять пустились въ путь по широкой долинѣ, въ направленіи къ Ю. З. сопровождающей отрасль горъ *Шахъ-Кулѝ*, которая была у насъ влѣвѣ. Офицеры Н. Н. Муравьева посѣщали ихъ въ 1821 году и нашли тамъ колодецъ *Беуръ-Куй-Гассанъ-Кулѝ*. Сдѣлавши этою долиною 5 верстъ, мы опять вышли въ помянутую выше обширную долину, покрытую рѣдкимъ кустарникомъ и каменьями. На половинѣ дороги сдѣлали привалъ, въ-продолженіе котораго я и Муригинъ опредѣлили высоту горъ тригонометрически, взявши базисъ въ 250 саженъ длиною. Въ 4 часа пополудни продолжали путь и прибыли въ $5\frac{1}{2}$ часовъ къ правому берегу Актама. На противуположномъ берегу замѣтили мы 50 или 60 верблюдовъ: они принадлежали къ каравану, шедшему изъ Дарджи въ Хиву для покупки хлѣба. Пока топографъ нашъ снималъ переправу и окрестности, а Муригинъ производилъ пересѣченія съ главными вершинами горъ, посредствомъ бусоли, мы вытащили нашъ куласъ изъ камыша, куда онъ былъ спрятанъ, и начали переправляться. Въ $7\frac{1}{2}$ часовъ вечера, мы и всѣ тяжести находились уже на лѣвомъ берегу Актама; верблюды и лошади переплыли рѣку ночью. Тутъ являлся къ намъ сынъ какого-то *Хаджи-Нефеса*, и показывалъ бумагу данную отцу его графомъ Войновичемъ въ 1781 году, и свидѣтельствованную потомъ полковникомъ Муравьевымъ въ 1821 году.

14 сентября. Топографъ нашъ продолжалъ съемку Актама, а я и Муригинъ опредѣлили астрономически широту рѣки и нашли ее 35° 1′ 14″. Отъ западныхъ вѣтровъ вода въ ней прибыла, и колья полковника Муравьева были покрыты водою. Послѣ того, мы еще разъ опредѣлили тригонометрически высоту Балханскихъ-Горъ. Въ 6½ часовъ утра температура воды въ Актамѣ была 12° Р. Въ 9 часовъ оставили мы мѣсто переправы и пустились внизъ по лѣвому берегу Актама. Топографъ въ куласѣ ѣхалъ внизъ по немъ для съемки береговъ. Пройдя 3 версты по лѣвому берегу, весь караванъ взялъ влѣво, въ степь; послѣ 5 верстъ перехода сдѣлали привалъ; жара была утомительна; термометръ показывалъ въ полдень + 26° въ тѣни. Въ 2½ часа пополудни поднялись опять, и въ 5 часовъ вечера прибыли къ бугру напротивъ мѣста, гдѣ остались за мелководьемъ наши киржимы. Здѣсь я взялъ 11 казаковъ и двухъ хозяевъ киржимовъ, и продолжалъ путь водою, съ цѣлію повѣрить съемку Н. Н. Муравьева. Заливъ имѣлъ тутъ только 1½ и 2 фута глубины, и дно было вязко. Остановившись въ 10 часовъ вечера на нѣсколько времени, чтобы сварить кашу, мы продолжали потомъ путь нашъ цѣлую ночь, при свѣтѣ мѣсяца. Приходилось отталкиваться, потому-что недостатокъ глубины не позволялъ грести, а противный вѣтеръ препятствовалъ поднять паруса.

15 сентября. Продолжали нашъ водяной путь; морская вода была неимовѣрно-прозрачна, такъ-что можно было видѣть на днѣ рѣки самые мелкіе предметы. Бились цѣлый день: противный вѣтеръ отбросилъ насъ къ сѣверному берегу, и только вечеромъ достигли мы о. Дагъ-Ада. Сигналы на Дарджи увѣдомили насъ о прибытіи туда остальной части отряда. Шкоутъ нашъ, стоявшій при западной оконечности Дагъ-Ада, отвѣчалъ пушечнымъ выстрѣломъ и немедленно снялся съ якоря, чтобъ подойти ближе къ Дарджи; а мы, не зная этого, искали его послѣ въ темнотѣ, и только въ 10½ часовъ вечера причалили къ борту. Въ-продолженіе нашего отсутствія, шкоутъ былъ накрененъ и всѣ тяжести изъ него выгружены и перевезены на Дагъ-Ада, близъ котораго стоялъ онъ на якорѣ; судно починили: оказалось, что течь находилась въ кормѣ въ трехъ

разныхъ мѣстахъ; потомъ всѣ пазы были вновь выконопачены, а снасти отчасти перемѣнены.

16 сентября. Карелинъ прибылъ на судно съ остальнымъ отрядомъ въ 10 часовъ утра, вмѣстѣ съ Хадырь-Мамедомъ, а разъѣздное судно наше «Василій» было усмотрѣно еще съ разсвѣтомъ; оно бросило якорь возлѣ насъ около полудня, возвратившись изъ Баку, куда было послано въ августѣ мѣсяцѣ. Во время шторма отъ С., 21 и 22 числа того же мѣсяца, оно было занесено къ Мазандеранскимъ берегамъ, потеряло лодку и при сильныхъ тамошнихъ бурунахъ едва удержалось на якорѣ. Оно привезло намъ бумаги изъ С. Петербурга, Тифлиса и Астрахани; сверхъ-того—вина и съѣстные и другіе припасы, въ которыхъ мы сильно нуждались.

Въ 3 часа пополудни, я и Фелькнеръ отправились на баркасѣ на о. Дагъ-Ада, который былъ снятъ уже нашимъ топографомъ. Здѣсь меня чуть не укусила змѣя самой ядовитой породы; казаки поймали ее живую и привезли къ нашему медику. Она принадлежала къ роду аспидовъ. Въ 8 часовъ вечера воротились на шкоутъ.

17 сентября. Занимались укрѣпленіемъ винтовъ и другими судовыми работами. Вечеромъ снялись съ якоря и пошли къ *Балкуи*, но противный вѣтеръ принудилъ насъ опять стать на якорѣ въ 9 часовъ, пройдя *Куба-Сенгиръ*.

18 сентября. Ночью опять снялись съ якоря и приблизились къ *Балкуи* на десять верстъ, но далѣе не могли итти по-причинѣ сильнаго N. W. Утромъ послали лодки къ колодцамъ, для наливанія бочекъ.

19 сентября. Сильный вѣтеръ отъ С. З. не прекращался; Топографъ былъ посланъ для снятія бухтъ Соймонова и Муравьева. Течь въ нашемъ суднѣ почти прекратилась, но застоялая въ трюмѣ вода причиняла сильный гнилой запахъ и принуждала насъ выкачивать ее весьма часто, и наливать въ трюмъ свѣжую. Починка снастей окончилась.

20 сентября. Снялись въ часъ пополуночи и пошли опять къ Дарджи, чтобы проститься съ Кіатомъ. Въ 7 часовъ утра стали на якорь, около 7 верстъ отъ *Атъ-Тепесы*. Хадырь-Мамедъ посѣтилъ насъ съ семью старшинами; ихъ угощали, и старшины получили каждый по котлу. Въ 3 часа пополудни мы проводили ихъ въ двухъ лодкахъ на берегъ; тамъ была

приготовлена для насъ кибитка. Кіатъ угостилъ насъ и познакомилъ съ своею женою; цѣлый вечеръ занимались мы разспросами и получили отъ старика разныя свѣдѣнія относительно Актама, Балхановъ, Хивы и Туркменскаго Народа вообще. Онъ позволилъ своему сыну Хадырь-Мамеду проводить насъ до Карабугазскаго-Залива. Мы расплатились за верблюдовъ и лошадей, и давши Кіату значительный подарокъ, простились съ этимъ добрымъ старикомъ, который такъ расположенъ къ Русскимъ (онъ же въ 1819 году провожалъ въ Хиву Н. Н. Муравьева), и прибыли на судно въ $10\frac{1}{2}$ часовъ утра, вмѣстѣ съ Хадыремъ. Тотчасъ послѣ того снялись съ якоря, чтобъ выйти изъ Балханскаго-Залива, но крутой западный вѣтеръ бросилъ насъ въ бухту между *Челекенью* и косою *Колпачи*.

21 — 22 сентября. Тянулись въ-продолженіе двухъ этихъ дней, чтобъ выйти изъ помянутой бухты.

23 сентября. Поутру вышли наконецъ изъ залива, но по причинѣ сѣверо-западнаго вѣтра бросили якорь въ 10 часовъ утра. Между-тѣмъ, чтобъ быть готовымъ выдержать осенніе штормы, спустили въ трюмъ единорогъ и одну изъ нашихъ пушекъ, и подняли потомъ на палубу баркасъ и лодки. Время непастной погоды приближалось.

24 сентября. Снялись съ якоря въ часъ пополуночи и направили путь къ С. З. День былъ прекрасенъ; въ полдень штилевали; потомъ вѣтеръ отошелъ къ С. З.; мы приблизились къ берегу и стали на якорь на 8 саженяхъ глубины противъ мыса *Дарта* и колодца *Чай-Бурунъ*. Муригинъ отправился на берегъ промѣрять глубины; Хадырь-Мамедъ провожалъ его; воротились они вечеромъ съ 4 баранами и туркменцемъ Хаджи-Ари, бывшимъ нѣсколько разъ въ Карабугазскомъ-Заливѣ; онъ далъ намъ свѣдѣнія объ этомъ заливѣ и провожалъ насъ туда.

25 сентября. Стояли на якорѣ за противнымъ вѣтромъ. Нѣсколько Туркменцевъ съ берега посѣтили насъ и предлагали намъ лисьи шкуры; но ихъ не приняли.

26 сентября. Опять пріѣзжали Туркменцы съ берега и продали намъ бѣлугу, только-что ими пойманную. Между-тѣмъ снялись съ якоря при весьма-слабомъ юго-западномъ вѣтрѣ, но мало подвинулись впередъ; погода была прекрасна; въ пол-

день термометръ показывалъ + 18° въ тѣни. Прошли мысъ *Акъ-Сенгиръ*. Въ $4\frac{1}{2}$ часа пополудни вѣтеръ отошелъ къ З., прибивая къ берегу, и мы принуждены были бросить якорь на каменномъ и не очень-надежномъ грунтѣ. Потомъ въ-продолженіе цѣлой ночи дулъ сильный сѣверный вѣтеръ. Въ полночь насъ дрейфовало; страшный кликъ часоваго «*тащитъ*» пробудилъ насъ, и мы вытравили около 40 саженъ канату; боковая качка была очень сильна.

27 сентября. Сѣверный вѣтеръ и качка не уменьшались; къ-вечеру вѣтеръ утихъ, но качка продолжалась и не было возможности заняться чѣмъ-нибудь.

28 сентября. Въ 3 часа пополудни подулъ свѣжій вѣтеръ отъ Ю. В. Мы снялись съ якоря и продолжали путь къ С. С. В. Къ-утру вѣтеръ посвѣжѣлъ еще, и мы дѣлали по $4\frac{3}{4}$ и по 5 узловъ въ часъ. Прошли *Кызылджа-Куй*. Въ-продолженіе якорной стоянки каменный грунтъ моря повредилъ нашъ канатъ. Широта мѣста въ-полдень была 40° 45′ 47″. Въ $4\frac{1}{2}$ часа пополудни, прибыли наконецъ къ *Кара-Бугазу*, стали на якорь на 8 саженяхъ глубины и немедленно послали баркасъ съ Муригинымъ въ проходъ, для измѣренія глубины. Хадыри-Мамедъ и Хаджи-Ари провожали его. Съ вершины мачты заливъ показался намъ огроменъ. Въ $3\frac{1}{2}$ часа пополудни Муригинъ воротился; онъ нашелъ проходъ и прошелъ имъ, но сильное теченіе въ заливъ съ моря долго препятствовало ему выйти обратно.

29 сентября. Запасшись на 5 дней сухарями, водою и водкою, въ 10 часовъ утра отправились мы въ двухъ лодкахъ съ 28 казаками, для обслѣдованія этого залива, въ которомъ Русскіе никогда еще не бывали. Не доходя до прохода, мы выходили на полчаса на берегъ, для осмотра мѣстности. Берегъ низокъ и состоитъ изъ песчаныхъ бугровъ покрытыхъ кустарниками гребенчика. За ними простирается обширная степь. Потомъ опять продолжали путь водою въ направленіи къ Ю. В., и въ-полдень вошли въ проливъ. Длина его—$1\frac{1}{2}$ версты, ширина—отъ 112 до 150 саженъ, глубина посерединѣ — 3 сажени, а направленіе — отъ Ю. къ С. Берега его весьма низкіе, почти безъ всякихъ кустарниковъ: безъ-сомнѣнія тутъ было прежде морское дно. На этомъ берегу мы нашли одного верблюда, на которомъ и послали Хаджи-Ари отыскивать бара-

новъ и владѣльцевъ ихъ Туркменцевъ, кочевавшихъ, по словамъ его, вблизи отъ залива; но онъ какъ скрылся изъ глазъ, такъ болѣе и не показывался: вѣроятно воротился къ своимъ кибиткамъ въ *Чай-Бурунъ*.

Небо было ясно, безъ облаковъ, день прекрасенъ, и мы радовались, что совершимъ поѣздку нашу безъ препятствій. Въ $2\frac{1}{2}$ часа пополудни продолжали путь внутрь залива, въ направленіи къ С. В., а въ $3\frac{1}{2}$ часа остановились, выходили на берегъ и рѣшились ночевать тутъ. Казаки отправились на охоту и привезли намъ множество утокъ и разнаго рода куликовъ и красныхъ гусей. Мы осматривали окрестности и удивлялись, что въ такое время цвѣлъ еще Tamarix Pallasii. Но вообще природа здѣсь мертва и мѣсто это не заслуживаетъ никакого вниманія. Спали подъ открытымъ небомъ.

30 сентября. Съ восхожденіемъ солнца продолжали путь; заливъ былъ тихъ и мы ясно замѣтили теченіе въ него изъ моря. Погода стояла славная; дулъ тихій восточный вѣтеръ; по наблюденіямъ нашимъ, скорость теченія была 3 версты въ часъ. Вначалѣ заливъ мелокъ и не имѣетъ болѣе $3\frac{1}{2}$ и 5 футовъ глубины; далѣе онъ разширяется, такъ-что его можно назвать большимъ озеромъ. Въ 8 часовъ утра мы раздѣлились: Карелинъ долженъ былъ обслѣдовать восточный берегъ, а я — западный; мы условились соединиться 1 октября, при выходѣ изъ залива. Съ 12 казаками, Хадырь-Мамедомъ и топографомъ взялъ я направленіе къ С. Вѣтеръ былъ попутный и мы дѣлали отъ 8 до 10 верстъ въ часъ. Я ѣхалъ вдоль берега для снятія и описанія онаго; въ 10 часовъ увидѣли киржимъ вытащенный на берегъ, и недалеко отъ него трехъ туркменцевъ верхомъ, охотившихся въ степи; они замѣтили насъ, но боялись приблизиться. Хадырь-Мамедъ, вступивъ съ ними въ переговоры, узналъ что они принадлежатъ къ роду *Дервишъ*, который состоитъ изъ 40 — 50 кибитокъ, и увѣдомившись о прибытіи Русскаго судна, бѣжалъ далеко въ степь. Они обѣщали пригнать къ намъ барановъ и удалились. Продолжая путь далѣе къ С., я не замѣтилъ, какъ теченіе способствовало быстрому ходу моей лодки, и сдѣлалъ такимъ образомъ, до 3 часовъ пополудни, около 60 верстъ. Между-тѣмъ восточный вѣтеръ свѣжалъ мало-по-малу, волненіе въ заливѣ было какъ въ открытомъ морѣ, и я рѣшил-

ся воротиться, тѣмъ–болѣе что вышеупомянутые туркменцы увѣряли меня, что заливъ простирается къ С. на три, а къ В. на четыре дня верховой ѣзды. Вѣтеръ крѣпчалъ, волненіе было ужасно, лодку нашу безпрестанно заплескивало, и наконецъ крутой вѣтеръ бросилъ ее въ буруны возлѣ берега. Мы всѣми силами выгребали опять въ заливъ и продолжали путь до 10 часовъ вечера. Море было покрыто пѣною и бросило насъ опять къ берегу, а бурунъ чуть не затопилъ лодки; казаки, выбившіеся изъ силъ, бросились въ воду по-шею и съ неимовѣрнымъ трудомъ тащили лодку до берега, гдѣ мы ночевали безъ огня и промокшіе до костей. Вода въ заливѣ такъ солона, что лица наши и все платье были покрыты солью.

1 октября. Восточный вѣтеръ продолжался съ одинаковою силою; бурунъ былъ страшенъ и никакой возможности не было возвратиться и соединиться съ баркасомъ. Я въ-настоящемъ-смыслѣ сидѣлъ у моря и ждалъ погоды. Между–тѣмъ обозрѣлъ окрестности и дошелъ до моря, находящагося съ-версту къ З. отъ Кара–Бугазскаго берега. Въ часъ пополудни пришелъ ко мнѣ урядникъ съ нѣсколькими казаками, посланный Карелинымъ отыскивать меня; онъ находился въ 25 верстахъ къ Ю. отъ меня и былъ принужденъ воротиться еще вчерашняго числа къ выходу изъ залива, по-причинѣ противнаго вѣтра, препятствовавшаго ему обозрѣть восточный берегъ Кара-Бугаза. Онъ письменно просилъ меня подождать до завтра, извѣщая, что до того времени надѣется воротиться на шкоутъ, сняться съ якоря и послать за мною баркасъ съ морской стороны. Я весьма этому обрадовался, ибо восточный вѣтеръ могъ продуть еще цѣлый мѣсяцъ, и мы не имѣли-бы тогда никакой надежды воротиться на шкоутъ. Такимъ образомъ провелъ я въ степи еще ночь; вѣтеръ свирѣпствовалъ съ одинаковою силою и засыпалъ насъ пескомъ; сверхъ–того погода сдѣлалась холодная, и я не могъ закрыть глазъ: сотни мыслей самыхъ–печальныхъ приходили мнѣ въ голову, ибо если–бы не удалось Карелину соединиться со мною, послѣдствія отъ того могли-бы быть гибельны для меня и бывшихъ со мною казаковъ.

2 октября. Рано утромъ я велѣлъ казакамъ перетащить всѣ вещи черезъ степь къ морскому берегу, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія на горизонтѣ парусовъ шкоута, или бар-

каса. Наконецъ, въ первомъ часу мы замѣтили послѣдній. Чтобы не оставить лодки нашей въ рукахъ Туркменцевъ, я велѣлъ сжечь ее, и соединился съ товарищами въ 5 часовъ вечера. Сильный вѣтеръ гналъ насъ вдоль берега; мы дѣлали по 7 узловъ въ часъ и надѣялись прибыть на другой день къ *Кендерлинскому*-Заливу. Въ-продолженіе пребыванія нашего въ Кара-Бугазскомъ-Заливѣ, Карелинъ снималъ бусолью одну его часть, а я — другую; сдѣланы были также два наблюденія надъ высотою солнца. Туркменцы пригнали къ намъ 6 барановъ и продали масла; но новыхъ свѣдѣній на-счетъ края мы не могли получить отъ нихъ.

3 октября. Цѣлую ночь продолжали путь съ равною скоростію; но сильный восточный вѣтеръ препятствовалъ намъ войти въ Кендерлинскій-Заливъ и отбросилъ далеко къ С. З., такъ-что мы въ-полдень находились уже гораздо-западнѣе *Ракушечнаго-Угла*. Въ-слѣдствіе этого мы рѣшились итти прямо въ *Александръ-Бай*, а между-тѣмъ постояли съ-часъ на якорѣ, и выходили на берегъ, представляющій взору лишь безплодные, каменистые обрывы, да песчаные бугры. Въ пещерахъ около берега нашли кое-какую домашнюю утварь Туркменцевъ, бѣжавшихъ при приближеніи нашего шкоута; воротившись-же въ 4 часа на бортъ, снялись немедленно, и при попутномъ вѣтрѣ, въ 10 часовъ ночью, прибыли въ Александръ-Бай, гдѣ стали на якорь при 3 саженяхъ глубины; вѣтеръ въ-продолженіе ночи нѣсколько утихъ.

4 октября. Рано поутру была перевезена пушка на «*Василія*», а въ 10 часовъ, оставивъ шкоутъ, мы пересѣли на это разъѣздное судно и на баркасъ, и отправились впередъ для обозрѣнія *Александръ-Бая* и *Бектемиръ-Ишана*, въ которомъ Русскіе никогда не бывали. Карелинъ шелъ впередъ съ баркасомъ и 15 казаками для измѣренія глубины, а я съ Фелькнеромъ находились на «Василіѣ» и слѣдовали за нимъ. На косѣ, отдѣляющей Александръ-Бай отъ Бектемиръ-Ишана, была взята высота солнца; «Василій» остался въ первомъ, тогда-какъ Карелинъ съ Муригинымъ обозрѣвали послѣдній. Они воротились въ 8 часовъ на «Василія» и мы ночевали вмѣстѣ, ибо вѣтеръ перемѣнился во время нашей поѣздки и началъ дуть съ З., а потомъ съ С. Шкоутъ «Гавріилъ» утромъ еще снялся съ якоря, потомъ пошелъ

далѣе къ Ю. въ заливъ, и сталъ на 7 саженяхъ глубины, чтобы воспользоваться первымъ вѣтромъ для выхода изъ залива. Ночью шелъ маленькій дождь и вѣтеръ гналъ тучи къ В.

5 октября. «Василій» и баркасъ снялись съ-разсвѣтомъ и въ 7 часовъ утра мы были уже на шкоутѣ. Приготовились было продолжать путь нашъ къ С., но сильный сѣверо-западный вѣтеръ продержалъ насъ цѣлый день на якорѣ; впрочемъ волненіе не было чувствительно. Температура въ 8 часовъ была + 9°. Къ-вечеру вѣтеръ утихъ.

6 октября. Вѣтеръ дулъ съ Ю. къ З. Мы послали «Василія» къ *Песчаному-Углу*, для измѣренія глубины, а сами старались между-тѣмъ вытянуться изъ Александръ-Бая; но сильный вѣтеръ не позволялъ намъ подвинуться впередъ болѣе версты. Къ-вечеру вѣтеръ подулъ вдругъ съ С. З. и обратился скоро въ настоящій штормъ; море волновалось, и боковая качка безпокоила насъ всю ночь.

7 октября. Штормъ продолжался съ равною жестокостію. Невозможно было ничѣмъ заняться. Воздухъ былъ весьма холоденъ; температура + 5°; волненіе моря все усиливалось; килевая и боковая качка безпокоили сильно, не взирая на то, что мы находились въ заливѣ, закрытомъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

8 октября. Штормъ продолжался, но къ-вечеру утихъ; поутру выпалъ снѣгъ.

9 октября. Въ 1 часу пополуночи мы воспользовались тихимъ сѣвернымъ вѣтромъ, чтобъ выйти изъ Александръ-Бая. Въ 4 часу одинъ изъ нашихъ матросовъ на «Василіѣ», бросая лотъ, упалъ въ море; но былъ спасенъ однимъ изъ своихъ товарищей, а перемѣна платья и стаканъ водки съ перцомъ избавили его отъ горячки. Въ 8 часовъ утра проходили мысъ *Песчаный* и перемѣнили курсъ. Свѣжій вѣтеръ дулъ съ Ю. В. Мы взяли направленіе къ С. С. З. и шли по 5 узловъ въ часъ. Погода стояла славная. Въ 4 часа пополудни миновали *Мѣловой-Уголъ*. Къ-вечеру вѣтеръ скрѣпчалъ и наконецъ обратился въ жестокій штормъ, продолжавшійся болѣе сутокъ. Въ 11 часовъ вечера шквалъ изорвалъ формарсель; мы сняли всѣ паруса, кромѣ двухъ; огромныя волны такъ и кидались на судно; 5 казаковъ въ-продолженіе цѣлой ночи держали

руль и его тальи; боковая качка была самая жестокая; мы боялись, или что волны отшибутъ руль, или что мачты слетятъ долой отъ качки, ибо шкоутъ часто черпалъ воду бортами. Единственнымъ стараніемъ нашимъ было достигнуть до широты мыса *Тюкъ-Карагана*, выше котораго глубина измѣняется вдругъ съ 20 на 8 саженъ, и гдѣ волненіе гораздо слабѣе. Къ счастію нашему ночь была свѣтла и мы могли ясно различать предметы, насъ окружавшіе; сверхъ того, штормъ дующій отъ Ю. З. былъ намъ попутенъ. Около полуночи разъѣздное судно наше «Василій», слѣдуя за нами въ нашемъ кильватерѣ, исчезло вдругъ; мы боялись, что оно поглощено волнами, угрожавшими и намъ подобною участью. Въ-продолженіе шторма каютъ-компанія представляла печальный видъ: всѣ вещи катались по полу отъ одного бока судна къ другому; трескъ и скрипъ шпангоутовъ, визгъ вѣтра въ снастяхъ, крики матросовъ, и шумъ волнъ, составляли страшное цѣлое. Я не могъ оставаться въ каютѣ, кой-какъ выбрался на палубу, и крѣпко обнявъ одну изъ мачтъ, любовался, при яркомъ свѣтѣ мѣсяца, страшною и величественною картиною, насъ окружавшею.

10 октября. Въ 4 часа пополудни миновали мысъ *Тюкъ-Караганъ* и взяли направленіе къ З. С. З., потому-что не возможно было достигнуть этого мыса по-причинѣ ужаснаго волненія и противнаго вѣтра, благопріятствовавшаго теперь возвращенію нашему въ Астрахань. Штормъ продолжался до вечера съ одинаковою силою и потомъ утихъ. Мы миновали *Чистый-Банкъ*, и какъ находились уже не далеко отъ устья Волги, и глубина значительно уменьшилась, то бросили якорь до слѣдующаго дня, чтобы не потерять дороги между вѣхами, означающими фарватеръ. Къ-ночи «Василій» опять соединился съ нами; онъ былъ въ великой бѣдѣ и если избавился гибели, то благодаря только присутствію духа въ находившемся на немъ лоцманѣ.

11 октября. Снялись съ якоря рано утромъ и въ 2 часа пополудни миновали Четырехъ-Бугорный Маякъ, около котораго стояло много судовъ, въ ожиданіи попутныхъ вѣтровъ, для отправленія въ Персію и въ Сальянъ. Между ними отличался красотою новый шкоутъ купца Герасимова «Александръ-Невскій». Наконецъ въ $5\frac{1}{2}$ часовъ вечера мы бро-

сили якорь насупротивъ Астраханскаго Карантина, при устьяхъ Волги.

Такимъ образомъ окончилась благополучно Экспедиція наша и пяти-мѣсячное плаваніе по Каспійскому-Морю, въ-продолженіе коего мы не потеряли ни одного человѣка, и которое совершили съ желаемымъ успѣхомъ.

12 — 29. Выдерживали до 28 числа 14-дневную карантинную обсервацію на нашемъ шкоутѣ. Послѣ этого насъ выпустили, и мы отправились на лодкахъ въ Астрахань, куда и прибыли вечеромъ 29 числа.

30 октября. Въ Астрахани исполнили первый долгъ нашъ принесеніемъ благодарственнаго молебствія Всевышнему за благополучное окончаніе Экспедиціи. Потомъ, по приведеніи въ порядокъ записокъ моихъ, я въ началѣ января 1837 года отправился въ С. Петербургъ, куда и прибылъ 3 февраля, въ Москвѣ уже получивъ извѣстіе о новомъ назначеніи моемъ въ Персію.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ И СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ВОСТОЧНАГО БЕРЕГА КАСПІЙСКАГО-МОРЯ ОТЪ АСТРАБАДСКАГО-ЗАЛИВА ДО МЫСА ТЮКЪ-КАРАГАНА *.

И. Ф. Бларамберга.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГЪ КАСПІЙСКАГО МОРЯ.

Восточный берегъ Каспійскаго-Моря почти совершенно безплоденъ и представляетъ печальный видъ. Природа тамъ мертва, растительность ничтожна, и глазъ путника обнимаетъ только песчаную пустыню или обрывистыя голыя скалы, омываемыя бурунами моря. Единственное населеніе этихъ мѣстъ составляютъ бѣдныя, полунагія, дикія туркменскія поколѣнія; но и тѣ кочуютъ здѣсь въ весьма-маломъ количествѣ, ибо безплодная и безводная степь вдоль морскаго берега препятствуетъ имъ жить многочисленными аулами.

Отъ мыса *Тюкъ-Карагана* до *Александръ-Бая*, берегъ состоитъ по-бо́льшей-части изъ обрывистыхъ известковыхъ скалъ, высота которыхъ однако неочень значительна; далѣе скалы сіи превращаются въ отлогіе берега. Отъ *Кара Бугаза* до *Красноводской*-Косы, берегъ низкій, песчаный, изрѣдка прерывается невысокими буграми, покрытыми жидовникомъ. Сѣверная часть *Балханскаго*-Залива состоитъ изъ обрывистыхъ порфировыхъ и известковыхъ скалъ и изъ песчаника;

* Составлено въ 1836 году, въ-слѣдствіе экспедиціи, дневникъ которой помѣщенъ продъ симъ.

далѣе къ югу, отъ полуострова *Дарджи* до *Гассанъ-Кулинскаго*-Култука, берегъ также весьма низокъ; а отъ сего-послѣдняго до *Астрабадскаго*-Залива, онъ почти вездѣ покрытъ камышемъ, потому–что здѣсь находятся устья рѣкъ *Атрека* и *Гюргени*.

Глубина моря возлѣ берега отъ *Тюкъ-Карагана* до мыса *Таршы* весьма значительна; но якорныя стоянки тамъ ненадежны и даже опасны, по–причинѣ каменнаго грунта и подводныхъ скалъ. Далѣе къ югу глубина уменьшается, и отъ бывшаго *Хивинскаго*, до *Астрабадскаго*-Залива, море такъ мелко, что судамъ ближе 7 верстъ нигдѣ къ берегу приставать не возможно; даже лодки останавливаются за 20, за 30 и за 50 саженъ отъ него. Хорошія якорныя стоянки находятся только въ *Астрабадскомъ*-Заливѣ, при восточномъ берегѣ острова *Огурчинскаго*, въ заливахъ *Балханскомъ* и *Кендерлинскомъ*, и въ *Александръ-Бат*.

АСТРАБАДСКІЙ-ЗАЛИВЪ И ПОЛУОСТРОВЪ-ПОТЕМКИНЪ.

Заливъ этотъ, лежащій въ юго–восточной части Каспійскаго-Моря, между 36° 45′ и 36° 52′ с. ш., простирается вдоль части Астрабадской и Мазандеранской провинцій; вся его длина составляетъ 56 верстъ. Съ востока и юга закрывается онъ матерымъ берегомъ, а съ запада и сѣверо-запада — выходящимъ отъ *Ферабада* полуостровомъ, который выдается весьма далеко на востокъ и оканчивается длинною косою *Гаулышъ*, посрединѣ коей находится незначительный островъ *Аширъ*, или *Ашуръ*. Входъ въ заливъ, шириною 3 версты, находится между этою косою и отмелью, отходящею между урочищами *Кара-Сенгиръ* и *Ханували* къ западу. Фарватеръ здѣсь въ $2\frac{1}{2}$ сажени и болѣе: слѣдовательно профессоръ Эйхвальдъ, посѣтившій страну эту въ 1825 году, ошибается, увѣряя, что глубина фарватера не болѣе 8 футовъ. По положенію своему, заливъ защищенъ со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ, что̀ дѣлаетъ его удобною, для всякаго рода судовъ, гаванью. Самая большая его ширина — при островѣ *Аширъ*, гдѣ составляетъ около 14 верстъ; потомъ она уменьшается; а ближе къ концу, заливъ

имѣетъ уже не болѣе 7 верстъ въ ширину. Глубина въ немъ, посрединѣ, слѣдуетъ той же пропорціи, а поблизости береговъ почти вездѣ тянется отмель, такъ–что гребныя суда близко къ нимъ не подходятъ. Грунтъ, посрединѣ, иловатый, состоящій изъ сѣрой глины, смѣшанной въ иныхъ мѣстахъ съ малыми раковинами, а подлѣ береговъ — почти вездѣ чистый песокъ.

Берегъ, окружающій заливъ съ его восточной стороны, низменъ, болотистъ и покрытъ непроходимымъ камышемъ, между коимъ изрѣдка только попадаются деревья. Простирающійся вдоль этого залива южный матерой берегъ гораздо выше восточнаго; поэтому болотъ находится здѣсь весьма мало, а камышъ растетъ только мѣстами. На разстояніи около 7 или 8 верстъ отъ берега воздымаются вдоль онаго, уступами, высокіе горы *Энезанъ-Кухъ*, идущія параллельно заливу; онѣ принадлежатъ къ цѣпи *Эльбурзъ*, которая, сопровождая южную часть Каспійскаго–Моря вдоль Гилана, Мазандерана и Астрабада, простирается далѣе къ востоку въ Хорасанъ. Самыя высокія изъ этихъ горъ находятся противъ юго-восточной части залива, а къ обѣимъ его оконечностямъ онѣ становятся отложе; вершины ихъ вообще видны только при самой ясной погодѣ; въ другое–же время бываютъ покрыты облаками. Высочайшая точка горы *Гёздагъ* имѣетъ, по нашимъ барометрическимъ и тригонометрическимъ измѣреніямъ, около 1,100 саженъ вышины.

Весь берегъ Астрабадскаго–Залива имѣетъ очаровательный видъ, а горы еще болѣе украшаютъ его. Почти вездѣ покрытъ онъ густымъ лѣсомъ, который простирается вглубь до вершины горъ. Лѣсъ этотъ состоитъ изъ исполинскихъ строевыхъ и корабельныхъ деревьевъ отличной доброты, каковы: дубъ, чинаръ, самшитъ, клёнъ, желѣзное дерево, азатъ, букъ и другія; а равно и изъ фруктовыхъ, между коими назовемъ смоквы, гранаты, грецкіе орѣхи, шелковицу бѣлую и черную, и проч.; почти около каждаго дерева вьются огромныя виноградныя лозы. Тамъ, гдѣ лѣсъ рѣже, находятся обширныя чистыя поляны, служащія для пастбы скота и изпещренныя разными цвѣтами и благовонными травами, а въ розчистяхъ представляются вездѣ селенія и пространныя поля, засѣянныя сарацинскимъ пшеномъ, пшеницею (которая на но-

*

винахъ даетъ часто самъ–80), кунжутнымъ сѣменемъ, хлопчатою бумагою и другими произрастѣніями. Берегъ этотъ изобилуетъ также множествомъ дикихъ звѣрей, въ горахъ и лѣсахъ живущихъ, какъ–то: барсами, медвѣдями, чакалами, волками, лисицами, кабанами, дикобразами, дикими кошками и пр. Птицы находятся въ огромномъ количествѣ, особливо фазаны (преимущественно на полуостровѣ–Потемкинѣ), двухъ родовъ куропатки, и такъ–называемые «зеленые пѣтушки».

На этомъ же берегу находятся остатки разрушеннаго дворца шаха Аббаса–Великаго, именно въ *Эшрефѣ*, въ 10 верстахъ къ юго-западу отъ устья *Шагилл*. Дворецъ этотъ славился прежде великолѣпіемъ, и почти всѣ преемники шаха Аббаса проводили здѣсь часть-своего времени; онъ состоялъ изъ множества увеселительныхъ замковъ и обширныхъ садовъ, украшенныхъ водопроводами, фонтанами, каскадами и великолѣпными деревьями разнаго рода: лимонными, померанцовыми, кипарисными, смоковничными, коими насажены цѣлыя аллеи. Сады эти разбросаны по горамъ, расположены въ азіатскомъ вкусѣ, и всѣ были обнесены каменною стѣною съ башнями, наподобіе крѣпости. Подробное описаніе этого любопытнаго мѣста можно видѣть въ путешествіяхъ Ганвея и Гмелина. По смерти Надиръ–Шаха сады эти подверглись разоренію и опустошенію, такъ–что остались только слѣды первобытнаго ихъ состоянія; но и теперь мѣстоположеніе ихъ очаровательно, а съ самаго–высшаго сада, *Сефи-Абада*, открывается великолѣпный видъ на весь Астрабадскій–Заливъ.

Полуостровъ–*Потемкинъ* защищающій Астрабадскій–Заливъ со стороны моря, начинается у матераго берега между *Кара-Тепѣ* и *Ферабадомъ* и тянется съ запада къ востоку; вся длина его составляетъ 40 верстъ, а ширина различна; самая бо́льшая находится при выходѣ его отъ матераго берега: тутъ она $1\frac{3}{4}$ версты; но чѣмъ–ближе къ концу, тѣмъ полуостровъ становится уже, такъ–что близъ самой крайней оконечности своей онъ не шире 200 саженъ. Сначала, въ западной части своей покрытъ онъ лѣсомъ, и грунтъ его таковъ же какъ на матерой землѣ, т. е. глинистый, смѣшанный съ черноземомъ; но далѣе и къ концу, состоитъ онъ изъ наноснаго морскаго песку съ ракушею, на коемъ изрѣдка только встрѣчаются группы гранатовыхъ деревьевъ. Въ разныхъ мѣстахъ попадаются вы-

рытые Туркменцами колодцы съ прѣсною водою. Изъ звѣрей водятся здѣсь: кабаны, шакалки, зайцы и, особенно, выдры; а изъ птицъ находятся тѣ ихъ породы, которыя живутъ въ болотистыхъ мѣстахъ. Сверхъ многихъ болотъ и топкихъ мѣстъ на самомъ полуостровѣ, онъ извнутри залива окруженъ весь отмелями, покрытыми густымъ камышемъ, такъ-что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только гребныя суда могутъ приставать къ нему близко.

При крайней оконечности полуострова находится подводная коса, простирающаяся, въ видѣ полукруга, на $6\frac{1}{2}$ верстъ къ В. С. В.; за ней слѣдуетъ незначительный островъ *Аширъ*, длиною отъ востока къ западу около версты, шириною 200 саженъ, а въ-окружности 3,200 шаговъ. Онъ низокъ и покрытъ по-бо́льшей-части камышемъ; но индѣ находятся также гранатовый кустарникъ и виноградныя лозы; грунтъ — песокъ, въ которомъ прѣсная вода кроется на аршинъ глубины отъ поверхности. На южномъ берегу суда могутъ приставать вплоть, ибо почти у самаго берега имѣется 2 сажени глубины. Къ востоку отъ острова простирается, также на $6\frac{1}{2}$ верстъ, подводная коса *Гаулышъ*. Она, подобно первой, покрыта страшными бурунами, которые при сильныхъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтрахъ уничтожали и отмывали мало-по-малу находившіеся тутъ прежде острова *Оретосъ* и *Евгеній*, такъ-что теперь ихъ уже болѣе не существуетъ. На островѣ Аширѣ Туркменцы имѣютъ обыкновенное пристанище во-время набѣговъ на Персію, и тутъ же дѣлятъ добычу. Другая подводная коса, *Чанганъ*, находится на южной сторонѣ полуострова-Потемкина и простирается на 5 верстъ прямо къ востоку.

Изъ тридцати рѣчекъ, впадающихъ въ Астрабадскій-Заливъ, одна только *Кара-Су* или «Черная-Рѣчка» достойна замѣчанія, потому-что составляетъ естественную границу между землями Персіянъ и Туркменовъ. Другія-же рѣчки суть не что иное какъ горные потоки, по-бо́льшей-части незначительные; въ лѣтнее время онѣ разливаются по чалтыкамъ, и вода въ нихъ считается тогда нездоровою.

Вотъ наименованія этихъ потоковъ, слѣдуя по заливу отъ востока къ западу: 1) *Кара-Су;* 2) *Казма-Киля;* 3) *Чагыль* 4) *Багу* (съ хорошею водою; въ эту рѣчку впадаетъ съ лѣ-

вой стороны р. *Залзали*, съ живописными водопадами въ узкихъ ущельяхъ); 5) *Сердэкъ;* 6) *Сермелла;* 7) *Веллафра;* 8) *Гездъ;* 9) *Бэчэбаги;* 10) *Чебекендъ;* 11) *Мерзенъ;* 12) *Наукендъ;* 13) *Неджаръ-Киля;* 14) *Ливанъ;* 15) *Джеры*, или *Джара-Кулватъ* (граница Мазандерана); 16) *Хештекѐ;* 17) *Галига* (при ней бугоръ *Гирей-Дюгюнъ*); 18) *Ширшери-Киля;* 19) *Сургуджу;* 20) *Карри-Келекъ;* 21) *Шакила;* 22) *Мулла-Киля;* 23) *Казма-Киля;* 24) *Кара-Тепѐ;* 25) *Байралъ-Али-Киляси;* 26) *Бердигличъ-Каланъ;* 27) *Чарлалъ;* 28) *Кентерханъ;* 29) *Похлуча;* и 30) *Тирисъ-Киля.* За ними слѣдуютъ заливы *Загамерзъ* и *Спю-Дербендъ*, находящіеся уже при полуостровѣ-Потемкинѣ.

Борисъ, посѣтившій Астрабадскій-Заливъ въ 1833 году, говоритъ, что вода въ немъ прѣсная, присовокупляя, что это происходитъ отъ водъ рр. *Гюргени* и *Атрека*, которыя въ него вливаются; онъ весьма ошибся, ибо рѣки эти впадаютъ прямо въ Каспійское-Море, гораздо выше къ сѣверу отъ залива, и вода въ немъ соленая, невзирая на вливающіеся въ него вышеупомянутые 30 потоковъ.

Заливъ изобилуетъ рыбами разнаго рода, особливо весною; въ это время, бѣлуги, осетры и севрюги цѣлыми стадами стремятся къ устьямъ помянутыхъ рѣчекъ, для метанія икры: рыбная ловля тогда весьма значительна; другія-же мелкія породы ловятся во всякое время года; но шамая (*шахъ-лаги* т. е. «царская рыба») и кутумъ попадаются рѣдко. Кромѣ рыбъ, находятся въ заливѣ раки, какъ рѣчные, такъ и крупные (крабы), и множество черепахъ.

Рыбная ловля въ заливѣ принадлежитъ Астраханскому купцу 1-й гильдіи, Персіанину Миръ-Абу-Талибъ Миръ-Багирову, который взялъ отъ Персидскаго правительства на откупъ рыбный промыселъ почти вдоль всего южнаго берега Каспійскаго-Моря и получаетъ отъ того огромные барыши. Для рыболовства употребляетъ онъ нѣсколько шкоутовъ, строенныхъ въ Астрахани; лоцманы и матросы на нихъ изъ Русскихъ, ибо Персіане вообще имѣютъ большое отвращеніе къ морю.

Область Астрабадская раздѣляется на семь уѣздовъ (*мэхалэ*), а именно:

1. *Энезанъ* . . . . . съ главнымъ селеніемъ *Наукендъ.*
2. *Седель-Рустакъ* — ——— ——— *Курдъ-Мэгаллэ.*

3. *Астрабадъ* . . . . . съ городомъ *Астрабадомъ*.
4. *Астрабадъ-Рустакъ* съ главнымъ селен. *Миръ-Мегалле*.
5. *Кётулъ* . . . . . — — — *Гену*.
6. *Федерискъ* . . . . . — — — *Налтелу*.
7. *Френгу-Фарзіанъ* . — — — *Френгъ*.

Городъ *Астрабадъ* лежитъ въ 25 верстахъ отъ устья р. *Кара-Су*, на сѣверной пологости горъ *Сандикъ*. Онъ обнесенъ глиняной съ башнями стѣною въ 2 аршина толщины и въ 2 сажени вышины, мѣстами обвалившеюся, съ сухимъ довольноглубокимъ рвомъ, могущимъ во всякое время быть наполненнымъ водою. На стѣнахъ устроены ружейныя бойницы. Съ южной стороны города есть высота, которая имъ командуетъ. Дворовъ въ немъ считается около 3,000. Жители — Персіяне. Астрабадъ есть родина настоящей династіи Шаховъ (каджарской); нынѣ онъ незначителенъ какъ по торговлѣ, такъ и по населенію; лучшимъ доказательствомъ тому — что прежде онъ былъ резиденціею одного изъ Шахъ-Заде, (царевичей) а теперь въ немъ живетъ просто Ханъ-Правитель. Несмотря на то, Каспійская торговля наша, производимая теперь вдоль южнаго берега моря, гдѣ нѣтъ ни одной порядочной якорной стоянки, рано-или-поздно должна сосредоточиться въ Астрабадскомъ-Заливѣ, отъ котораго, какъ выше сказано, городъ отстоитъ только на 25 верстъ. Онъ лежитъ въ плодоносной области, съ избыткомъ производящей весьма важныя статьи торговли, какъ-то: шелкъ, непряденую бумагу, разныя масла, красильные и аптекарскіе матеріалы, мебельный и корабельный лѣсъ и проч.; сверхъ-того, онъ находится въ центрѣ, съ одной стороны — обширной Туркменіи и государствъ Средней-Азіи, а съ другой — богатѣйшихъ Персидскихъ провинцій, изъ которыхъ въ Хорасанской отъ главнаго города Мешгеда идутъ надежные пути въ Гератъ, Кандагаръ и Кабулъ.

Главнѣйшія селенія вдоль Астрабадскаго-Залива суть:

Курдъ-Мэгалле — состоитъ изъ пяти деревень, разбросанныхъ въ лѣсу.

Тузъ-Кошкъ
Балбулюкъ
Волугузъ
Андагисаръ
Соликанти

всего около 2,500 дворовъ — по свѣдѣніямъ доставленнымъ А И. Ходзко..

Багу съ противуположнымъ селеніемъ *Каркенди* — всего 400 дворовъ.

Наукендъ — съ 1,000 дворовъ, разбросанныхъ по лѣсу.

Кара-Тепэ — съ 200 дворовъ; по-бо́льшей-части населено Афганами.

Число всѣхъ селеній простирается до 90; находятся онѣ въ 3, 4, 6 и болѣе верстахъ отъ берега, равно по горамъ и въ ущельяхъ.

Народонаселеніе окрестностей залива довольно значительно, и простирается до 50,000 душъ. Поселяне здѣшніе живутъ въ жестокомъ угнетеніи. Часть деревень пожалована въ пожизненное владѣніе Ханамъ и Бекамъ, а остальная принадлежитъ правительству. И тѣ и другія платятъ тяжкія подати; кромѣ работъ на Бековъ, поселяне вносятъ имъ съ каждаго дома $\frac{1}{5}$ часть жатвы сарацинскаго пшена, $\frac{1}{10}$ долю пшеницы, $\frac{1}{15}$ часть шелку, отъ 3 до 6 реаловъ деньгами (реалъ, или саибкиранъ, равняется 120 к. асс.) и пошлину за каждую рогатую скотину. Сверхъ-того, обязаны они слѣдующими повинностями: 1) на время военныхъ дѣйствій, изъ 20 человѣкъ взрослыхъ мущинъ даютъ всадника, котораго должны снарядить на свой счетъ; 2) въ случаѣ движенія военнаго отряда, иногда умышленно Правителемъ затѣваемаго, собирается съ нихъ продовольствіе *(сурзатъ)*; 3) должны угощать и дарить проѣзжающихъ чиновниковъ.

Относительно климата, Астрабадскій-Заливъ имѣетъ большое преимущество предъ другими рейдами или гаванями находящимися на южномъ берегу Каспійскаго-Моря. Во время пребыванія въ немъ Карелинской Экспедиціи съ 2 іюня по 11 іюля, жары были столь умѣренны, что никогда не превышали 20 и 24° Р.; при этомъ никто изъ людей экипажа не заболѣлъ опасно, хотя бо́льшая часть ихъ жила на берегу, занимаясь безпрестанно рубкою лѣса, перевозкою бочекъ съ прѣсною водою и другими тяжелыми работами; къ этому, впрочемъ, споспѣшествовало много и хорошее содержаніе, ибо команда была безпрерывно довольствована свѣжимъ мясомъ, сарацинскомъ пшеномъ и разными огородными овощами. Осень и зима по-бо́льшей-части здѣсь теплы и пріятны, тогда-какъ въ другихъ мѣстахъ на Персидскомъ берегу лежащихъ, въ эти времена года идутъ сильные дожди, при штормахъ

по нѣскольку недѣль сряду. Наблюденія, сдѣланныя въ заливѣ во время пребыванія здѣсь русской эскадры въ 1781 — 1782 годахъ, подтверждаютъ сказанное. Обыкновенныя болѣзни, какъ горячки и лихорадки, которыя свирѣпствуютъ осенью въ приморскихъ Персидскихъ провинціяхъ, особливо въ Гиланѣ и Мазандеранѣ, не были почти вовсе замѣчены здѣсь, а кровавый поносъ у нѣкоторыхъ солдатъ и матросовъ произошелъ не отъ качества здѣшняго климата, а отъ неумѣреннаго употребленія разнаго рода плодовъ, которые всегда вредны, если ихъ употреблять безъ осторожности, или ѣсть незрѣлыми.

Что касается до вѣтровъ, господствующихъ въ заливѣ, то начиная съ апрѣля почти до ноября дуютъ обыкновенно: днемъ — сѣверные, сѣверо-западные и западные, а ночью — южные; т. е. днемъ — съ моря, а ночью — съ берега; и порядокъ этотъ, соотвѣтственно мѣстоположенію матераго берега, рѣдко измѣняется. Потомъ начинаются непостоянные вѣтры, между которыми чаще, свирѣпѣе и продолжительнѣе всѣхъ—западный. Собственно на Каспійскомъ-Морѣ въ зимніе мѣсяцы по-бо́льшей-части господствуютъ сѣверные и сѣверо-западные штормы; но какъ го́ры, простирающіяся съ востока на западъ вдоль южнаго берега моря, полагаютъ препоны ихъ стремленію, то вѣтры, по этой причинѣ, перемѣняютъ направленіе, и дуя параллельно къ берегу, обращаются въ западный. Изъ другихъ непостоянныхъ вѣтровъ довольно рѣдокъ восточный: онъ дуетъ наиболѣе подъ исходъ зимы. Самый-же рѣдкій, это—*настоящій южный*, или такъ-называемый «теплый» вѣтеръ, который дуетъ черезъ го́ры; воздухъ становится тогда такъ густъ, что трудно дышать, и повсюду распространяется запахъ гари; къ-счастію, вѣтеръ этотъ рѣдко продолжается болѣе 24 часовъ сряду. Каждый изъ упомянутыхъ вѣтровъ производитъ перемѣну и въ самой погодѣ. Пока продолжаются періодическіе вѣтры, дни ясны, но собирающіеся на горахъ пары не рѣдко обращаются ночью въ дождь, который, вмѣстѣ съ береговымъ вѣтромъ, прохлаждаетъ воздухъ въ лѣтнее время. Западные вѣтры, вѣющіе чрезъ все пространство моря, и увлекающіе съ собою большое количество исходящей изъ него влажности, приносятъ, во всѣ почти времена года, мрачную и ненастную погоду; восточные и сѣверо-восточные, напротивъ,

проходя черезъ обширныя Туркменскія Степи — всегда ясную и сухую; а какъ зимою въ помянутыхъ степяхъ выпадаетъ много снѣгу, то воздухъ въ это время бываетъ довольно холоденъ.

Относительно прибыли и убыли воды въ заливѣ, послѣднюю можно замѣтить весьма ясно вдоль берега: гдѣ прежде было дно морское, тамъ теперь сухо, и море отступило покрайней-мѣрѣ на 20 саженъ; а жители при рѣчкѣ Галига увѣряли насъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ море простиралось тамъ до бугра, отстоящаго теперь болѣе-чѣмъ на 150 саженъ отъ нынѣшняго берега.

Сверхъ выгодъ и преимуществъ, коими Астрабадскій-Заливъ одаренъ отъ природы, онъ и относительно торговли заключаетъ въ себѣ всѣвозможныя удобства, особенно по выгодному положенію города Астрабада между Хивою, Бухаріею, Туркестаномъ, Афганистаномъ и собственно Персидскими областями. Главнѣйшіе Персидскіе города отстоятъ отъ него ближе, нежели отъ другихъ южныхъ прибережныхъ мѣстъ. Въ *Тегеранъ* дорога ведетъ чрезъ *Наукендъ*, *Эшрефъ* (по дорогѣ устроенной еще Аббасомъ-Великимъ) и ущелье *Тиларъ*, пересѣкающее цѣпь Мазандеранскихъ-Горъ. До Герата путь идетъ черезъ *Кучанъ* или *Кабушанъ* и *Мешгедъ*. До *Бухары* караваны идутъ 18 дней, черезъ *Кучанъ* и *Шерексъ*; наконецъ до *Хивы* — 12 дней, черезъ *Туркменскую*-Степь.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что Астрабадскій-Заливъ во всѣхъ отношеніяхъ первая гавань на всемъ Каспійскомъ-Морѣ. По мѣстоположенію своему и естественнымъ выгодамъ онъ болѣе всѣхъ другихъ мѣстъ способенъ къ распространенію Русской торговли, и нѣтъ сомнѣнія, что если со-временемъ Астраханская торговля разовьется и перейдетъ въ руки Русскихъ купцовъ (до-сихъ-поръ она находится въ рукахъ Армянъ и Персіянъ), то Астрабадскій-Заливъ получитъ вполнѣ то важное значеніе, которое опредѣлено ему выгоднымъ его мѣстоположеніемъ.

РѢЧКА КАРА-СУ, ИЛИ ЧЕРНАЯ.

Составляетъ естественную границу между землями Персіянъ и Туркменовъ Юмудскаго колѣна. Источникъ этой рѣчки (которая имѣетъ названіе *Кара-Су* только при устьѣ) находится

въ ущельѣ *Кетулъ*, около 60 верстъ къ В. С. В. отъ Астрабада (а по словамъ А. И. Ходзко, только 36 верстъ), лежащаго на лѣвомъ ея берегу, въ разстояніи 8 верстъ отъ него. Идя на востокъ отъ сего города переходятъ Кара-Су (называемую здѣсь *Адинали*) черезъ мостъ, именуемый *Лемерданъ*, при селеніи *Берестанъ*, въ 28 верстахъ отъ Астрабада. Рѣчка эта протекаетъ черезъ огромныя болота, покрытыя камышемъ. Первый ильмень, *Сіапала*, находится 7 верстъ ниже Астрабада; отсюда рѣчка продолжаетъ путь свой $3\frac{1}{2}$ версты до ильменя *Аксинъ*; потомъ течетъ черезъ ильмень *Мурдъ-Абъ*, или *Поштогёлъ*, отстоящій отъ Аксина на $9\frac{1}{2}$ верстъ; отъ Мурдъ-Аба до моря остается еще 5 верстъ. Въ лодкѣ можно слѣдовать по ней отъ устья вверхъ по теченію около 4 верстъ; ширина ея здѣсь отъ 3 до 12, а глубина отъ 1 до 3 саженъ; по обѣимъ сторонамъ растетъ огромный камышъ; въ 4 верстахъ отъ устья она дѣлается уже, и невозможно слѣдовать далѣе на лодкахъ, по-причинѣ густаго, непроходимаго камыша. На этомъ пространствѣ рѣчка въ нѣсколькихъ мѣстахъ запружена забойками для рыбной ловли, производящейся здѣсь весною. Въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ устья, на лѣвомъ берегу, находится Персидское укрѣпленіе *Сенгиръ*, а на противуположномъ — пристань, гдѣ Туркмены въ зимнее время торгуютъ съ Персіянами. Лѣтомъ-же по обоимъ берегамъ никто не живетъ. Вода въ Кара-Су прозрачна, но темнаго цвѣта и почитается нездоровою.

Вышеупомянутые ильмени прежде принимаемы были за одно озеро, которое долго считалось заливомъ Каспійскаго-Моря, и на нѣкоторыхъ картахъ изображено въ такомъ видѣ. Конолли говоритъ, что это озеро на три мили не доходитъ до Каспійскаго-Моря и не имѣетъ съ нимъ никакого сообщенія. «Вода»—прибавляетъ онъ — «не имѣя истока, лѣтомъ загниваетъ и заражаетъ воздухъ вредными испареніями, отъ чего много страждутъ жители Астрабада.» Конолли ошибается, ибо ильмени имѣютъ сообщеніе съ моремъ посредствомъ Кара-Су; а вредныя испаренія происходятъ отъ множества чалтыковъ, находящихся въ окрестностяхъ Астрабада.

Общее направленіе этой рѣчки—отъ сѣверо-востока къ западу *.

* Сообщенныя здѣсь о Кара-Су свѣдѣнія получены мною частью отъ А. И. Ходзко.

РѢКА ГЮРГЕНЬ.

Вытекаетъ двумя рукавами изъ горы *Гюли-Дага* въ Эльбурзѣ, нѣсколько верстъ сѣвернѣе *Шабаза*, близь кочевьевъ Гокановъ колѣна *Кара-Балканъ*. Первый ея рукавъ называется также *Гюли-Дагъ*, а лѣвый и главный рукавъ — *Зау*; на правой сторонѣ его находятся остатки большаго города *Мериша*. Оба рукава соединяются близь скалы называемой *Каменною*, съ укрѣпленіемъ на ней по имени *Казанъ-Кая*; между ними кочуютъ Гокланы *Эркекли*. Въ кочевьяхъ Гокановъ *Янакъ*, или *Янгакъ*, параллельное разстояніе Гюргени отъ цѣпи Эльбурза будетъ около 90 верстъ. Пространство, протекаемое рѣкою въ верхней ея части, представляетъ плодородный и очаровательный край: горы сплошъ покрыты лѣсомъ до самой ихъ вершины; почти всѣ роды фруктовыхъ деревьевъ растутъ тутъ на-волѣ, и между ними смоковичныя, гранатныя, грецкій орѣхъ и виноградныя лозы, а близъ кочевьевъ туркменскихъ находится обширная плантація тутовыхъ деревьевъ.

Между протоками Гюргени *Зау* и *Дагъ* кочуютъ Гокланы *Халкадаглы*; а между р. *Доғъ-Сауджакъ* и *Караджа Су* — Гокланы *Янакъ* и *Сенгрикъ*. Рѣчка *Караджа-Су* составляетъ границу между кочевьями Гокановъ и Юмудовъ. Побочныя рѣчки Гюргени, окружающія кочевья сихъ-послѣднихъ, суть: *Кара-Текенъ-Кошъ-Купри*, въ которую впадаетъ *Чагалы*; и въ 15 верстахъ ниже урочища *Салынъ*, что при устьѣ Кошъ-Купри — рѣчка *Эгдыржа*. Всѣ эти притоки впадаютъ въ Гюргень съ лѣвой стороны; съ правой-же не имѣетъ она ни одного. Въ 8 верстахъ ниже устья Эгдыржи, съ лѣвой стороны, и не въ дальнемъ разстояніи отъ берега Гюргени, находятся развалины древняго города *Акъ-Кала*; а еще 7 верстъ ниже, и близъ праваго берега этой рѣки — развалины города *Алтынъ-Кала*. Здѣсь Гюргень раздѣляется на два главные рукава свои.

Правый рукавъ, подъ назваіемъ *Тулача-Аби*, впадаетъ, 4 версты ниже Алтынъ-Кала, въ ильмень *Кутукъ-Науры*, изъ котораго, уже подъ названіемъ *Гюлишъ-Тепѣ-Агазы*, течетъ 30 верстъ далѣе и впадаетъ въ море въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ южнѣе *Серебрянаго*-Бугра, раздѣляясь на нѣсколько мелкихъ рука-

вовъ. Полторы версты выше устья, отдѣляется отъ сего рукава другой, именуемый *Байрамъ-Киля*, который впадаетъ въ море южнѣе и отдѣльно.

Главный, лѣвый, рукавъ течетъ къ юго-западу отъ Алтынъ-Кала 12 верстъ и впадаетъ въ ильмень *Караваль*, имѣющій въ окружности $3\frac{1}{2}$ версты. Изъ этого ильменя вытекаютъ два рукава: сѣверный, или *Большой Ходжа-Нефесъ*, и южный, называемый *Кичикъ-Гюргенъ*. Первый въ 2 верстахъ отъ моря дѣлится опять на два рукава, изъ коихъ правый, или *Малый Ходжа-Нефесъ*, отдѣляетъ отъ себя еще другой, называемый *Бай-Доулетъ-Килл. Кичикъ-Гюргенъ*, по выходѣ изъ ильменя Караваля развѣтвляется также на два рукава: лѣвый называется собственно *Гюргенъ*, а правый — *Кара-Килекъ*. Всѣ эти семь рукавовъ мелки, покрыты камышемъ и несудоходны: только лодки и куласы могутъ входить въ нихъ.

Оба берега Гюргени весьма плодоносны; многія канавы, отведенныя изъ этой рѣки (по нижней части ея теченія, ибо верхняя часть имѣетъ крутые и глубокіе берега), орошаютъ поля Юмудовъ и Гокдановъ, засѣянныя пшеницею, сарачинскимъ пшеномъ, джогеномъ, арбузами и дынями, огромной величины и отличнаго вкуса. Въ весеннее время множество рыбъ разнаго рода входятъ изъ моря въ устья этой рѣки, для метанія икры.

Отъ Серебрянаго-Бугра вверхъ по правому берегу Гюргени до самой горы *Пейхамбера* (Пророка), простираются, на разстояніи 150 верстъ, остатки стѣнъ, называемые *Кызылъ-Алланъ; во многихъ мѣстахъ видны въ нихъ слѣды башенъ* съ отверстіями для выхода, и на всемъ протяженіи ихъ насчитываются развалины семи древнихъ городовъ.

Длина теченія р. Гюргени, отъ источниковъ до моря, простирается на 180 верстъ *.

---

* Свѣдѣнія о теченіи Гюргени были собраны мною на-мѣстѣ, лѣтомъ 1836 года, отъ сыновей Кіата и другихъ Туркменовъ. Тѣмъ же лѣтомъ 1836 года баронъ Боде (бывшій секретарь Россійской миссіи при Тегеранскомъ Дворѣ) находился при шахской арміи въ верхнихъ долинахъ р. Гюргени, и также описывалъ теченіе этой рѣки и Туркменію вообще. Его свѣдѣнія подробнѣе и разнствуютъ съ вышеприведенными; я помѣстилъ ихъ въ моемъ описаніи Персіи. *Авт.* Свѣдѣнія, собранныя барономъ Боде, о которыхъ говоритъ здѣсь г. Бларамбергъ, помѣщены уже въ Запискахъ Р. Г. О. ч. *II*, стр. 203—232.

ГЮМИШЪ-ТЕПЕ, ИЛИ СЕРЕБРЯНЫЙ-БУГОРЪ.

Бугоръ этотъ лежитъ сѣвернѣе устья *Гюмишъ-Тепѣ-Агазы* 1½ верстами; онъ незначителенъ: имѣетъ только 3 или 4 сажени вышины, и состоитъ изъ развалинъ старыхъ зданій. Море смыло часть бугра, и остатки стѣнъ простираются еще подъ водою вдоль берега до р. *Кара-Су*, на протяженіи около 28 верстъ *.

РѢКА АТРЕКЪ.

Атрекъ, или *Этрекъ*, беретъ начало свое изъ озера *Хавысъ*, въ горахъ Хорасанскаго-Курдистана, недалеко отъ *Кучана*, и протекаетъ мимо *Ширвана*, *Буджнурда* и *Гермаба*. Первоначальное направленіе его — къ сѣверо-западу, а потомъ — къ западу. Отрасли Хорасанскихъ горъ провожаютъ Атрекъ съ обѣихъ сторонъ: съ лѣвой — горы *Курдъ-Лича*, съ правой — *Зане-Дагъ*. Затѣмъ, на протяженіи около 200 верстъ своего теченія принимаетъ онъ съ правой стороны р. *Зумбаръ*, или *Зундъ*, въ которую, около 60 верстъ выше ея устья, впадаетъ съ лѣвой стороны р. *Чандыръ*. Съ правой стороны р. Зумбара простираются, по направленію къ сѣверо-западу, горы, называемыя *Карагачъ-Байры*, которыя оканчиваются со стороны *Зумбара* крутыми и многочисленными ущельями. *Зумбаръ* — единственный притокъ Атрека съ правой его стороны; съ лѣвой-же рѣка эта не принимаетъ побочныхъ притоковъ.

Выходя изъ ущелья *Челгударъ*, Атрекъ течетъ черезъ обширную степь, почти параллельно съ *Гюргенью*, отъ которой никогда далѣе 50 верстъ не отдаляется. По обѣимъ его сторонамъ, находятся уединенные бугры, число которыхъ простирается до 20, причемъ каждый имѣетъ свое названіе; около нихъ располагаются зимою многочисленныя кибитки Туркменовъ Юмудскаго колѣна. Въ 6 верстахъ ниже бугра *Козу-Куранъ* (съ правой стороны рѣки) Атрекъ раздѣляется на нѣсколько главныхъ рукавовъ, которые, 4 версты ниже, впадаютъ мно-

---

*Подробное описаніе этого бугра находится въ «Путешествіи» Муравьева; стр. 29 — 31.

гочисленными мелкими рукавами въ *Гассанъ-Кулинскій Култукъ*. Устья Атрека очень мелки; берега около нихъ низкіе и илистые; вода мутная, и теченіе очень быстрое. Въ полную воду Атрекъ разливается на большое пространство, отъ чего окрестная страна дѣлается весьма плодоносною. Далѣе и вверхъ по рѣкѣ, берега круты, такъ-что Туркменамъ невозможно отводить изъ нея воду канавами. Теченіе Атрека отъ источника до устья составляетъ отъ 380 до 400 верстъ. Съ правой стороны Юмуды кочуютъ только зимою; весною-же откочевываютъ они въ степь; но между Атрекомъ и Гюренью аулы ихъ пестрѣютъ круглый годъ *.

ГАССАНЪ-КУЛИНСКІЙ-КУЛТУКЪ.

Заливъ этотъ простирается отъ сѣвера къ югу и отъ запада къ востоку около 14 верстъ, заключая въ себѣ площадь болѣе-чѣмъ во 150 кв. верстъ. Берега его низки, съ западной и сѣверной стороны песчаны, а съ восточной по-большей-части покрыты камышемъ, особливо около устьевъ Атрека, впадающаго въ култукъ съ восточной стороны. *Гассанъ-Кулй*, аулъ состоящій изъ 200 кибитокъ, лежитъ на западномъ берегу култука. Мѣсто это было прежде островомъ; теперь-же, соединившись съ сѣверной стороны съ твердою землею, образуетъ полуостровъ, или лучше сказать, косу, называемую *Чагылъ* и простирающуюся къ юго-востоку почти на 5 верстъ; ширина косы — отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ версты. Подобная же коса, но только покрытая водою и камышемъ, и называемая *Каажъ*, простирается съ юга на сѣверъ; а между ними находится входъ въ култукъ, шириною около $4\frac{1}{2}$ верстъ; фарватеръ его не глубже $3 — 4\frac{1}{2}$ футовъ, слѣдовательно только лодки и киржимы могутъ входить въ оный; близъ береговъ глубина его различна: отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ фута. Въ этомъ култукѣ строятся туркменскіе киржимы (плоскодонныя лодки); лѣсъ для нихъ получается изъ Персіи. Тутъже въ самомъ аулѣ *Гассанъ-Кулй* находится русская ватага, принадлежащая Астраханскому купцу Герасимову. Култукъ этотъ изобилуетъ рыбами, особ-

* Въ монхъ «Запискахъ о Персіи» есть другое описаніе этой рѣки, нѣсколько отличное отъ настоящаго.

ливо весною: тогда крупныя породы ихъ; бѣлуги, осетры и севрюги, цѣлыми стадами стремятся въ него для метанія икры.

Жители аула Гассанъ-Кули снабжаются водою изъ рѣки Атрека, устья коей находятся около 12 верстъ отъ аула; они наполняютъ ею куласы, въ которыхъ отправляются къ устьямъ рѣки, и такимъ образомъ привозятъ ее домой; на пути, отъ плескапія морскихъ волнъ въ куласъ, дѣлается она нѣсколько солоновата.

РѢКА ТЕДЖЕНДЪ.

На нѣкоторыхъ картахъ означено ошибочно, будто-бы устья этой рѣки находятся въ *Хивинскомъ*-Заливѣ, подъ названіями *Гератъ*, *Охусъ* или *Тедзенъ*. Посему описывается здѣсь, въ нѣсколькихъ словахъ, настоящее ея теченіе.

Рѣка *Тедзенъ*, или *Теджендъ*, имѣетъ начало свое въ *Хорасанскихъ* горахъ, въ недальнемъ разстояніи къ западу отъ г. *Мешгеда*, ниже котораго входитъ въ ущелье, называемое *Дербендъ*, потомъ протекаетъ черезъ *Шерексъ*, главное мѣсто туркменскаго поколѣнія *Салоръ*, и исчезаетъ въ пескахъ къ С. З. отъ сего мѣста и къ В. С. В. отъ *Келати-Надири*. Всего теченія ея около 70 верстъ. Въ Теджендъ впадаетъ, при *Ага-Дербендѣ*, р. *Гери-Рудъ*, имѣющая начало свое въ горахъ *Параполиса*, къ востоку отъ г. *Герата*, и протекающая въ недальнемъ разстояніи отъ этого города въ направленіи къ сѣверо-западу *.

БЕРЕГЪ МЕЖДУ ГАССАНЪ-КУЛИ И ПОЛУОСТРОВОМЪ ДАРДЖИ.

Пространство это представляетъ безплодную степь, вовсе необитаемую и покрытую солончаками. Единственные предметы, достойные здѣсь вниманія, суть:

1. *Бѣлый*-Бугоръ, или *Акъ-Тепѐ*; находится въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ Гассанъ-Кули; имѣетъ видъ продолговатой усѣченной пирамиды, и довольно высокъ; отъ берега лежитъ онъ верстахъ въ десяти и кажется будто отдѣленъ отъ него моремъ; но это только соленая степь, или высохшее со-

* Подробное описаніе теченія *Гери-Руда* находится въ моихъ «Запискахъ о Персіи».

леное озеро, окристаллизированная соль коего, сверкая отъ солнца сквозь волнующіеся пары, производимые теплотою или сгущеніемъ воздуха, представляетъ издали видъ воды. На вершинѣ его есть, какъ говорятъ, яма съ кипящей соленой водой.

2. *Зеленый*-Бугоръ, или *Гёзъ-Бартлаукъ*, находится въ 30 верстахъ сѣвернѣе перваго, и имѣетъ видъ конуса, поперечникъ основанія коего въ три раза болѣе чѣмъ высота. На немъ, по разсказамъ Туркменовъ, также есть яма съ кипящей морской водой, испускающая сильный запахъ. Отъ морскаго берега бугоръ этотъ отстоитъ около 7 верстъ.

Оба означенные бугра служатъ морякамъ опознательными маяками.

3) Въ 7 верстахъ къ сѣверу отъ Зеленаго-Бугра, на самомъ берегу моря, находятся остатки древней мечети, называемой *Кызъ-Мала*; отъ этого мѣста выходитъ въ море, прямо къ сѣверу, простирающаяся на 7 верстъ коса, при оконечности коей находится урочище *Гарялъ*, изобилующее самосадочною солью; Туркмены собираютъ ее въ большомъ количествѣ какъ для собственнаго употребленія, такъ и для продажи вдоль Персидскихъ береговъ.

Море здѣсь весьма мелко, и образуетъ довольно значительный заливъ, или култукъ, который извѣстенъ подъ названіемъ *Хивинскаго* и теперь большею-частью высохъ; онъ простирается къ сѣверу до южной стороны полуострова *Дарджи* и усѣянъ во множествѣ песчаными, безплодными и безводными буграми. Берегъ здѣсь неприступенъ, по-причинѣ мелководія, и даже въ куласахъ нельзя подходить къ нему близко.

ОГУРЧИНСКІЙ-ОСТРОВЪ.

Островъ этотъ, называемый Туркменами *Айдакъ*, заслуживаетъ, по величинѣ своей, болѣе вниманія, нежели прочіе острова находящіеся въ Каспійскомъ-Морѣ, и уступаетъ только острову Челекени. Грунтъ состоитъ изъ сыпучаго песка и мелкихъ ракушекъ, на которыхъ растетъ повсюду множество тростника. Вдоль восточнаго и западнаго береговъ его тянутся, въ нѣсколько рядовъ, песчаные бугры, покрытые жидовникомъ, а между ними, во многихъ мѣстахъ, находятся солон-

цы, гдѣ соль садится разноцвѣтными пластами; кристаллы розоваго цвѣта въ-особенности красивы. Къ югу островъ оканчивается длинною и весьма узкою косою, соединяющеюся съ другимъ маленькимъ островомъ посредствомъ отмели. На этой оконечности Туркмены завели бакчи (огороды) съ арбузами и дынями. Длина острова отъ сѣвера къ югу — около 60 верстъ; сѣверная оконечность имѣетъ видъ полумѣсяца и направляется къ востоку. Ширина его посединѣ около 2 верстъ; въ другихъ мѣстахъ различна: въ иныхъ всего отъ 150 до 200 саженъ.

Прѣсную воду можно добывать во многихъ мѣстахъ, вырывая колодцы на аршинъ глубиною, въ 20, 30 и болѣе саженяхъ отъ моря; впрочемъ, случается что вмѣсто прѣсной попадается и солоноватая, что̀ зависитъ отъ бо̀льшаго-или-меньшаго отдаленія колодцевъ отъ морскаго берега. Жителей нѣтъ; Туркмены наѣзжаютъ сюда лишь временно, съ острова Челекени, для поливанія бакчей и собиранія арбузовъ. Изъ домашнихъ животныхъ пасется здѣсь небольшое число лошадей, да нѣсколько тощихъ верблюдовъ, барановъ и козъ, принадлежащихъ Челекенскимъ Туркменамъ. Изъ птицъ водятся во множествѣ кулики и кромѣ-того красные гуси, чайки, бакланы, скворцы, утки и проч.

Близъ сѣверо-восточной оконечности острова находится памятникъ Сеидъ-Бергена, одного изъ туркменскихъ Святыхъ; памятникъ этотъ служитъ маякомъ для Туркменовъ, плывущихъ сюда съ острова Челекени.

Якорная стоянка здѣсь весьма спокойна: возлѣ восточнаго берега острова, глубина моря, въ полуверстѣ отъ онаго, 3 или 4 сажени, а грунтъ — песокъ съ ракушею.

ОСТРОВЪ ЧЕЛЕКЕНЬ, ИЛИ НЕФТЯНОЙ *.

Имѣетъ въ-окружности около 80 верстъ.

Западный берегъ этого острова простирается къ сѣверо-востоку и къ югу двумя длинными и узкими косами, называющимися *Ко-*

* Топографическое описаніе *Челекени*, равно-какъ *Красноводской*-Косы и *Балханскаго*-Залива, взято, большею-частію, изъ записки Полковника Муравьева, вторично посѣтившаго этотъ берегъ въ 1821 году и производившаго здѣсь подробную инструментальную съемку.

палча и *Дервишъ*. Начиная отъ южной оконечности *Дервиша* до сѣвернаго конца *Копалчи*, онъ имѣетъ болѣе 50 верстъ. По этому берегу морскія глубины весьма достаточны, такъ-что даже большія суда могутъ подходить къ нему довольно близко; но якорныя стоянки неудобны, потому-что со всѣхъ почти сторонъ открыты.

Южный берегъ представляетъ, напротивъ, хорошую якорную стоянку, ибо закрытъ косою *Дервишъ*, образующею въ этомъ мѣстѣ большой заливъ. Суда, идущія съ моря къ южному берегу Челекени, могутъ приплыть въ этотъ заливъ не обходя Огурчинскаго-Острова. Глубины около оконечности *Дервиша* показываютъ, что въ проливѣ между этимъ полуостровомъ и Огурчинскимъ, есть хорошій фарватеръ даже для большихъ судовъ; но они должны держаться ближе къ *Дервишу*, чтобы миновать подводный островъ, или банкъ, находящійся въ проливѣ. Глубины по всей восточной сторонѣ *Дервиша* очень мелки, и къ востоку отъ него идетъ даже нѣсколько подводныхъ откосковъ.

Юго-восточный берегъ Челекени состоитъ изъ небольшихъ заливовъ, отдѣленныхъ одинъ-отъ-другаго косами. Глубины въ этомъ мѣстѣ очень малы и часто бываютъ недостаточны даже для гребныхъ судовъ. Отсюда до сѣверо-восточной оконечности острова, море усѣяно множествомъ малыхъ, песчаныхъ, безплодныхъ и безводныхъ острововъ, составляющихъ продолженіе цѣпи бугровъ, тянущихся отъ полуострова *Дарджи* въ южную часть *Балханскаго-Залива*. Жители насчитываютъ ихъ болѣе 70, и каждый имѣетъ особенное наименованіе.

Сѣверный берегъ Челекени тянется прямо съ востока на западъ и не имѣетъ заливовъ; западный конецъ онаго прикрытъ косою *Копалча*. Тутъ якорная стоянка хороша и спокойна, и суда могутъ близко подходить къ берегу. Отъ оконечности Копалчи тянется довольно-далеко въ море подводная коса.

Землетрясенія измѣнили прежніе берега Челекени. Полуостровъ Дервишъ, около 40 лѣтъ тому назадъ, былъ островомъ. Глубины при юго-восточныхъ и восточныхъ берегахъ Челекени, равно-какъ и между сосѣдними съ ними песчаными островками, тоже измѣнились; въ нѣкоторыхъ проливахъ вода почти совсѣмъ исчезла, тогда-какъ прежде, нагруженныя обывательскія суда свободно по нимъ ходили.

Вообще, водяные пути около восточныхъ береговъ Челекени часто измѣняются отъ вѣтровъ. Такъ, сѣверные вѣтры изгоняютъ воду изъ пролива *Тонгачъ*, отдѣляющаго Челекень отъ острова *Арыгъ*; такое же мелководіе производитъ быть-можетъ отчасти и восточный вѣтеръ, наносящій много мелкаго песку съ Дарджи и другихъ острововъ. Вѣтры эти продолжаются иногда по нѣскольку дней сряду; вихри взметаютъ верхи песчаныхъ грудъ Челекена и разносятъ ихъ по всему острову.

Съ запада на востокъ тянется среди острова цѣпь горъ, изъ коихъ самая высокая называется *Чохракъ*; горы эти уклоняются нѣсколько къ сѣверо-востоку и теряются въ цѣпяхъ песчаныхъ бугровъ, покрывающихъ берега Челекени, преимущественно съ восточной стороны. Цѣпи этихъ сыпучихъ песковъ занимаютъ весь западный берегъ острова, отъ оконечности Дервиша до конца Копалчи; онѣ простираются также и по сѣверному берегу, впрочемъ отдаляясь здѣсь нѣсколько въ-середину острова. Юго-западная часть береговъ Челекени не имѣетъ такихъ глубокихъ песковъ.

Челекень ничего не производитъ: ни въ горахъ, ни на равнинахъ не видно зелени; природа мертва повсюду. На восточной сторонѣ острова примѣтны только въ иныхъ мѣстахъ растущія въ пескахъ мелкія деревья похожія на тальникъ, да на косѣ Копалчи попадаются изрѣдка кусты жидовника.

По всему острову вообще свойство земли соленое; въ иныхъ мѣстахъ есть соленыя озера; изъ нихъ *Агашлы Баши*, лежащее въ восточной его части, доставляетъ обывателямъ матеріалъ для весьма значительнаго торга: они вывозятъ добываемую здѣсь соль въ прибрежныя провинціи Персіи.

Изъ горъ вытекаютъ нѣсколько ручьевъ, которые теряются бо́льшею-частію въ пескахъ. Вода въ этихъ ручьяхъ соленая; нѣкоторые изъ нихъ текутъ съ черною нефтью и имѣютъ воду температурою отъ 29° до 39° Реом. По всему острову нѣтъ ни одного колодца съ прѣсною водою; та, которую жители употребляютъ для питья, не многимъ лучше морской. Дождевыя рѣчки, текущія иногда съ горъ, образуютъ рытвины, которыя запруживаются потомъ плотинами: вода добываемая изъ колодцевъ, вырытыхъ выше такихъ плотинъ, бываетъ нѣсколько лучше; но жители рѣдко рѣшаются и на этотъ малый трудъ, предпочитая ему употребленіе простой морской воды.

Туркменовъ, которые могутъ назваться постоянными обывателями Челекени, живетъ здѣсь не болѣе какъ отъ 80 до 100 семействъ. Они не имѣютъ почти ни какаго скотоводства, и держатъ всего нѣсколько тощихъ верблюдовъ, которые пасутся по безплоднымъ степямъ острова; барановъ у нихъ тоже мало, а лошадей вовсе нѣтъ.

Главный и почти единственный промыселъ обитателей Челекени состоитъ въ добываніи нефти и торговлѣ ею; нефти вывозится отсюда въ Персію около 100,000 пудовъ ежегодно; она вымѣнивается тамъ на пшеницу, сарацинское пшено и различныя матеріи для одежды. Произведеніе это добывается изъ колодцевъ, которыхъ, по словамъ Туркменовъ, считается на островѣ болѣе 3,000; изъ нихъ 1,500 принадлежатъ собственно семейству старшины Кіата. Средняя глубина колодцевъ — отъ 12 до 15 кулачей (маховыхъ саженъ); глубочайшіе простираются до 35, а мелкіе — до $1\frac{1}{2}$ кулачей. Притокъ нефти различенъ и, кажется, соотвѣтствуетъ глубинѣ колодцевъ; обильнѣйшіе изъ нихъ даютъ до 10 тулуковъ (20 пудовъ) въ сутки; въ мелкихъ-же скопленіе нефти бываетъ столь медленно, что въ цѣлый мѣсяцъ не собирается болѣе одного пуда; среднею добычею можно положить около одного тулука въ сутки. Нефть вычерпывается изъ колодцевъ кожаными мѣшками (бурдюками). Работа производится плѣнными Персіянами и покупаемыми у Персіянъ же Арабами, число коихъ однако незначительно. Нефть сохраняется въ ямахъ и подземныхъ амбарахъ, вмѣщающихъ отъ 100 до 500 тулуковъ каждый; главнѣйшій и изобильнѣйшій изъ этихъ амбаровъ и колодцевъ, по имени *Кара-Ситлѐ*, находится въ западной части острова.

Изъ разныхъ колодцевъ нефть получается не одинаковаго качества; Туркмены дѣлятъ ее на 4 сорта:

1) *Пырдюлъ* — чистая, свѣтлозеленая нефть; будучи смѣшана съ водою, горитъ весьма ясно.

2) *Янги-Тюфя* — качествомъ нѣсколько хуже первой.

3) *Карагушъ*, или «черная нефть», — зеленовато-чернаго цвѣта, совершенно жидкая.

4. *Дахиль* — имѣетъ всѣ свойства нефти, кромѣ жидкости; добывается въ твердомъ видѣ, чернаго цвѣта, и служитъ для освѣщенія; сдѣланныя изъ нея свѣчи горятъ очень ярко.

Къ этимъ отличіямъ должно еще прибавить: 5) сгустившуюся нефть, смѣшанную съ земляными частицами, которую называютъ здѣсь *катранолъ*, *киролъ* или *сомолою*, и 6) выбрасываемый морскими волнами *асфальтъ*.

Первые четыре сорта поступаютъ въ продажу; катранъ-же употребляется для осмолки киржимовъ и лодокъ, также на изготовленіе факеловъ, очищаясь предварительно перетапливаніемъ.

Промыселъ этотъ могъ-бы усилиться еще болѣе, если-бы Туркмены не были такъ безпечны. Вырывая новые колодцы, они не обдѣлываютъ ихъ какъ слѣдуетъ, такъ-что края обваливаются. Весь хребетъ горъ, начиная отъ западной оконечности *Чохрака* до западнаго берега моря—нефтяннаго свойства; колодцевъ тутъ множество, и старыхъ и новыхъ.

Главные колодцы принадлежатъ тремъ хозяевамъ, и переходятъ изъ рода въ родъ. Собственность эта не утверждена никакими письменными свидѣтельствами; однѣ изустныя преданія, впрочемъ чрезвычайно уважаемыя у Туркменовъ, доставляютъ здѣсь потомкамъ безспорное право на владѣніе имуществомъ предковъ. Прочіе колодцы вырываются всякимъ желающимъ трудиться, безъ малѣйшаго воспрещенія съ чьей-либо стороны, ибо вся почти цѣпь горъ производитъ нефть.

Продажу нефти Туркмены производятъ сами, развозя оную на киржимахъ по Персидскимъ берегамъ, какъ то: въ Астрабадскій-Заливъ въ Мазандеранъ и Тункабинъ. Сбытъ и цѣны ея въ разныя времени года не одинаковы. Лѣтомъ привозъ менѣе и цѣны дешевле, потому-что одна только крайняя необходимость заставляетъ Туркменовъ отправляться тогда къ берегамъ, климатъ коихъ гибеленъ для нихъ; они спѣшатъ распродать товаръ и воротиться обратно какъ-можно скорѣе. А весною и осенью, въ бурное время этой части моря, они отправляются по нѣскольку киржимовъ и лодокъ вмѣстѣ, чтобы подать при случаѣ другъ-другу нужную помощь, и никогда не выпускаютъ береговъ изъ виду.

Туркменскій киржимъ поднимаетъ отъ 200 до 400 пудовъ, лодка — отъ 40 до 100 тулуковъ нефти; среднимъ-числомъ можно положить по 300 тулуковъ на киржимъ и по 70 тулуковъ на лодку. Вотъ таблица приблизительнаго количества

нефти, вывозимой ежегодно въ Персію самими Туркменами:

въ Астрабадскій-Заливъ.

лѣтомъ:	число судовъ.	число тулуковъ.	цѣна за тулукъ въ реалахъ.	всего на сколько реаловъ.
лодокъ	30	2,100	1	2,100
киржимовъ	10	3,000	1	3,000
весною, осенью и зимою:				
лодокъ	20	1,400	$1\frac{1}{4}$	1,750
киржимовъ	40	18,000	$1\frac{1}{4}$	22,500
всего	100	24,500	,,	29,350

въ Мазандеранъ и Тункабинъ.

лѣтомъ:	число судовъ.	число тулуковъ.	цѣна за тулукъ въ реалахъ.	всего на сколько реаловъ.
лодокъ	40	2,800	1	2,800
киржимовъ.	20	6,000	1	6,000
весною, осенью и зимою:				
лодокъ	20	1,400	$1\frac{1}{2}$	2,100
киржимовъ	110	33,000	$1\frac{1}{2}$	49,500
всего	190	43,200	,,	60,400

Всего 67,700 тулуковъ, на сумму 89,750 реаловъ, или 135,400 пудовъ, на 107,700 рублей асс. (принимая реалъ за 120 к. асс.), т. е. менѣе 80 к. асс. за пудъ нефти доставленной на мѣсто; между-тѣмъ-какъ въ Баку халваръ нефти продается по 7 рублей сер. или по 1 р. 26 к. асс. за пудъ, безъ перевозки *.

* Какъ свѣдѣнія эти сообщены намъ Туркменами, то быть-можетъ количество нефти, ежегодно вывозимое изъ Челекени, и преувеличено ими; но

Главная пристань обывательскихъ киржимовъ находится на южной сторонѣ острова; суда эти, при попутномъ вѣтрѣ, ходятъ очень скоро; но на веслахъ почти совсѣмъ не могутъ подвигаться; вмѣщаютъ они до 40 человѣкъ; на нихъ же перевозятъ Туркмены лошадей и верблюдовъ своихъ. Число киржимовъ имѣющихся въ Челекени простирается до 50; сверхъ того пріѣзжаютъ туда, для нефтянаго же промысла, киржимы изъ Гассанъ-Кули. Общее число всѣхъ судовъ принадлежащихъ Туркменамъ Челекени и Гассанъ-Кули простирается до 150 киржимовъ и лодокъ, несчитая куласовъ. Лѣсъ для постройки этихъ судовъ получаютъ они изъ Персіи; на нихъ же производятъ они и набѣги свои въ Астрабадскій-Заливъ и другія прибрежныя провинціи края. Неожиданныя нападенія эти весьма безпокоятъ Персіянъ. Туркмены сажаютъ по пяти всадниковъ съ лошадьми на каждый киржимъ, и пристаютъ къ берегамъ Персіи ночью; конные съѣзжаютъ за добычею и прежде разсвѣта возвращаются обратно на суда. Если-бы въ этихъ нападеніяхъ было болѣе единодушія, они могли-бы быть ужасны для Персіянъ; но и теперь они причиняютъ много вреда, тѣмъ-болѣе что слабое Персидское правительство не можетъ принимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для отвращенія подобныхъ безпорядковъ въ земляхъ, которыя оно считаетъ своею собственностію **.

Главный старшина на Челекени Кіатъ, преслѣдуемый Персіянами, съ давняго времени уже поселился между жителями сего острова; бывши неоднократно въ Тифлисѣ, и видѣвъ пользу образованія и общественнаго порядка, онъ старался обратить земляковъ своихъ къ трудолюбію, согласію и повиновенію одной власти, и успѣлъ кой-какъ въ своихъ намѣреніяхъ: жители Челекени, если не изъ страха, то изъ уваженія и привязанности, повинуются ему. Почтенный старикъ этотъ съ своими сыновьями Яхши и Хадырь-Мамедомъ

всякомъ случаѣ, промыселъ этотъ долженъ доставлять жителямъ Челекени и Дарджи большія выгоды.

** Набѣги эти послѣ 1836 года усилились до того, что Персидское правительство (которое, по Туркменчайскому-Трактату, не имѣетъ права держать судовъ на Каспійскомъ Морѣ), принуждено было просить наше защитить отъ нихъ Астрабадскій берегъ; въ-слѣдствіе чего въ Астрабадскомъ Заливѣ находятся съ-тѣхъ-поръ два Русскіе брига.

въ-продолженіе двадцати лѣтъ не разъ доказалъ преданность свою нашему Правительству.

КРАСНОВОДСКАЯ-КОСА.

Имѣетъ въ-длину около 28 верстъ, начиная отъ каменной горы *Кайпата* до самой южной оконечности ея называемой *Алемъ-Сенгри*. Направленіе ея отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Сѣверная часть косы имѣетъ въ поперечникѣ 5 верстъ; на половинѣ длины своей она становится уже и имѣетъ въ иныхъ мѣстахъ не болѣе 60 саженъ ширины. Жители говорятъ, что при сильныхъ западныхъ вѣтрахъ, морская вода переливается черезъ перешеекъ, называющійся *Кески*, въ *Балханскій*-Заливъ. Подъ-конецъ коса становится шире, и раздѣляясь на два мыса, образуетъ небольшой заливъ *Кызылъ-Су*, покойный для судовъ и имѣющій хорошія якорныя мѣста.

Весь западный берегъ косы, будучи открытъ, не представляетъ никакаго пристанища для судовъ; далѣе къ сѣверу онъ усѣянъ даже подводными камнями. При восточномъ берегу косы якорныя стоянки вездѣ хороши; но по-мѣрѣ приближенія къ югу, отдаляются отъ берега и наконецъ прерываются длинною подводною косою, тянущеюся отъ мыса *Порокли* далеко въ море. Коса эта исчезаетъ немного не доходя до косы *Копалчи*, идущей отъ острова Челекени, и кончается подводными островами, изъ коихъ нѣкоторые показываются изъ моря осенью и зимою во время маловодія.

Каменныя горы, идущія по сѣверному берегу Балханскаго-Залива, пересѣкаются при началѣ Красноводской-Косы скалою *Кайпата*; но отъ этого мѣста идутъ по Красноводской-Косѣ цѣпи пологихъ покатостей, кончающіяся посрединѣ ея возвышеніемъ *Кара-Баба*; къ югу отсюда западный берегъ покрытъ невысокими песчаными буграми; восточный-же весь состоитъ изъ ракуши.

На сѣверной половинѣ восточнаго берега косы, земля ничего не производитъ, кромѣ кустовъ жидовника; мѣстами можно найти хорошую глину весьма удобную для строеній; во-множествѣ находится также мягкій бѣлый песчаный камень

смѣшанный съ ракушею, который легко обдѣлывается: плиты всякаго вида и величины можно высѣкать изъ него почти безъ всякаго труда.

Южная половина Красноводской-Косы производитъ, на песчаныхъ буграхъ, высокую игловатую траву, которая растетъ кустами и можетъ замѣнять сѣно для лошадей; по низкимъ мѣстамъ видны камыши, но въ весьма маломъ количествѣ.

Съ сѣверной половины косы видно много солончаковъ и одно озеро съ хорошею солью розоваго цвѣта (отъ присутствія іодина), имѣющее около полуверсты въ поперечникѣ; прежде, когда русскія суда приходили на эти берега за солью, означенное озеро доставляло нѣкоторую пищу для промышленности обывателей; но нынѣ, какъ это запрещено, оно остается безъ разработки, удовлетворяя только собственнымъ ихъ малымъ потребностямъ.

По всей Красноводской-Косѣ нѣтъ ни одной рѣчки; прѣсная вода добывается здѣсь по нѣкоторымъ мѣстамъ только въ колодцахъ, преимущественно на западномъ берегу косы. При началѣ ея находятся издавна вырытые колодцы *Сегрешемъ*, около коихъ кочуютъ Туркмены; тутъ сѣютъ даже арбузы и дыни, и они очень хорошо принимаются. Отсюда къ сѣверу, по всему почти берегу моря до *Кара-Бугазскаго*-Пролива, особливо при урочищѣ *Дарта*, земля заключаетъ въ изобиліи настоящую прѣсную воду, лучшую чѣмъ въ колодцахъ *Сегрешемъ*, которая солоновата. Нѣсколько колодцевъ съ дурною водою встрѣчается также и на югъ отъ Сегрешема по берегу, именно противъ высоты *Кара-Баба*, находящейся на половинѣ косы. Далѣ къ югу также есть мѣста, гдѣ добывается изъ колодцевъ вода годная по-нуждѣ къ употребленію; на западной половинѣ оконечности косы есть мѣстность, гдѣ прѣсная вода имѣется на сплошномъ пространствѣ около версты въ-длину и 200 саженъ въ-ширину; въ этомъ мѣстѣ почва состоитъ изъ ракуши, смѣшанной съ пескомъ; колодцы роютъ тутъ въ 3 аршина глубины; для добыванія-же воды изъ нихъ ставятъ въ ямы бочки съ выбитымъ дномъ, потому-что песокъ по рыхлости своей осыпается; свойства этой воды довольно странны: она становится горьковата если яму вырыть полуаршиномъ глубже горизонта воды, и если не вычерпывать скоро, то портится въ непродолжительномъ времени. Поэтому

должно думать, что вода здѣсь не природно-прѣсная, а морская, передѣлывающаяся въ прѣсную посредствомъ песка и ракуши; и что если-бы дѣлать въ колодцахъ срубы и вычерпывать изъ нихъ воду чаще, она была-бы еще лучше; впрочемъ, и теперь по-нуждѣ можно довольствоваться ею.

На этой оконечности косы кочевало прежде до 40 кибитокъ Туркменовъ разныхъ поколѣній, которые жили рыбною ловлею; въ концѣ 1821 года кочевье это удалилось отсюда и разбрелось по островамъ Балханскаго-Залива, чтобы быть въ безопасности отъ нападеній поколѣнія *Текé*.

У самой вершины малаго Красноводскаго-Залива, тамъ гдѣ соединяются двѣ косы, составляющія оконечность *Красноводской*, видны еще остатки укрѣпленія, построеннаго въ 1717 году Княземъ Бековичемъ. Мѣсто это въ 1764 году, когда обозрѣвалъ берега эти Инженеръ-Маіоръ Ладыженскій, залито было морскою водою; но мысъ, на которомъ добывается прѣсная вода, оставался наружи. Валъ и бастіоны этого укрѣпленія обозначаются весьма-ясно, хотя и занесены ракушею; валъ имѣетъ болѣе аршина возвышенія надъ землею, а ширины — болѣе сажени. Ровъ заросъ мелкимъ камышемъ, въ которомъ гнѣздится множество змѣй. Все укрѣпленіе имѣло видъ кронверка. На поверхности земли видно здѣсь еще много остатковъ, свидѣтельствующихъ о пребываніи Русскихъ, какъ то: обломки кирпичей, стеколъ, уголь и проч.; въ землѣ-же на кладбищѣ отрываются человѣческія кости, гробовыя доски, ржавыя желѣзныя вещи, ядра, кремни, мѣдныя пуговицы и проч. Передъ Укрѣпленіемъ находятся два озера, съ стоячею морскою водою, тяжелыя испаренія коихъ заражаютъ воздухъ. Вода въ этихъ озерахъ покрыта у береговъ плесенью, и совершенно краснаго цвѣта, отъ присутствія водянисто-окисленнаго желѣза; тутъ-же есть въ одномъ мѣстѣ родникъ съ соленою водою, которая остается холодна въ самые жаркіе дни. Затѣмъ, къ помянутымъ озерамъ примыкаютъ еще остатки довольно-обширной пристройки, сдѣланной частію изъ твердаго чернаго камня (порфира), привезеннаго изъ Балкунскихъ горъ: тутъ находилось русское кладбище. Укрѣпленіе было построено, какъ кажется, на 1,000 человѣкъ. Для этого числа людей и по малому времени, которое они тутъ находились, кладбище слишкомъ обширно и похороненныхъ

очень много, что̀ ясно доказываетъ великую потерю въ людяхъ, претерпѣнную въ отрядѣ, который былъ тутъ расположенъ.

Климатъ въ этомъ мѣстѣ долженъ быть очень нездоровъ, какъ по-причинѣ вышеупомянутыхъ озеръ, такъ и отъ вѣтровъ, которые свободно дуютъ тутъ со всѣхъ сторонъ и бываютъ очень сильны. Жители Балханскаго-Залива вообще страждутъ отъ глазной болѣзни; причина ея заключается, повидимому, въ здѣшнихъ пескахъ, которые, взметаясь вѣтрами, затмѣваютъ воздухъ и проникаютъ всѣ предметы мелкою пылью. Лѣтомъ бываютъ здѣсь сильные жары, а зимою очень ощутительные холода: въ климатѣ умѣренности нѣтъ. Восточные берега Красноводской-Косы покрываются иногда льдомъ; но самый кутукъ Красноводскій, или *Кызылъ-Су*, никогда не замерзаетъ, и потому пристань эта, имѣющая порядочную глубину и закрытая почти со всѣхъ сторонъ, можетъ называться хорошею. Она имѣетъ болѣе полуторы версты въ-ширину, считая отъ оконечности *Алелъ-Сенгри* до оконечности *Порокли*, и столько же въ-длину. Близь вершины ея есть нѣсколько подводныхъ откосковъ, которые опредѣлены промѣрами, также-какъ и подводная коса, тянущаяся отъ Порокли къ Челекени. Гребныя суда, плывущія въ Балханскій-Заливъ, могутъ переходить чрезъ эту подводную косу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ поглубже. Сообщеніе отсюда съ Балкунинскимъ колодцемъ также довольно свободно: съ попутнымъ вѣтромъ гребныя суда могутъ въ одинъ день съѣздить туда и воротиться.

Звѣри, водящіеся на Красноводской-Косѣ, суть: волки, лисицы и зайцы; изъ пресмыкающихся и насѣкомыхъ, есть разныхъ родовъ змѣи, изъ коихъ нѣкоторыя весьма опасны, и скорпіоны съ тарантулами. И тѣ и другіе нерѣдко уязвляютъ здѣсь людей; но ядъ ихъ, хотя и производитъ сильную и продолжительную боль, смерти однакоже не наноситъ.

СѢВЕРНЫЙ БЕРЕГЪ БАЛХАНСКАГО-ЗАЛИВА.

Состоитъ изъ горъ различныхъ свойствъ. Начало его, слѣдуя отъ запада къ востоку, у каменной (известковой) горы, называющейся *Кайпата*; въ ней есть пещера неизвѣстно кѣмъ высѣченная; въ отверстіе ея можетъ войти только одинъ чело-

вѣкъ; внутри-же она имѣетъ около 1½ сажени глубины, сажень въ-ширину и столько же въ-вышину. За этою горою находится древнее кладбище Туркменовъ, весьма у нихъ уважаемое. Отсюда по всему берегу, болѣе-или-менѣе отдаляясь отъ моря, идутъ горы, простирающіеся до самыхъ Балханскихъ, отстоящихъ отъ Кайпаты, по направленію къ В. Ю. В., почти на 150 верстъ.

Въ 10 верстахъ отъ Кайпаты, каменныя (известковыя) горы прерываются при *Балкуи*. Вершины этой цѣпи имѣютъ разныя названія. У подошвы *Балкуи* есть нѣсколько колодцевъ съ прѣсною водою, которыми довольствуются всѣ окрестныя кочевья. Когда жителямъ Челекени, Дарджи и проч., надоѣстъ употребленіе морской воды, они пріѣзжаютъ на своихъ лодкахъ къ Балкуинскимъ колодцамъ, и здѣсь наливаются прѣсною, которую отвозятъ потомъ въ свои кочевья.

Балкуинскія горы состоятъ, по развѣдкамъ Горныхъ Инженеровъ Поручика Фелькнера, изъ варіолитъ-порфира, и всѣ вообще кремнистаго рода. Въ этихъ горахъ, недалеко отъ берега, есть родникъ хорошей прѣсной воды, названный Русскими *Моисеевымъ*. Жители называютъ его *Балкуи* («медовымъ-колодцемъ»); настоящее-же названіе колодцевъ, у подошвы горы лежащихъ, не *Балкуи*, а *Шахъ-Аделъ*. Вода въ нихъ можетъ назваться хорошею, хотя и имѣетъ нѣкоторую солоноватость. Главный колодецъ даетъ отъ 10 до 12 сорокаведерныхъ бочекъ воды въ день. Моисеевъ-же родникъ не доставляетъ больше двухъ боченковъ въ день. Отъ Балкуинской горы на востокъ примыкаетъ къ морю долина, имѣющая 1½ версты въ-ширину. Западную окраину ея составляетъ помянутая гора, съ восточной-же стороны означается она высокимъ каменнымъ обрывомъ, кончающимся у моря угломъ, который называется *Улгали*; онъ имѣетъ около 100 саженъ вышины и видъ почти отвѣсной скалы. Отсюда на востокъ тянется эта скала на разстояніи 5 верстъ, гдѣ выдается въ море, на 3 версты, полуостровомъ, покрытымъ такими-же порфировыми горами, какъ и Балкуинскій мысъ.

Горы эти называются *Уфракъ* и простираются отъ запада къ востоку на разстояніи 5 верстъ. Отъ сего мѣста свойство ихъ перемѣняется; онѣ тянутся вблизи берега, и послѣ 13 верстъ, кончаются высокимъ и крутымъ мысомъ, по-имени *Куба-*

Сенгиръ. Высочайшая изъ горъ, находящихся въ цѣпи отъ Уфрака до Куба-Сенгира, называется *Кайли;* по скатамъ этихъ горъ, состоящихъ изъ песчаника, видны промоины, произведенныя дождевою водою.

Степь находящаяся за этими горами возвышенна, хотя покатость на сѣверной сторонѣ ихъ и довольно значительна; на этой степи видна цѣпь горъ называющаяся *Кюрре.*

Глубина въ морѣ, начиная отъ Кайпаты по всему берегу до Куба–Сенгира, хорошая. Суда могутъ ложиться на якорь довольно близко къ берегу, кромѣ залива находящагося на восточной сторонѣ Уфрака. Здѣсь они не могутъ подходить къ берегу ближе двухъ верстъ; впрочемъ, грунтъ для якорной стоянки хорошъ повсюду.

Отъ мыса Куба–Сенгиръ, примѣтнаго со всѣхъ мѣстъ Балханскаго-Залива, берегъ поворачиваетъ нѣсколько къ сѣверу, и образуетъ большой заливъ, отъ береговъ котораго горы удаляются въ степь. Далѣе принимаетъ онъ направленіе къ В. Ю. В., и продолжившись въ немъ на большое разстояніе, огибаетъ съ сѣверной стороны длинный, узкій и мелкій заливъ, составляющій самое восточное углубленіе Балханскаго; поперечникъ его, имѣющій не болѣе 6 верстъ, кончается у сѣвернаго берега полуострова Дарджи. Въ этотъ заливъ изливалъ прежде воды свои *Оксусъ* Древнихъ, или нынѣшняя *Аму-Дарья.* На сѣверномъ берегу этого залива видны горы, изъ коихъ высочайшая называется *Борджаклы.* Онѣ соединяются съ Балханскими, лежащими за вершиною залива на востокѣ. Жители говорятъ, что въ нихъ есть небольшіе родники съ хорошею прѣсною водою; верстахъ въ 30 отъ Куба–Сенгира, на востокъ, около берега, также есть колодецъ, воду коего, впрочемъ, могутъ пить только верблюды; онъ называется *Курдъ-Кюси,* или «Волчьимъ–Колодцемъ».

За мысомъ и горою Куба-Сенгиръ, глубины начинаютъ измѣняться и становиться мельче, такъ–что большія суда должны останавливаться очень далеко отъ берега. Далѣе–же, подвигаясь къ самой вершинѣ Балханскаго-Залива, и гребныя суда останавливаются за мелководіемъ противъ горы Борджаклы, и даже плоскодонныя бударки (куласы) не могутъ подходить близко къ берегамъ. Дно въ этихъ мѣстахъ вязко и иловато, отчего сообщеніе съ берегомъ весьма трудно. Восточнѣе

сего, заливъ во многихъ мѣстахъ пересохъ, и кончается озерами соленой воды, къ которымъ вязкой грунтъ земли не позволяетъ подходить. Впрочемъ, мѣста эти приступны болѣе-или-менѣе смотря по направленію вѣтровъ: восточный выгоняетъ воду изъ залива, а западный пригоняетъ ее туда.

Весь сѣверный берегъ Балханскаго-Залива не имѣетъ ни лѣсу, ни кустовъ, ни земли, ни воды (кромѣ вышеозначенныхъ колодцевъ Балкуи); но далѣе въ степи имѣются колодцы съ хорошею прѣсною водою.

Бѣдная страна эта была прежде населена многочисленнымъ поколѣніемъ Туркменовъ *Яръ-Сары*. Въ 1819 году, во время поѣздки Муравьева въ Хиву, кочевало въ этомъ мѣстѣ около 1,000 семействъ Юмудовъ, искавшихъ подданства Россіи; но въ 1821 году, при вторичномъ посѣщеніи этой страны Муравьевымъ, не оставалось уже никого изъ нихъ. Боясь нападеній Туркменовъ *Текѣ* и *Гокланъ*, грабившихъ ихъ по приказаніямъ Хана Хивинскаго и Астрабадскаго Правителя, они удалились отъ этихъ мѣстъ: часть переселилась въ Хиву, а другая перешла къ границамъ Персіи и кочуетъ теперь на берегахъ рр. Атрека и Гюргени, производя частые набѣги на Персію. Въ 1836 году также не было найдено никакихъ жителей на описанномъ берегу.

Сухопутныя сообщенія по всему берегу этому затруднительны отъ безводія; настоящихъ дорогъ нѣтъ здѣсь, и только отъ Балкуинскихъ колодцевъ идетъ тропинка называющаяся «Хивинскою-Дорогою», по которой ходили прежде караваны; *она поднимается верстахъ* въ двухъ отъ моря на утесистую гору, окаймляющую съ восточной стороны Балкуинскую равнину, а тамъ идетъ степью на колодцы *Сюлъменъ Сюйли* и *Туеръ*, въ близкомъ разстояніи отъ юговосточной оконечности Карабугазскаго-Залива.

Въ вышеописанныхъ горахъ водятся волки, лисицы, дикія козы (джейраны), а иногда бываютъ и барсы, заходящіе съ Балханскихъ-Горъ.

Вообще весь берегъ имѣетъ наружность дикую, неплодороденъ и не представляетъ никакого удобства для населенія. Кочевавшіе тутъ прежде Туркмены оживляли еще нѣсколько эти мѣста; теперь-же представляютъ они печальный видъ совершенной пустыни.

ОСТРОВЪ ДАГЪ-АДА.

Въ 20 верстахъ отъ мыса Куба-Сенгиръ на востокъ, и въ 4½ отъ сѣвернаго берега Балханскаго-Залива, лежитъ островъ *Дагъ-Ада*. Онъ имѣетъ около трехъ верстъ длины съ запада на востокъ, и около одной версты ширины съ сѣвера на югъ.

Островъ этотъ состоитъ изъ трехъ горъ, конхъ вершины и бо́льшую часть составляетъ известнякъ; да и повсюду здѣсь свойство земли также известковое. Прѣсной воды нѣтъ нигдѣ: въ копаняхъ, имѣющихъ до 4 саженъ глубины, вода выступаетъ соленая. Южный берегъ покрытъ кустарникомъ, и доступъ до него, со стороны моря, неудобенъ, по-причинѣ мелководія и вязкаго грунта. Большія суда́ должны останавливаться въ 3 верстахъ отъ острова. Сѣверный берегъ каменистъ и представляетъ болѣе удобствъ: гребныя суда пристаютъ къ нему вплоть.

На этомъ безплодномъ островѣ теперь никто не живетъ; но прежде кочевало здѣсь нѣсколько семействъ Туркменовъ, укрывавшихся отъ нападенія сосѣдей; тутъ сидѣли они на берегу безъ воды и почти безъ пищи, ибо мало занимались рыбнымъ промысломъ. По словамъ Полковника Муравьева, въ 1821 году жило здѣсь всего пять семействъ, прикочевавшихъ изъ Красноводска; они имѣли при себѣ нѣсколько лодокъ, на которыхъ ѣздили изрѣдко въ Балкуи за водою.

ПОЛУОСТРОВЪ ДАРДЖИ.

Полуостровъ этотъ очень обширенъ. Сѣверный берегъ его обозначаетъ узкую часть Балханскаго-Залива; къ сѣверо-востоку граничитъ онъ съ лѣвымъ берегомъ русла древняго Оксуса; а къ западу выдается нѣсколькими мысами. Не доходя 20 верстъ до острова *Дагъ-Ада* отклоняется онъ на юго-западъ, и, между мысами *Атъ-Депеси* и *Чадыръ-Депеси*, образуетъ заливъ, при которомъ постоянно почти имѣется кочевье и пристань для киржимовъ жителей. Далѣе къ югу, берега́ Дарджи состоятъ изъ острововъ, которые отдѣляются отъ твердой земли мелкими рукавами. Острова́ эти принадлежатъ къ цѣпи песчаныхъ бугровъ, находящихся на юго-

восточной сторонѣ Челекени; острововъ этихъ множество; на нихъ нѣтъ ни прѣсной воды, ни растѣній, и вообще они не заслуживаютъ никакого вниманія. На этомъ южномъ берегу находятся также 4 залива: *Уркачи-Кызылынъ-Су*, *Иркекъ-Кызылынъ-Су*, *Кыска-Су* и *Узунъ-Су*. На востокѣ полуостровъ отдѣляется отъ твердой земли руслами двухъ рукавовъ древняго Оксуса, изъ коихъ одинъ впадаетъ въ сѣверную, а другой въ южную часть Балханскаго-Залива. При раздвоеніи этихъ рукавовъ находится озеро *Баба-Коджаръ*, съ соленою водою; а посреди его есть островъ съ нефтяными ключами, дающій, по словамъ жителей, много нефти, но къ которому они не ѣздятъ по причинѣ мелководія и опасности подвергнуться нападенію враждебныхъ имъ поколѣній.

Сѣверо-западные берега Дарджи имѣютъ хорошія глубины, и представляютъ удобныя якорныя стоянки для большихъ судовъ очень близко къ берегамъ. О сѣверныхъ берегахъ было уже упомянуто при описаніи восточной части Балханскаго-Залива; мелководіе не позволяетъ здѣсь даже самымъ малымъ гребнымъ судамъ плыть вблизи отъ берега, а приставать къ нему почти вовсе невозможно, потому-что дно очень вязко.

При устьѣ древняго Оксуса, заливъ этотъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересохъ; но съ Дарджи почти невозможно перебраться на сѣверный берегъ, за топкостію грунта; потому, позволительно сказать, что Дарджи въ этомъ мѣстѣ оканчивается лѣвымъ берегомъ бывшаго русла Оксуса.

Весь полуостровъ представляетъ печальное зрѣлище: безплодный край этотъ, на которомъ нѣтъ даже земли, покрытъ отчасти песками, отчасти солончаками, весьма трудно проходимыми въ дождливое время. Растительность самая жалкая: на сѣверномъ берегу и по берегамъ древняго Оксуса растутъ только мѣстами кусты жидовника. На степяхъ пасется довольное количество верблюдовъ, барановъ и козъ, принадлежащихъ жителямъ кочующимъ около моря, между мысами *Атъ* и *Чадыръ-Депеси*. Кочевья эти, изъ 40 кибитокъ, все почти поколѣнія *Шихъ*, принадлежатъ теперь старшинѣ Кіату, который живетъ лѣтомъ здѣсь, а зимою на Челекени.

Жители промышляютъ продажею нефти, которую они добываютъ на Челекени, равно-какъ и продажею соли. Озер-

ную самосадочную соль добываютъ они на томъ же островѣ и у себя на Дарджи; а въ урочищѣ *Гарялъ*, на южномъ берегу Хивинскаго-Залива, добываютъ и каменную соль; ее вырубаютъ топорами въ видѣ правильныхъ четырехъ-угольныхъ кусковъ, называемыхъ по-мѣстному *кулюпали*, въ $1\frac{1}{2}$ пуда вѣсомъ каждый. Соль эта лежитъ горизонтальными пластами, толщиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 вершковъ, подъ легкими песчаными наносами. Толщина мѣсторожденія неизвѣстна; замѣчено только, что чѣмъ-глубже разработка, тѣмъ соль становится плотнѣе и прозрачнѣе. Длина и ширина мѣсторожденія, по словамъ жителей, необъятна. Изъ видѣнныхъ нами кулюповъ верхняго пласта, въ нѣкоторыхъ попадаются уже гнѣзда прозрачной, безцвѣтной каменной соли, похожей на соль Илецкой-Защиты въ Оренбургскомъ-Краѣ. Соли этой развозятъ ежегодно Туркмены по сѣвернымъ областямъ Персіи болѣе 100,000 кулюповъ, или 150,000 пудовъ, продавая ее по $\frac{1}{2}$ реала (40 коп. асс.) за кулюпъ, всего на 40,500 руб. асс.; слѣдовательно, каждый пудъ соли съ доставкою въ Персію обходится около 27 коп. асс. По разсказамъ Туркменовъ, Астраханскій купецъ персіянинъ Миръ-Багировъ, купилъ у нихъ въ 1835 году 70 киржимовъ, или болѣе 40,000 пудовъ каменной соли, для соленія рыбы, которую онъ свезъ потомъ въ Астрахань.

Жители Дарджи также ловятъ рыбу, но въ маломъ количествѣ; нѣкоторые ходятъ на охоту въ Балханскія-Горы. Общественныя должности ихъ состоятъ въ содержаніи караула близъ Актама (переправы чрезъ Оксусъ), и въ доставленіи прѣсной воды изъ Балкуинскихъ колодцевъ. Осенью многіе отправляются на лодкахъ для ловли птицъ, которыя покрываютъ тогда необозримыми стаями воды Балханскаго-Залива между Красноводскою-Косою и мысомъ Уфракъ. Охотники бьютъ ихъ палками и часто питаются однимъ ихъ мясомъ. Денегъ вообще бываетъ у Туркменовъ немного; нужныя имъ вещи вымѣниваютъ они бо́льшею-частью на нефть, верблюдовъ и барановъ. Послѣднихъ мало на Дарджи, и они очень худы, потому-что на всемъ полуостровѣ не имѣется пастбищныхъ мѣстъ; верблюды-же, довольствующіеся всякою пищею, могутъ держаться въ этихъ безплодныхъ степяхъ; терпѣливое животное это составляетъ главную поддержку бытія лѣ-

нивыхъ и безпечныхъ хозяевъ своихъ, которые безъ него не могли-бы существовать.

РУСЛО И УСТЬЕ ДРЕВНЯГО ОКСУСА.

Съ вершинъ *Дирелъ-Дага*, высочайшей точки Балханскихъ-Горъ, можно слѣдить глазами за старымъ русломъ Оксуса, которое извивается чрезъ степь и исчезаетъ за горою *Ламба*; оно ясно обозначается середи степи; берега̀ его имѣютъ вообще около 2 саженъ вышины, параллельны и отстоятъ одинъ-отъ-другаго въ иныхъ мѣстахъ на-версту; тутъ становятся они возвышеніе. Слѣды этого русла видны вдоль всей Туркменской-Степи; мѣстными жителями называется оно *Узъ-Бой* и *Огузъ*, тѣми самыми названіями, которое имѣетъ оно и при урочищѣ *Бешъ-Дишикъ*, что̀ на двухъ-третяхъ дороги отъ Красноводска къ Хивѣ. Оно же соединяется съ соленымъ озеромъ *Баба-Коджаръ*, изъ котораго одинъ рукавъ его простирается къ сѣверу болѣе-чѣмъ на 30 верстъ, и впадаетъ въ Балханскій-Заливъ подъ названіемъ *Актама*; другой-же рукавъ, по имени *Аджаибъ*, идетъ изъ озера на юго-западъ, отъ 25 до 30 верстъ, и впадаетъ въ Хивинскій-Заливъ. Возлѣ Аджаиба находится урочище *Кара-Баба*, весьма уважаемое Туркменами; здѣсь стоитъ, какъ говорятъ, старинная деревянная изба, построенная неизвѣстно кѣмъ, и которую никто не отваживается уничтожить.

Въ Актамѣ нѣтъ теченія, ибо устье занесено иломъ; вода въ немъ убавляется или прибавляется, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ: съ востока или запада; русло Аджаиба по-большейчасти занесено песками. При урочищѣ *Актамъ* (бѣлая стѣна), у котораго Туркмены переправляются чрезъ рѣку, и по которому она получила нынѣшнее свое названіе, старое русло имѣетъ 150 саж. ширины; берега̀ его состоятъ изъ высокихъ, песчаныхъ и частью обрывистыхъ бугровъ; нынѣшнее русло имѣло въ 1836 году отъ 33 до 35 саж. ширины. Въ 1821 году Полковникъ Муравьевъ означилъ ширину рѣки двумя кольями: колья эти въ 1836 году найдены были на своихъ мѣстахъ. Глубина рѣки — около 2 саж.; но перемѣняется въ разныхъ мѣстахъ; при устьяхъ она весьма мелка; грунтъ вязкій, иловатый; а вода въ нынѣшнемъ Актамѣ такъ солона,

что даже верблюды не могутъ пить ее. На правомъ берегу, между высокими песчаными буграми, если рыть, показывается во многихъ мѣстахъ солоноватая вода, которую по большой нуждѣ можно пить. На лѣвой сторонѣ, противъ этой переправы, на бугрѣ изъ глины выстроена небольшая караульная башня, прозывающаяся *Кулеаръ-Сенгиръ*, а въ полуверстѣ далѣе къ сѣверо-западу, видно на вершинѣ бугра другое зданіе — родъ мечети, выстроенной изъ желтаго необожженнаго кирпича; куполъ ея выведенъ очень искусно, а полъ покрытъ большими плитами; внутри есть шесть надгробныхъ памятниковъ; на главномъ изъ нихъ накиданы рога аркара (горнаго барана), различные лоскутки, тряпки, обрывки матеріи и арабскія письмена на клочкахъ бумаги. Строеніе это четырехугольное, съ нишами, имѣетъ двери, окна, около 4 саж. въ поперечникѣ, столько же въ вышину, и снутри выштукатурено. Жители называютъ его *Шихъ-Мустафа*, по имени однаго святаго старца, весьма ими уважаемаго, который, по словамъ ихъ, похороненъ тутъ. Сюда ѣздятъ на богомолье и изъ другихъ мѣстъ. Около этой часовни видны развалины другихъ строеній и остатки земляныхъ стѣнъ.

Актамъ служитъ общею переправою для Туркменовъ, переходящихъ съ сѣвернаго берега залива на южный. Они обыкновенно переправляются сами на бурдюкахъ, пуская верблюдовъ своихъ вплавь. Мѣсто это почитается у нихъ однимъ изъ опаснѣйшихъ, ибо хищники свободно могутъ пробираться къ переправѣ съ обѣихъ ея сторонъ, укрываясь съ сѣвернаго берега — за песчаными буграми, а съ южнаго — въ рытвинахъ и ущельяхъ отдаленнаго берега рѣки.

Въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ выше переправы, на правомъ берегу находится колодецъ *Молла-Кара-Куюсы*, съ соленою водою, годною для верблюдовъ; а нѣсколько верстъ выше — колодецъ *Кара-Актамъ*, въ которомъ вода менѣе солона, такъ-что въ случаѣ нужды можно пить ее и людямъ.

Что касается до прежняго впаденія Оксуса въ Каспійское-Море, то какъ самый очеркъ Балханскаго-Залива, такъ равно и составъ морскаго дна въ ономъ, подтверждаютъ эту гипотезу, если и не принимать даже въ разсужденіе разсказовъ и преданій объ этомъ у Туркменовъ. Всѣ они единогласно говорятъ, что *Аму-Дерья* текла прежде отъ Хивы сюда; что

Хивинскіе владѣльцы брали 70,000 тилла (350,000 руб. асс.) откупа за рыболовство въ ея устьяхъ; и что отсюда проведено было множество водопроводовъ, коими орошались богатые засѣвы сарацинскаго пшена. Они же, и въ 1836 году, неоднократно подтверждали, что одинъ рукавъ нынѣшней Аму-Дерьи съ недавняго времени взялъ направленіе къ западу, въ старое русло, пролился въ Туркменскую-Степь на 5 дней ѣзды отъ Хивы, и остановился при урочищѣ *Чакаръ-Саха-Кулы*. Можетъ быть со-временемъ рѣка эта сама откроетъ себѣ старый путь, если нѣтъ къ тому естественной препоны.*

БАЛХАНСКІЯ-ГОРЫ.

Балханскія (отъ слова *балъ*, «медъ»), или, какъ Русскіе ихъ называютъ, Балканскія-Горы, видны въ ясный день съ Красноводской-Косы и даже съ юго-западной стороны о. Челекени. Самый кряжъ имѣетъ видъ продолговатой кровли; правая, или южная, его сторона ниже лѣвой и называется *Ламба*; лѣвая-же, или сѣверная, оконечность носитъ имя *Дирелы-Дагъ*; вершины сей-послѣдней горы, подымающіяся около 500 саж. надъ поверхностію Каспійскаго-Моря, почитаются высочайшими точками въ цѣломъ хребтѣ.

Дирелы-Дагъ есть сѣверо-западная оконечность Балханскаго-кряжа, который къ Ю. Ю. З. простирается на день ѣзды и оканчивается вышеупомянутою горою *Ламба*, имѣющею фигуру конуса, съ широкимъ основаніемъ. Къ В. Ю. В. кряжъ тянется на два дня ѣзды. Сѣверная и западная покатости этого кряжа состоятъ изъ обрывистыхъ, почти голыхъ скалъ, между коими находятся весьма крутыя ущелья; каждая отдѣльная гора имѣетъ свое названіе. Изъ отраслей Балхана, называющаяся *Шахъ-Кули-Бурунъ* отдѣляется съ западной покатости кряжа въ направленіи къ сѣверо-западу. Ущельями этой

---

* Строки эти писаны были въ 1836 году. Съ-тѣхъ поръ офицеры наши неоднократно были въ Хивѣ, именно: Штабсъ-Капитанъ Никифоровъ съ двумя топографами — въ 1841 году, и Подполковникъ Данилевскій съ двумя же топографами — въ 1842 году. Въ-слѣдствіе этого большая часть Хивинскаго Ханства была снята, а вмѣстѣ-съ-тѣмъ и русло Аму-Дерьи съ отводными канавами ея внутри земель хивинскихъ.

отрасли поѣхали офицеры, посланные Полковникомъ Муравьевымъ въ 1821 году; вершины-же самаго Балхана они не достигли. Затѣмъ, отъ Диремъ-Дага, прямо къ сѣверу и почти паралельно съ нимъ, тянется цѣпь *Уланъ-Даги*, замѣтная по четыремъ сопкамъ изъ нея выдающимся. Цѣпь эта описываетъ полукругъ къ юго-востоку и за горою *Потма-Даги* соединяется съ главнымъ кряжемъ Балхана; ее пересѣкаютъ нѣсколько ущельевъ: *Кяри-Гадичи*, *Караллыч-Гадичи* (*гадичи*, значитъ «ворота») и другія, чрезъ которыя пролегаютъ караванныя дороги внутрь степи и въ Хиву. Къ сѣверо-западу отъ Диремъ-Дага, цѣпь горъ называемая *Хоша-Сюри*, тянется вдоль сѣвернаго берега Балханскаго-Залива и исчезаетъ въ степи. Возвышающіяся изъ нея двѣ сопки *Якъ-Манъ* также ясно видимы съ береговъ Актама и со-стороны Дарджи. Наконецъ, хребетъ называемый *Малый-Балханъ* лежитъ отъ Диремъ-Дага къ юго-востоку, отдѣльно и въ довольно дальнемъ разстояніи отъ сего-послѣдняго.

Балханскія-Горы почти совершенно безплодны. По ущельямъ и покатостямъ ихъ растетъ можжевеловое дерево (тогда какъ въ другихъ странахъ оно является только въ видѣ кустарника) и кустарники черешни, смоквы и барбариса; а на самыхъ горахъ малыми кустарниками прозябаетъ Astragalus. Можжевеловое дерево встрѣчается въ довольно-большомъ количествѣ; но, по недостатку надлежащей толщины, оно вовсе негодно къ употребленію для построекъ; да если-бы находился тамъ даже и строевой лѣсъ, такъ никакими средствами не возможно было-бы доставить его оттуда въ долину, по-причинѣ недоступности горъ. Въ ущельяхъ Балхана, возлѣ родниковъ, находится также растѣніе, дающее извѣстную смолу Gummi Galbanum, которая продавалась прежде въ Россіи довольно-дорого; растѣніе это прозябаетъ обыкновенно только въ жаркихъ странахъ. Родниковъ, впрочемъ, немного, и воды въ нихъ не очень обильно. Что касается до металловъ, то, по изысканіямъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ Поручика Фелькнера, и слѣдовъ ихъ тамъ нѣтъ: ядро горъ состоитъ все изъ раковистаго известняка и песчаника, въ которыхъ никогда руды находиться не могутъ. Вообще весь край этотъ не представляетъ никакихъ выгодъ, и природа здѣсь мертва и безплодна.

Вотъ описаніе дороги къ вершинамъ Диремъ-Дага. Отъ переправы при Актамѣ первыя полторы версты дорога идетъ по песчанымъ-буграмъ, покрытымъ кустарникомъ, и составляющимъ правый берегъ древняго Оксуса. Направленіе дороги къ сѣверо-востоку. Потомъ пролегаетъ она чрезъ огромную равнину, покрытую рѣдкимъ кустарникомъ; здѣсь, по-видимому, было въ древнѣйшее время корыто Оксуса. Равнина эта нечувствительною отлогостью поднимается до самой подошвы горъ; восточная часть ея покрыта каменьями, количество и объемъ коихъ увеличиваются по-мѣрѣ приближенія къ горамъ. Она изборождена также многими сухими руслами потоковъ дождевой воды. Пройдя 12 верстъ по этой равнинѣ, дорога входитъ въ широкое каменистое ущелье, также изборожденное сухими руслами дождевыхъ протоковъ, а чрезъ 5 верстъ поворачиваетъ круто направо и по покатостямъ горъ выходитъ въ широкую долину (2 версты), на правой сторонѣ коей находится между камышемъ родникъ *Ядыхяръ-Чешмесы*, съ отличною холодною водою. Отсюда дорога продолжается вверхъ по этой долинѣ къ юго-востоку, и на протяженіи 5 верстъ поднимается отлогостью до родника *Меуламъ-Кель-Чешмесы*, который даетъ воду хорошую, но въ небольшомъ количествѣ, и также окруженъ камышемъ. Отъ этого родника дорога, или, лучше сказать, тропинка идетъ въ направленіи къ востоку по ущельямъ, по рытвинамъ бывшихъ потоковъ и по крутымъ скаламъ, до родника *Тарава-Чешмесы*, окруженнаго можжевеловыми деревьями и смоковичными и черешневыми кустарниками (5 верстъ). Отсюда по крутымъ подъемамъ на пространствѣ 3 верстъ, тропинка приводитъ къ самой подошвѣ ядра Балхановъ, гдѣ поднимается по узкому ущелью, называемому Туркменами *Эшекъ-Іолъ* и имѣющему болѣе 50° паденія; грунтъ состоитъ тутъ изъ сыпучихъ, мелкихъ, острыхъ известковыхъ камней, подобныхъ щебню, которымъ покрываются дороги *à la Mac-Adam*, такъ-что нога никоимъ образомъ не можетъ ступать твердо. Не доходя до вершины этого ущелья, на лѣвой сторонѣ его встрѣчаешь незначительный родникъ *Эшекъ-Іолъ-Чешмесы*, спрятанный такъ-сказать подъ сводомъ огромной известковой скалы; вода въ немъ въ маломъ количествѣ, но весьма холодная (6° Реомюра). Родникъ этотъ находится въ узкомъ ущельѣ, и окруженъ высокими

перпендикулярными и почти голыми скалами, по трещинахъ коихъ разбросано лишь нѣсколько можжевеловыхъ деревьевъ и кустарниковъ барбариса. Вершина ущелья *Эшекъ-Іолъ* находится въ узкой долинѣ, окруженной высокими горами. Оттуда дорога, въ направленіи къ западу, ведетъ по ущельямъ и крутымъ подъемамъ до самой вершины Диремъ-Дага, съ которой можно обозрѣть огромное пространство степи. — Для вящей полноты представленнаго описанія Балханскихъ-Горъ, прилагаются при семъ слѣдующія замѣчанія, сдѣланныя Полковникомъ Муравьевымъ и его офицерами въ 1821 году, при поѣздкѣ сихъ-послѣднихъ въ горы *Шахъ-Кули-Бурунъ*.

«По переправѣ у *Актала* чрезъ *Оксусъ* путь къ Балхану идетъ около версты вверхъ, берегомъ рѣки, покрытымъ камышами въ ростъ человѣка; потомъ встрѣчаются, по направленію O ten S, сыпучіе песчаные курганы, занимающіе разстояніе 7 верстъ. За ними представляется обширная долина, усѣянная кустарниками, и имѣющая ровную къ востоку покатость, измытую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дождевыми потоками; тутъ почва земли становится тверже, и видно много кустовъ сухой желтой травы, вышиною въ человѣческій ростъ. Пройдя 6 верстъ симъ мѣстомъ, дорога примѣтно начинаетъ подниматься по другой такой же равнинѣ, возвышающейся къ востоку по горамъ постепенно верстъ на 10. Здѣсь, между кустами сухой, желтой травы, видна изрѣдка мята съ маленькими фіолетовыми цвѣтами, и еще другая трава, растущая безъ листьевъ, кустами, въ видѣ прутьевъ, издающихъ сильный и пріятный запахъ; вкусомъ она горька и похожа на полынь.

«Вся долина, возвышаясь до самыхъ горъ, имѣетъ много рытвинъ отъ дождевой воды, и всѣ онѣ идутъ по направленію къ Ю. Ю. З. Прошедши отъ *Актала* вышеописанныя 22 версты, путешественникъ входитъ въ большое ущелье, заключающееся высокимъ и длиннымъ обрывомъ, въ самой глубинѣ коего находится колодецъ *Беуръ-Куй-Гассанъ-Кулы*; онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной, малыми гладкими возвышеніями, которыя покрыты травами; среди ихъ, къ югу идетъ небольшое ущелье, которымъ, по словамъ Туркменовъ, можно подняться на самый верхъ Балхана. Вода въ этомъ колодцѣ холодная и прѣсная, самаго лучшаго вкуса.

Около него растетъ нѣсколько кустовъ смоковичныхъ деревьевъ посохшихъ отъ жару; мѣсто это можетъ почесться самымъ лучшимъ во всей Туркменіи. Колодецъ не имѣетъ болѣе сажени глубины, но даетъ много воды; по окрестному около него мѣстоположенію, можно полагать, что во всѣхъ копаняхъ будетъ показываться хорошая прѣсная вода.

«Отъ этого мѣста подъемъ на Балханъ идетъ по крутымъ скаламъ; тутъ начинаютъ показываться въ ущельяхъ можжевеловыя деревья. Выше, лѣсъ этотъ становится чаще, такъ-что деревья растутъ въ 20 и 30 саженяхъ одно-отъ-другаго; онѣ облечены толстою корою и имѣютъ до полуаршина въ поперечникѣ; въ вышину-же нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ до 6 и 7 саженъ; сучья ихъ издаютъ запахъ кипариса. Источниковъ по всему подъему не имѣется, и хотя мѣсто сіе заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, потому-что во всей прибрежной Туркменіи нѣтъ почти нигдѣ ни хорошей воды, ни большихъ можжевеловыхъ кустовъ, однако оно весьма далеко отъ того понятія, которое даютъ объ немъ Туркмены, не видавшіе ничего лучшаго. Они говорили, что источники на этихъ горахъ встрѣчаются на каждомъ шагу, а самыя горы покрыты высокимъ строевымъ лѣсомъ и изобилуютъ всякаго рода растѣніями.

«Цѣпи горъ, лежащія на востокѣ отъ первой Балханской горы, по-видимому должны быть точно такихъ же свойствъ, какъ и вышеописанная гора; онѣ простираются далеко въ степь. Можно полагать, что первая гора, о которой здѣсь говорено, имѣетъ *300 саженъ вышины*, считая отъ колодца, до коего мѣстоположеніе отъ Актама уже примѣтно возвышается.

«Съ этой вершины ясно видны рукава Оксуса и соленое озеро, отъ котораго они раздѣляются. У подошвы ея идутъ дороги изъ *Астрабада* и изъ владѣній *Текѣ*. Когда берега Балханскаго-Залива были болѣе населены кочевьями, то этими мѣстами часто ходили торговые караваны; нынѣ-же они служатъ путями хищникамъ.

«На Балханѣ паслись прежде конскіе табуны Туркменовъ; но по этому еще не должно заключать о богатыхъ пастбищахъ страны: лошади туркменскія пасутся и въ безплодныхъ степяхъ, и питаются почти тѣмъ же, чѣмъ и верблюды. Отличная порода туркменскихъ жеребцовъ не имѣетъ быть-можетъ

подобной себѣ въ свѣтѣ; они соединяютъ въ себѣ силу съ красотою, проворство съ терпѣніемъ, пробѣгаютъ ужасныя безводныя степи, проводятъ по двое и по трое сутокъ безъ воды, и довольствуются самою бѣдною пищею. Можно сказать, что созданіе это самое благородное во всей Туркменіи. Оно во многихъ отношеніяхъ предпочтительнѣе людей этой страны, разумѣется говоря о нихъ вообще.

«Туркмены не живутъ сами въ Балханскихъ-Горахъ. До 1820 года укрывался въ нихъ многіе годы одинъ старикъ съ двумя сыновьями, славившійся разбоями. Боясь мщенія отъ своихъ соотчичей, онъ не смѣлъ показаться въ ихъ кочевья и жилъ одною ловлею. Потомъ онъ оставилъ горы и переселился въ Хиву.

«Туркмены, любящіе украшать старинныя преданія баснословными разсказами, разсказываютъ много чудесъ объ этихъ горахъ, о развалинахъ городовъ имѣющихся въ нихъ, о крѣпостяхъ и славныхъ чародѣяхъ жившихъ въ этихъ скалахъ. При такихъ разсказахъ принимаютъ они таинственный видъ, возбуждающій любопытство путника.

«Горы эти, когда текла между ними рѣка Оксусъ, были вѣроятно населены; въ нынѣшнемъ состояніи своемъ не заслуживаютъ онѣ большаго вниманія, тѣмъ-болѣе что доступъ до нихъ очень затруднителенъ, по-причинѣ безводія. Они простираются довольно далеко въ степь; восточная оконечность ихъ не обслѣдована, и обслѣдованіе это сопряжено съ большими затрудненіями. Жители, увеличивая все, разсказываютъ многое объ этихъ мѣстахъ; но судя о нихъ по видѣнному, не должно полагаться на слова ихъ, причиною коимъ служитъ между прочимъ и желаніе ихъ видѣть насъ поселившимися въ ихъ землѣ.»

ЗАЛИВЪ КАРА-БУГАЗЪ.

Отъ Красноводской-Косы къ сѣверу, начиная съ колодца *Сегрешелъ*, восточный берегъ Каспійскаго-Моря не представляетъ ни одного замѣчательнаго мѣста до самаго Кара-Бугаза. Между этими пунктами находятся: колодецъ *Чай-Бурунъ*, мысы *Дарта* и *Акъ-Сенгиръ*, колодцы *Кіянлы* и *Кендерли*, русло

бывшей рѣчки *Кули*, и проч. При нихъ живутъ Туркмены Юмудскаго колѣна, занимающіеся рыбною ловлею и скотоводствомъ.

Кара-Богазъ, или *Кара-Бугазъ* (черное горло), посѣщенъ въ первый разъ въ 1836 году экспедиціею Карелина. Соймоновъ, ровно 110 лѣтъ тому назадъ (въ 1726), посѣтилъ берега эти, но опасныя якорныя стоянки и подводные камни пугали его и экипажъ, и онъ не отважился войти въ самый заливъ. Послѣ покушенія этого опытнаго и смѣлаго мореплавателя, никто изъ Русскихъ не рѣшался посѣтить этого залива, и, какъ сказано, совершить предпріятіе это съ успѣхомъ удалось только помянутой экспедиціи.

Кара-Бугазъ соединяется съ Каспійскимъ-Моремъ посредствомъ канала, или прохода, имѣющаго $1\frac{1}{2}$ версты въ-длину отъ юга къ сѣверу, отъ 110 до 120 саженъ ширины и 3 сажени глубины посрединѣ; скорость теченія изъ моря въ заливъ, около $3\frac{1}{2}$ верстъ въ часъ. Берега залива весьма низки и почти безплодны: ясно видно, что въ древнее время покрыты они были моремъ. Самый заливъ при началѣ своемъ имѣетъ во многихъ мѣстахъ отмели, но далѣе глубина его довольно-значительна. Западный берегъ Кара-Бугаза низокъ; вдоль его тянутся песчаные бугры, покрытые кустарниками гребенчика. Далѣе къ сѣверу бугры эти возвышаются болѣе и соединяются наконецъ съ *Усть-Уртомъ*. Начало залива отдѣляется отъ Каспійскаго-Моря узкою косою, ширина которой въ иныхъ мѣстахъ не болѣе версты.

Заливъ Кара-Бугазскій огроменъ; по словамъ Туркменовъ, онъ имѣетъ около 150 верстъ въ-длину отъ юга къ сѣверо-западу и болѣе 200 верстъ отъ запада къ востоку. Слѣдовательно, поверхность его заключаетъ въ себѣ болѣе 25,000 кв. верстъ, и величиною уступаетъ онъ только Аральскому-Морю. Озеро *Кули-Дерья*, или *Аджи-Куюси*, видѣнное Муравьевымъ въ 1819 году, на пути его въ Хиву, въ разстояніи около 220 верстъ къ сѣверо-востоку отъ колодцевъ *Балкуи* въ Балханскомъ-Заливѣ, и соединяющееся, по словамъ Туркменовъ, съ Кара-Бугазомъ, есть безъ-сомнѣнія юго-восточная оконечность сего залива. Не безъ вѣроятности также и то, что въ прежнее время одинъ изъ рукавовъ *Аму-Дерьи* впадалъ въ озеро *Кули-Дерья* съ сѣверо-восточной его стороны; съ восточной, это было невозможно,

ибо тамъ тянется, отъ юга на сѣверъ, цѣпь горъ *Саре-Баба*, чрезъ которую Муравьевъ проѣхалъ въ 1819 году и описываетъ довольно подробно.

Кара-Бугазъ не заслуживаетъ большаго вниманія; море возлѣ пролива имѣетъ каменистые и такіе неровные грунты, что глубина переходитъ вдругъ съ 8 на 3 и потомъ до 2 и $1\frac{1}{2}$ саж. Входъ отъ пролива въ самый заливъ такъ мелокъ, что доступенъ для однѣхъ только гребныхъ судовъ. Якорная стоянка противъ залива самая опасная, и потому невозможно производить здѣсь никакой торговли. Вода въ немъ такъ солона и горька, что рыбы не водятся внутри залива, и даже водяныя птицы, находящіяся около пролива въ большомъ количествѣ, исчезаютъ далѣе внутрь залива. Жители увѣряютъ, что вышеупомянутое озеро *Кули-Дерья* поглощаетъ воду Каспійскаго-Моря, потому-что теченіе онаго въ Кара-Бугазъ довольно сильно; достовѣрность послѣдняго обстоятельства не подвержена сомнѣнію, но я думаю, что причиною тому испареніе воды и всасываніе оной окружающими заливъ песками. Проливъ, въ который упомянутой экспедиціи удалось взойти первой, названъ былъ ею, въ честь начальника своего, Проливомъ-*Карелина*.

При началѣ Кара-Бугаза кочуютъ послѣдніе Юмуды поколѣнія *Дервишъ*; они занимаются скотоводствомъ и рыболовствомъ; число ихъ кибитокъ не болѣе 50; они живутъ смирно и пользуются уваженіемъ отъ другихъ туркменскихъ поколѣній. Далѣе къ сѣверу кочуютъ поколѣнія *Игдыръ* и *Эрзари*. *

ЗАЛИВЪ КЕНДЕРЛИНСКІЙ.*

Отъ Кара-Бугазскаго-Залива восточный берегъ Каспійскаго-Моря тянется прямо къ сѣверу съ нѣкоторыми уклоненіями

---

* Для пополненія представленнаго здѣсь описанія *Кара-Бугазскаго*-Залива могутъ служить отчасти извѣстія объ немъ, извлеченныя изъ путешествія по Каспійскому-Морю въ 1726 году Ф. И. Соймонова, и помѣщенныя Академикомъ Г. Ф. Миллеромъ въ изданномъ имъ «Описаніи Каспійскаго-Моря». Спб. 1763. Стр. 210—213.

* Какъ противные вѣтры воспрепятствовали Карелинской экспедиціи войти въ этотъ заливъ, то предлагаемое описаніе его взято мною изъ другихъ источниковъ и между прочими изъ карты Колодкина.

на сѣверо-западъ. На пути къ Кендерлинскому-Заливу находятся мысы: Уголъ-*Камель*, *Темиръ-Баба* и *Хошъ-Аджи*; море возлѣ этихъ обрывистыхъ береговъ весьма глубоко, а подводные камни дѣлаютъ плаваніе около нихъ весьма опаснымъ, особливо между Угломъ–*Камель* и *Темиръ-Бабою*.

Кендерлинскій-Заливъ образуется съ одной стороны материмъ берегомъ, углубляющимся здѣсь къ востоку и потомъ круто поворачивающимъ къ западу, а съ другой — косою *Агысъ – Адъ*, отходящею отъ материка прямо къ сѣверо-западу, на протяженіи 25 верстъ. Входъ въ заливъ довольно широкъ, до 4 верстъ, а фарватеръ имѣетъ отъ 3 до 6 саженъ глубины. Самый заливъ довольно обширенъ, простираясь на 24 версты отъ юга къ сѣверу и на 16 верстъ отъ востока къ западу; глубина въ ономъ отъ 2 до 6 саженъ. Грунтъ — илъ и сѣрый песокъ. Отмели находятся возлѣ береговъ, особливо къ сѣверо-востоку внутри залива. Коса *Агысъ-Адъ* была прежде островомъ, но теперь соединяется съ материмъ берегомъ. Якорная стоянка въ этомъ заливѣ весьма покойна; но чтобъ войти или выйти изъ него, нужны особенные попутные вѣтры. Окрестности залива безплодны и почти необитаемы; лѣтомъ кочуетъ вокругъ него нѣсколько кибитокъ Туркменовъ колѣна *Игдыръ*.

Отъ Кендерлинскаго-Залива до мыса *Ракушечнаго* берегъ тянется къ западу; не доходя до послѣдняго находится другой мысъ — *Токмакъ*; отъ Ракушечнаго-же Мыса поворачиваетъ берегъ къ сѣверо-западу до залива *Александръ-Бай*. Повсюду здѣсь имѣетъ онъ одинакій видъ: обрывистъ и безплоденъ; море возлѣ него довольно-глубоко.

АЛЕКСАНДРЪ-БАЙ И БЕКТЕМИРЪ-ИШАНЪ.

Александръ-Бай имѣетъ почти фигуру подковы: при началѣ своемъ простирается на 20 верстъ отъ востока къ западу тогда-какъ длина его отъ юга къ сѣверу всего 10 верстъ. При сѣверной оконечности своей соединенъ онъ съ другимъ заливомъ, *Бектемиръ-Ишанъ*, посредствомъ пролива. *Бектемиръ-Ишанъ* довольно обширенъ и состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ бухтъ; самая большая изъ нихъ — сѣверная. Якорная стоян-

ка въ этомъ заливѣ была-бы весьма покойна, если-бы суда могли проходить черезъ отмель, находящуюся при входѣ въ него; впрочемъ, онъ не представляетъ никакихъ выгодъ, равно-какъ и *Александръ-Бай*, по неимѣнію тамъ ни дровъ, ни прѣсной воды. Послѣдній заливъ закрытъ ото всѣхъ вѣтровъ, кромѣ южныхъ; глубина въ немъ измѣняется отъ $2\frac{1}{2}$ до $5\frac{1}{2}$ саженъ; грунтъ—сѣрый песокъ, но часто и каменистый.

Фигура Бектемиръ-Ишана совершенно другая, чѣмъ какую имѣетъ онъ на картѣ Колодкина. *

БЕРЕГЪ ОТЪ АЛЕКСАНДРЪ-БАЯ ДО МЫСА ТЮКЪ-КАРАГАНА.

На юго-западной оконечности залива Александръ-Бай находится Уголъ-*Песчаный*. Здѣсь берегъ круто поворачиваетъ къ сѣверу и потомъ къ сѣверо-западу, которое направленіе и сохраняетъ почти до мыса *Тюкъ-Караганъ*, не доходя до котораго обращается опять къ сѣверу. На этомъ пространствѣ, берегъ крутъ, обрывистъ и не представляетъ никакихъ мѣстъ достойныхъ вниманія. Углы *Мыловой* и *Притунъ*, находящіеся между вышеупомянутыми мѣстами, суть голыя, обрывистыя скалы, выдающіяся въ море. Около перваго кочуютъ Туркмены поколѣнія Абдалъ. *

РАЗСТОЯНІЯ МЕЖДУ ГЛАВНЫМИ ПУНКТАМИ БЕРЕГА ОТЪ ТЮКЪ-КАРАГАНА ДО АСТРАБАДСКАГО-ЗАЛИВА.

	верстъ.
Отъ мыса *Тюкъ-Карагана* до *Песчанаго*-Угла	175
— *Песчанаго*-Угла до *Кендерлинскаго*-Залива . . .	125
— Залива-*Кендерлинскаго* до входа въ *Кара-Бугазъ* .	180

---

* *Александръ-Бай* и *Бектемиръ-Ишанъ* посѣщены были въ 1846 году Подполковникомъ Генеральнаго-Штаба Иваниным, который снялъ и описалъ окрестности обоихъ.

* Противные вѣтры воспрепятствовали Экспедиціи 1836 года пройти мысъ *Тюкъ-Караганъ*; послѣ того былъ онъ описанъ въ 1839 году Капитаномъ Генеральнаго-Штаба Ширковымъ, довольно подробно и снятъ на планъ; а въ 1844 году вторично снятъ и описанъ Подполковникомъ Матвѣевымъ.

	верстъ.
Отъ *Кара-Бугаза* до конца *Красноводской*-Косы . .	150
— *Красноводской*-Косы до конца полуострова *Дервиша*	40
— *Дервиша* до *Зеленаго*-Бугра	105
— *Зеленаго*-Бугра до *Бѣлаго*-Бугра	30
— *Бѣлаго*-Бугра до *Гассанъ-Кули*	25
— *Гассанъ-Кули* до *Серебрянаго*-Бугра	40
— *Серебрянаго*-Бугра до устья р. *Кара-Су* . . .	30
всего	900

АСТРОНОМИЧЕСКИ ОПРЕДѢЛЕННЫЕ ВЪ 1836 ГОДУ ПУНКТЫ ВОСТОЧНАГО БЕРЕГА КАСПІЙСКАГО-МОРЯ.

	широта.
1. *Астрабадскій*-Заливъ — при устьѣ рѣчки *Багу* (10 іюля)	36° 46′ 48″,6.
2. *Гассанъ-Кули* (средній выводъ изъ пяти наблюденій: 19, 20, 21, 25 и 27 іюля) .	37° 23′ 15″,3.
3. Островъ - *Огурчинскій* (средній выводъ изъ трехъ наблюденій: 17, 18 и 19 августа)—по серединѣ и на восточномъ берегу	38° 56′ 30″,4.
— по другому наблюденію (15 августа) въ 5 верстахъ отъ сѣверной оконечности и на восточномъ же берегу	39° 5′ 4″,9.
4. *Балханскій*-Заливъ — восточные колодцы *Балкуи* (3 сентября)	39° 59′ 33″,7.
5. *Балханскія*-Горы — родникъ *Ядыхяръ-Чешмесы* (10 сентября)	40° 14′ 1″,3.
— юго-западная вершина *Дирель-Дага* (12 сентября)	40° 9′ 58″,3.
6. *Кара-Бугазъ* — на западной сторонѣ Пролива-*Карелина* (средній выводъ изъ двухъ наблюденій: 30 сентября и 1 октября) .	41° 4′ 13″,1.
7. *Александръ-Бай* — входъ въ *Бектемиръ-Ишанъ* (4 октября)	43° 10′ 1″,9.
8. *Астраханскій*-Карантинъ (19 октября) .	45° 41′ 11″,1.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА О ПРИБРЕЖНЫХЪ ТУРКМЕНСКИХЪ ПОКОЛѢНІЯХЪ СО ВРЕМЕНИ ВСТУПЛЕНІЯ ИХЪ ВЪ СНОШЕНІЯ СЪ РУССКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. *

Народъ Туркменскій былъ нѣкогда весьма многочисленъ и кочевалъ весь въ степяхъ Мангышлакскихъ и вдоль восточнаго бе́рега Каспійскаго-Моря; но въ-послѣдствіи времени онъ раздѣлился, и частію перекочевалъ къ Хивѣ, частію въ Бухарію и даже въ Хорасанъ. Тѣ изъ Туркменовъ, кои остались въ предѣлахъ Мангышлака, почитали себя нѣкоторымъ образомъ въ подданствѣ у Хановъ Волжскихъ Калмыковъ и платили имъ легкую дань. Напослѣдокъ безпрерывные набѣги Киргизовъ принудили и эту часть народа выселиться изъ Мангышлака, такъ-что ихъ осталось тамъ не болѣе 3,000 кибитокъ, или семействъ.

Въ царствованіе Петра-Великаго производимы были неоднократныя экспедиціи по Каспійскому-Морю, для точнѣйшаго опредѣленія береговъ его. Въ 1717 году въ Александръ-Баѣ и на Красноводской-Косѣ построены были даже крѣпостцы, которыя и заняты нашими войсками; но несчастная экпседиція Князя Бековича въ Хиву, непріязненность прибрежныхъ Туркменовъ, безпокоившихъ часто гарнизоны помянутыхъ крѣпостицъ, равно-какъ нездоровый климатъ и недостатокъ въ жизненныхъ и другихъ припасахъ, все это принудило наше правительство оставить сіи берега́, и всѣ сношенія съ прибрежными Туркменами были на долгое время прекращены.*

Въ 1741 году, Туркмены кочевавшіе около Бухаріи и Хивы, устрашась нашествія на эти стра́ны персидскаго Шаха Надира приходили въ числѣ 300,000 кибитокъ въ Мангышлакскую-Степь занять древнія свои кочевья, и просили пособія въ хлѣбѣ изъ Астрахани, откуда и былъ отправленъ къ нимъ

---

* Матеріалы для этой записки взяты большею-частью изъ дѣлъ Тифлисскаго Архива.

* Любопытныя подробности относительно похода Князя Бековича въ Хиву, постройки упомянутыхъ крѣпостицъ на восточномъ берегу Каспійскаго-Моря и оставленія ихъ, можно найти въ помянутой выше книгѣ Академика Миллера

корабль съ мукою; но, свѣдавъ между-тѣмъ объ отступленіи Персіянъ, они опять возвратились на брошенныя-было ими мѣста, и въ Мангышлакѣ осталось ихъ тогда не болѣе 253 кибитокъ.

Съ 1745 года начали они искать покровительства Россіи; въ этомъ году шесть поколѣній, кочевавшихъ около Мангышлака, прислали въ С.-Петербургъ старѣйшинъ своихъ съ домогательствомъ о принятіи ихъ въ подданство Россіи, и о построеніи у нихъ крѣпости для защиты ихъ отъ набѣговъ сосѣдей. Депутаты эти были отпущены безъ всякаго на просьбы ихъ рѣшенія; ибо въ тоже время узнано было о вѣроломствѣ соотчичей ихъ, сдѣлавшихъ насиліе судну нашему, возившему къ нимъ съѣстные припасы. Затѣмъ Туркмены домогались, уже черезъ Правителей Калмыцкихъ, дозволенія на переходъ черезъ р. Уралъ, для поселенія въ нашихъ степяхъ; но таковое желаніе ихъ отклонено было Астраханскимъ Губернаторомъ, по той причинѣ, что дозволить имъ переходъ значило-бы подать поводъ къ грабежамъ и разбоямъ для Киргизовъ.

Въ 1767 году, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ представляла на Высочайшее усмотрѣніе мнѣніе свое, что для Россіи нѣтъ никакой выгоды принимать Туркменовъ подъ свое покровительство, тѣмъ-менѣе считаетъ ихъ своими подданными, ибо народъ сей, отъ природы дикій и хищный, подъ видомъ подданства ищетъ только пособія въ жизненныхъ потребностяхъ; что нѣтъ никакого способа завести съ ними благоустроенную торговлю, ибо они вмѣняютъ себѣ въ забаву грабить и убивать купцовъ, или обращать ихъ въ тяжкую неволю; что единственнымъ средствомъ къ покоренію этого буйнаго народа было-бы построеніе крѣпости гдѣ-нибудь на берегу Каспійскаго-Моря, и что въ-слѣдствіе того съ 1744 года дѣлаемы были многократныя покушенія къ пріисканію удобнаго мѣста для постройки такой крѣпости; но что съ-одной-стороны Туркмены сами дѣлали въ томъ величайшія затрудненія, а съ-другой, изъ послѣднихъ свѣдѣній, сообщенныхъ инженеромъ Ладыженскимъ, оказывается, что недостатокъ въ водѣ по всему восточному берегу Каспійскаго-Моря служитъ неопредолимымъ препятствіемъ къ заведенію и существованію тамъ русскаго укрѣпленія.

Въ 1798 году, Мангышлакскіе Туркмены прислали къ Астраханскому Губернатору депутацію съ ходатайствомъ о построеніи на мысѣ Тюкъ-Караганъ крѣпости, которая служила-бы мѣстомъ для складки товаровъ въ торговлѣ съ Ташкентомъ, Самаркандомъ, Бухаріею, Ургенчемъ и Астраханью. Бывшій тогда въ Астрахани Губернаторъ Аршеневскій одобрялъ эту мысль, и на картѣ, имъ самимъ сочиненной, изъяснилъ всѣ выгоды, какія могли произойти оттого какъ для торговли нашей, такъ и для рыбной ловли, начиная отъ устья Урала до угла Тюкъ-Караганскаго. Предположеніе это не имѣло однакоже никакаго послѣдствія.

Въ 1802 году, Мангышлакскіе Туркмены, сами объявивъ себя россійскими подданными, опять присылали въ С.-Петербургъ депутатовъ, съ возобновленіемъ просьбы о принятіи ихъ въ подданство Россіи, о построеніи крѣпости для защиты торговли ихъ отъ разбоевъ Киргизовъ, и о дозволеніи имъ производить ловъ тюленей при урочищѣ *Гедикъ*. Депутаты эти были приняты, и при обратномъ отправленіи вручена имъ Высочайшая грамота, данная отъ 16 апрѣля 1803 года, на имя Абдалскаго при Мангышлакѣ отдѣленія Туркменовъ, которою они всемилостивѣйше удостоивались къ принятію подъ покровительство Россіи; самимъ-же депутатамъ, всего въ числѣ четырехъ человѣкъ, назначено жалованье, по 100 руб. сер. въ годъ каждому, изъ астраханскихъ доходовъ, и сверхъ-того пожалованы золотыя медали на алыхъ лентахъ.

Въ томъ же 1803 году, Высочайшимъ повелѣніемъ поручено было находившемуся тогда Главнокомандующимъ въ Грузіи Князю Циціанову разсмотрѣть: какимъ образомъ просимое Мангышлакскимъ Народомъ укрѣпленіе соружено быть можетъ, какаго рода оному быть должно, и какой гарнизонъ нужно будетъ въ немъ держать; затѣмъ составить всему смѣты и планы и представить ихъ при мнѣніи своемъ на Высочайшее разсмотрѣніе. Равномѣрно велѣно было ему разсмотрѣть и просьбу относительно дозволенія Туркменамъ безпрепятственной ловли тюленей при урочищѣ Гедикъ, въ промыслѣ коихъ были они стѣснены по случаю отдачи эмбенскихъ водъ Графу Кутайсову. Въ-слѣдствіе сего посланъ былъ для осмора восточнаго берега Каспійскаго-Моря Инженеръ-Поручикъ

Лашкаревъ, который призналъ самымъ лучшимъ мѣстомъ для постройки укрѣпленія помянутое урочище Гедикъ. Составленные Лашкаревымъ описаніе и планы представлены были Княземъ Циціановымъ на Высочайшее благоусмотрѣніе, съ мнѣніемъ, чтобы рѣшительное о семъ положеніе отложить до весны 1804 года, въ которое время онъ предполагалъ лично осмотрѣть тѣ мѣста. Но какъ онъ не успѣлъ сдѣлать этого, то по Высочайшему повелѣнію, тоже порученіе возложено было на Инженеръ-Генералъ-Маіора Фелькерзама, который нашелъ выгоднѣми къ построенію на нихъ укрѣпленія устья р. Эмбы и Тюкъ-Караганскій Уголъ; издержки на это, по сдѣланнымъ имъ смѣтамъ, должны были простираться до 250,000 руб. асс. Приведеніе сего въ исполненіе преемникъ Князя Циціанова Графъ Гудовичъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, полагалъ оставить до удобнѣйшаго времени, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе, сообщенное отношеніемъ Графа Румянцова отъ 18 февраля 1808 года.

Въ 1811 году, пріѣзжали въ Астрахань шесть человѣкъ Туркменовъ чоудурскаго рода, и просили о позволеніи поколѣнію ихъ, въ числѣ 2,300 семействъ, поступить въ подданство Россіи и поселиться на астраханскихъ степяхъ: депутатамъ этимъ дозволено было предварительно осмотрѣть кочевыя мѣста въ Астраханской и Кавказской губерніяхъ. Въ тоже время изъявили желаніе вступить въ подданство Россіи и поселиться въ предѣлахъ нашихъ еще 3,600 семействъ Туркменовъ другихъ поколѣній: по сношенію о томъ Генерала Ртищева съ Государственнымъ Канцлеромъ, предположено было послать военныя суда для перевозки всѣхъ тѣхъ семействъ; но въ назначеніи таковыхъ судовъ встрѣтилось затрудненіе; затѣмъ полагали нанять купеческія, но по сдѣланному Астраханскимъ Губернаторомъ исчисленію, оказалось, что при наймѣ для означенной цѣли 5 судовъ средней величины, вмѣщающихъ каждое до 250 человѣкъ, потребовалось бы 10 лѣтъ для перевозки однихъ только 2,300 семействъ, заключающихъ примѣрно до 11,500 душъ; а на перевозку на тѣхъ же судахъ скота ихъ, простиравшагося до 850,000 штукъ — 1720 лѣтъ, и на все нѣсколько десятковъ милліоновъ денегъ; переселить-же ихъ посредствомъ перекочевки нашли невозможнымъ, по той причинѣ, что Туркмены въ такомъ случаѣ подверглись-

бы на пути нападеніямъ Киргизовъ и другихъ своихъ сосѣдей. Въ-слѣдствіе-того, шестеро депутатовъ, осматривавшихъ земли, отправлены были обратно въ Туркменію. Но послѣ нихъ пріѣхало оттуда восемь другихъ, которые, повторивъ просьбу о принятіи ихъ въ подданство Россіи, присовокупили, что они и всѣ вышеозначенные 5,900 семействъ не желаютъ оставить занимаемыхъ ими мѣстъ, а просятъ только покровительства Россіи, и позволенія чтобы изъ Астрахани доставлялся имъ хлѣбъ для продовольствія.

Въ 1813 году, во время войны нашей съ Персіанами, какой-то Султанъ-Ханъ присылалъ, какъ видно изъ письма его къ Генералу Ртищеву, депутатовъ Гуссейнъ-Хана и Кіатъ-Бека съ увѣдомленіемъ, что онъ съ своими подвластными (юмудскаго колѣна) также возсталъ противъ Персіянъ и опустошилъ всѣ мѣста близъ Астрабада.

Въ 1819 году, Главнокомандующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ Генералъ Ермоловъ отправилъ для осмотра восточнаго берега Каспійскаго-Моря Маіора Пономарева и Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитана Муравьева: имъ было поручено стараться болѣе всего о пріисканіи пристани, которая-бы, сверхъ удобствъ къ закрытію судовъ отъ вѣтра, представляла по-близости прѣсную воду въ достаточномъ количествѣ, такъ-чтобы тамъ можно было учредить магазины для складки товаровъ и построить для прикрытія ихъ крѣпость. Капитану Муравьеву поручено было, сверхъ того, отправиться, если онъ найдетъ возможнымъ, въ Хиву и убѣдить тамошняго Хана, чтобы онъ направилъ торговлю Хивы на тотъ пунктъ, на которомъ найдется возможнымъ сдѣлать предположенныя постройки. При исполненіи возложеннаго на нихъ порученія, Пономаревъ и Муравьевъ не встрѣтили никакихъ препятствій со стороны Туркменъ юмудскаго колѣна, обитавшихъ въ числѣ 40,000 кибитокъ на пространствѣ отъ Серебрянаго-Бугра до Балханскаго-Залива; Туркмены эти даже просили о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи, и назначили отъ себя Кіатъ-Бека для нахожденія при Маіорѣ Пономаревѣ въ-продолженіе его экспедиціи. Узнавъ здѣсь, что путь въ Хиву нисколько не опасенъ отъ разбойниковъ, Муравьевъ отправился къ Хивинскому Хану въ сопровожденіи Туркменовъ, избранныхъ помянутымъ Кіатомъ. Извѣстно, каковъ

былъ успѣхъ этого посольства: пріѣхавъ въ Хивинскія Владѣнія, Муравьевъ былъ, низачто-нипрочто, продержанъ 48 дней въ заключеніи, и хотя потомъ представился Хану, но не успѣлъ склонить его на предложенія нашего правительства, и тотчасъ же былъ отправленъ обратно изъ Хивы. Впрочемъ, Ханъ, по совѣту Муравьева, послалъ двухъ чиновниковъ своихъ съ письмомъ къ Генералу Ермолову. Съ сими посланными и Кіатъ-Агою, уполномоченнымъ со стороны Туркменовъ, Пономаревъ и Муравьевъ возвратились въ Тифлисъ. Выгоднѣйшими изъ всѣхъ мѣстъ, удобныхъ для построенія предположенныхъ магазиновъ и крѣпости, нашли они два пункта: одинъ—при Серебряномъ-Бугрѣ, близь впаденія въ море рѣки Гюргени, а другой—въ Балханскомъ-Заливѣ у Красноводска. Первый обращалъ на себя вниманіе по близости его къ Астрабаду, отъ котораго отстоитъ онъ не болѣе какъ на 3 или на 4 часа ѣзды, по нахожденію тамъ прѣсной воды въ достаточномъ количествѣ, и не въ дальнемъ разстояніи оттуда — лѣса, годнаго для построекъ, и, наконецъ — рыбныхъ ловель тамошнихъ; при выгодахъ этихъ, неудобства представлялись тѣ, что рейдъ въ означенномъ пунктѣ совершенно открытъ, такъ-что въ зимнее время судамъ невозможно стоять тамъ безъ видимой опасности: почти на двѣ версты отъ берега простирается отмель, не позволяющая подходить къ нему близко даже гребнымъ судамъ. Послѣдній, т. е. Красноводскъ, указанъ былъ, напротивъ, именно по преимуществамъ его рейда, который можетъ назваться самымъ покойнѣйшимъ, какого только желать можно; сообщеніе изъ онаго во всякое время года и со всѣми мѣстами совершенно удобно; но при этомъ предвидѣлся недостатокъ въ дровахъ, потому-что, хотя, по увѣренію жителей, и находится мелкій лѣсъ (кустарникъ) на полуостровѣ Дарджи, но лѣсъ этотъ весьма легко могъ быть истребленъ, а замѣнить его было-бы нечѣмъ. Юмуды — какъ изъяснялся Пономаревъ — «народъ безначальный въ полномъ смыслѣ сего слова; никто ими не управляетъ и нѣтъ у нихъ никакой власти, слѣдовательно не существуетъ между ними и никакихъ политическихъ связей».

Въ маѣ мѣсяцѣ 1820 года, посланцы Хивинскаго Хана отправлены были обратно, съ письмомъ отъ Генерала Ермолова, равно-какъ и посланный Туркменами Кіатъ-Ага; о по-

слѣднемъ Главнокомандующій отзывался съ самой выгодной стороны въ письмѣ своемъ къ Туркменскимъ Старшинамъ, обнадеживая сихъ-послѣднихъ въ тоже время, что просьба ихъ о принятіи въ подданство Россіи представлена имъ на Высочайшее благоусмотрѣніе. Между-тѣмъ рапорты и журналы Пономарева и Муравьева препровождены были къ Вице-Канцлеру, и переданы имъ въ учрежденный тогда для Азіатскихъ дѣлъ Комитетъ. Генералу Ермолову, въ-слѣдствіе сего, предоставлено было отправить къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго-Моря вторую, морскую уже экспедицію, для осмотра мѣстоположенія ихъ со всею подробностію, и для тщательнѣйшаго въ-особенности освидѣтельствованія заливовъ Красноводскаго и Кендерлинскаго, съ-тѣмъ-чтобы, по возвращеніи сей экспедиціи, онъ изложилъ свое мнѣніе относительно выбора мѣста для укрѣпленія, и составилъ смѣту какъ денежнымъ суммамъ, такъ и воинскимъ потребностямъ, необходимымъ для постройки и вооруженія крѣпости, которая могла-бы вмѣщать 1,000 человѣкъ гарнизона. На совершеніе таковой экспедиціи и для покупки хлѣба, который-бы можно было продавать и дарить Туркменамъ, вообще терпящимъ въ немъ недостатокъ, ассигновано было 25,000 р. асс., а дабы удержать Юмудское Поколѣніе въ благонамѣренномъ расположеніи, которое оно тогда изъявляло, назначено было еще 10,000 р. асс. на заготовленіе для него разныхъ подарковъ.

Экспедиція эта была отправлена въ 1821 году, подъ начальствомъ Муравьева, произведеннаго между-тѣмъ въ Полковники, а въ помощь ему даны Артиллеріи Подпоручики Рюминъ и Катани. Кіатъ-Бекъ, находившійся при выѣздѣ Муравьева изъ Тифлиса въ городѣ Баку, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Яхши-Мамедомъ, былъ взятъ имъ съ собою, и для поощренія къ дальнѣйшимъ услугамъ, получилъ въ подарокъ погребецъ съ чайнымъ приборомъ и другія вещи.

Окончивъ экспедицію, Муравьевъ возвратился въ Тифлисъ въ концѣ ноября 1821 года.

Онъ произвелъ обстоятельное обозрѣніе и даже инструментальную съемку Балханскаго-Залива, лежащаго по прямѣйшему направленію къ Хивѣ, избралъ на Красноводской-Косѣ удобнѣйшее для укрѣпленія мѣсто, неподалеку отъ спокойной для судовъ якорной стоянки, гдѣ можно притомъ имѣть хотя и

не лучшую, но съ предосторожностями годную къ употребленію прѣсную воду, и осмотрѣлъ Балханскія-Горы, или отрасль этихъ горъ, гдѣ есть лѣсъ, хорошая прѣсная вода и пастбища; горы эти, почитаемые богатѣйшимъ мѣстомъ по всему восточному берегу и соединяющія всѣ возможныя выгоды съ хорошимъ климатомъ, могли бы, при построеніи на нихъ укрѣпленія, какъ полагалъ Муравьевъ, привлечь со-временемъ въ окрестности его многолюдныя кочевья разсѣяннаго колѣна Юмудовъ. «Построеніе здѣсь предположеннаго укрѣпленія, изъяснилъ Генералъ Ермоловъ въ отношеніи своемъ къ Вице-Канцлеру, отъ 27 марта 1822 года—дѣйствительно могло-бы принести ожидаемую пользу; но всѣ удобства занятія Балханскихъ-Горъ уничтожаются препятствіями непреодолимыми: горы эти отстоятъ на 4 дня пути отъ того мѣста, гдѣ суда могутъ безопасно останавливаться на якорѣ; чтобы добраться до нихъ, надобно проходить степь совершенно безводную и переправляться черезъ рѣку Аму-Дерью, которую нельзя-же оставить безъ защиты, а защиту эту расположить нѣтъ никакой возможности». Отсылая къ Графу Нессельроде составленное Муравьевымъ описаніе Балханскаго-Залива, общій планъ того же залива, планъ Красноводской-Косы, особый подробный планъ окопечности ея, и планъ острова Челекени, Генералъ Ермоловъ присовокупилъ, что Муравьевъ, по наступленію поздняго осенняго времени, не успѣлъ произвести обозрѣнія Кара-Бугазскаго и Кендерлинскаго заливовъ, которыхъ не должно было-бы оставлять безъ изслѣдованія; что къ-сожалѣнію предвидится, что изъ всѣхъ трехъ поименованныхъ мѣстъ, гдѣ-бы ни было устроено укрѣпленіе наше, пути къ Хивѣ предлежать будутъ трудные; и, наконецъ, что не малое протечетъ время, пока нѣкоторая степень образованности сообщится Туркменамъ, кои, ища безопасности, соберутся подъ защиту укрѣпленія нашего, а между-тѣмъ невѣжество мусульманское безпрестанно будетъ изобрѣтать средства охлаждать ихъ къ намъ довѣренность.

Въ 1830 году, Графъ Паскевичъ посылалъ изъ Тифлиса въ Туркменію Есаула Лалаева: ему поручено было, чрезъ сближеніе съ Кіатъ-Бекомъ и другими старшинами, узнать: въ какомъ отношеніи находятся и каково расположены Туркмены

къ Персіи, Хивѣ и Россіи. Возвратившись, Лалаевъ донесъ, что по прибытіи въ Челекень, былъ онъ въ аулѣ состоящемъ изъ 30 кибитокъ родственниковъ Кіатъ-Бека, откуда поѣхалъ, въ сопровожденіи самого Кіатъ-Бека, обслѣдовать берегъ до Астрабада; но Кіатъ не хотѣлъ ѣхать съ нимъ внутрь Туркменіи, и въ ночное время бѣжалъ на привезшее ихъ судно. Послѣ того Лалаевъ доносилъ, что Туркмены весьма преданы Россіи, и предпочитаютъ ее прочимъ государствамъ; что всѣ ихъ поколѣнія въ политическомъ отношеніи согласны между собою; что разногласія, раздоровъ и междоусобій, прежде случавшихся, нынѣ не бываетъ, и, наконецъ, въ заключеніе представилъ именный списокъ старшинъ наиболѣе уважаемыхъ Туркменами.

Затѣмъ, при отъѣздѣ своемъ въ С.Петербургъ въ 1831 году, Графъ Паскевичъ снова приказалъ отправить Лалаева въ Туркменію, чтобы пригласить почтеннѣйшихъ старшинъ пріѣхать въ Тифлисъ, для переговоровъ о торговлѣ. По этому случаю, Тайный Совѣтникъ Родофиникинъ, въ отношеніи къ Барону Розену отъ 1 ноября того же 1831 года, писалъ, между прочимъ, что «Туркмены народъ кочующій, не признающій надъ собою никакой верховной власти, за исключеніемъ нѣкоторыхъ лишъ поколѣній ихъ, подвластныхъ Хану хивинскому; въ одномъ году кочуетъ близъ берега одно Туркменское колѣно, а въ слѣдующемъ, приставъ къ оному, находишь на мѣстѣ его совсѣмъ другое, не имѣющее съ первымъ никакихъ связей; посланцы ихъ, или повѣренные, подпишутъ все, что угодно, единственно для того, чтобы получить подарки, обыкновенно имъ дѣлаемые при такихъ случаяхъ, и потомъ нимало не безпокоятся о томъ, что подписаннаго ими никто не исполнитъ, ибо знаютъ, что ихъ, посланцевъ, никто не найдетъ для наказанія».

Въ 1832 году, Оренбургскій Губернаторъ Графъ Сухтеленъ приказалъ обозрѣть сѣверо-восточный берегъ Каспійскаго-Моря, для выбора мѣста къ основанію тамъ крѣпости, и г. Карелинъ, которому поручено было это обозрѣніе, избралъ желаемый пунктъ въ заливѣ Мертвомъ-Култукѣ, гдѣ, вслѣдствіе того, въ 1833 году и построено Ново-Александровское Укрѣпленіе.

Въ 1835 году, предпріимчивый астраханскій купецъ Герасимовъ поѣхалъ въ Гассанъ-Кули, и первый изъ русскихъ торговцевъ вступивъ въ сношеніе съ Юмудами, заключилъ съ ними условіе о томъ, чтобъ они ловили и приготовляли для него рыбу въ собственно имъ принадлежащихъ водахъ. Въ томъ же году привезъ онъ Кіата и сына его Хадырь-Мамеда въ Тифлисъ, для личнаго объясненія съ Командиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса Барономъ Розеномъ, насчетъ жалобъ принесенныхъ Кіатомъ на притѣсненія астраханскаго же купца персіянина Мирь-Багирова, оспаривавшаго у него туркменскія воды.

Въ 1835 году, Высочайше утверждена была Экспедиція для обозрѣнія восточныхъ береговъ Каспійскаго-Моря, подъ начальствомъ Коллежскаго Ассесора Карелина, результаты которой изложены выше.

Послѣ того, какъ Ново-Александровское Укрѣпленіе оказалось построеннымъ на неудобномъ мѣстѣ, то въ 1839 году посланы были на Мангышлакскій берегъ Генеральнаго Штаба Капитанъ Ширковъ и Флота Капитанъ-Лейтенантъ Бодиско, которые выбрали, для перенесенія туда Ново-Александровскаго Укрѣпленія, Николаевскую-Гавань на мысѣ Тюкъ-Караганъ. Въ 1844 году, мысъ этотъ снова былъ осмотрѣнъ и снятъ Маіоромъ Матвѣевымъ, посланнымъ изъ Оренбурга отъ тамошняго Корпуснаго Командира Обручева.

Въ 1845 году, наконецъ, на томъ же мысѣ Тюкъ-Караганъ, на высотахъ Курганъ-Ташъ, возведено было Ново-Петровское Укрѣпленіе, а Ново-Александровское въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года упразднено.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ТУРКМЕНОВЪ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ЮМУДСКАГО КОЛѢНА.

Туркмены населяютъ степи лежащія между Каспійскимъ-Моремъ — съ одной, владѣніями Хивинскими и Бухарскими — съ другой, и Хорасаномъ — съ третьей стороны. Народъ этотъ состоитъ изъ двѣнадцати главныхъ колѣнъ, которыя въ-свою-очередь подраздѣляются на меньшіе роды. По родо-

словной таблицѣ, сообщенной намъ Кіатомъ, родоначальникомъ Туркменовъ былъ нѣкто Сеюнъ-Ханъ, который имѣлъ двѣнадцать сыновей; имена ихъ, по порядку старшинства, суть: Гокланъ, или Исенъ; Текѣ; Арсари; Салоръ; Сарыкъ; Сакаръ; Уа; Юмудъ, или Іомудъ; Аймакъ; Карадашли; Алили; Емрели. По именамъ этихъ сыновей, называются и происшедшіе отъ нихъ двѣнадцать главныхъ колѣнъ народа.

Отъ старшаго сына, Гокла̀на, Сеюнъ имѣлъ шесть внуковъ: Абда̀ла, Игдыра, Бузачи, Мангишлу, Буруичука и Чоудура, давшихъ имена существующимъ доселѣ родамъ Гокланова колѣна.

Осьмой сынъ Сеюна, Юмудъ имѣлъ въ-свою-очередь четверыхъ сыновей, по именамъ которыхъ колѣно Юмудовъ и раздѣляется доселѣ на четыре главные рода: Шеребъ, Чуни, Байрамъ-Чали, Коджикъ, подраздѣляющіеся на 50 меньшихъ отдѣловъ, такимъ образомъ:

Шеребъ:	Чуни:	Байрамъ-Чали:	Коджикъ:
Каррауи	*Атабай*	*Джюнаитъ*	*Татаръ*
Бехликэ	*Акъ*	*Салакъ*	*Коджикъ*
Бахэ	*Дазъ*	*Караходжа*	*Хивачи*
Ильчай	*Бардакъ*	*Укызъ*	*Кака*
Деюджи	*Каніоклазъ*	*Орусучи*	*Курама*
Іонели	*Конгарлиа*	*Карсакъ*	*Мараба*
Огурджали	*Машрыкъ*	*Калибулъ*	*Крикъ*
Джафаръ-Бей.	*Эйлыръ*	*Кырылса*	*Аккарылъ*
	Іолма	*Улакъ*	*Дангрыкъ.*
	Игдыръ	*Тубелэ*	
	Кочекъ.	*Телеишъ.*	

Джафаръ-Бей состоитъ въ свою очередь изъ слѣдующихъ 13 подраздѣленій: *Исанъ-Кули-Кюръ* (изъ котораго происходитъ многоупомянутый старшина Кіатъ), *Кельта*, *Карынджикъ*, *Пангъ*, *Нурали*, *Ерали*, *Чуккакъ*, *Арыкъ*, *Сакаллы*, *Кызылъ*, *Бурказъ*, *Кюрдъ* и *Тевеккелъ-Кюръ*.

Огурджали также подраздѣляются на 4 вѣтви: *Гирей*, *Недылъ*, *Семедынъ* и *Тереклэ*.

Наконецъ къ Юмудамъ же причисляются и слѣдующіе пять родовъ, считающіе себя происходящими отъ потомковъ и учениковъ Магомета: *Ходжа*, *Ата*, *Шихъ*, *Дервишъ* и *Махтылъ*.

Вотъ, что̀ извѣстно намъ о каждомъ изъ двѣнадцати главныхъ колѣнъ Туркменскаго Народа:

1. Гокланъ. Кочуютъ въ верховьяхъ рѣки Гюргени; до 1835 года повиновались Персіянамъ, но теперь (въ 1836 году) въ открытой войнѣ съ ними; вотъ роды ихъ, кочующіе вверхъ по Гюргени, начиная отъ урочища *Гулбети-Каусъ*:

Янгакъ		350	кибитокъ.
Сенгрикъ		500	—
Геркезъ		300	—
Чекеръ-Бегдэли		800	—
Ай-Дервишъ		600	—
Геррекъ		750	—
Байендеръ		600	—
Кара-Балханъ		800	—
Еркекли . . .			
Кеікъ	всего	600	—
Суранли . . .			
Текенджи . . .			
Кель			
Кизилъ			
Телекъ	всего	800	—
Бокадже . . .			
Дари			
Кернозъ . . .			

Послѣдніе десять родовъ называются у Персіянъ *Или-Янги*, «Новыми Родами». — Всѣ Гокланы въ безпрерывной враждѣ съ Юмудами. Потомки сыновей Гоклана: *Мангышлы*, *Абдала*, *Игдыря*, *Чоудура* и проч., кочуютъ въ степи и при восточномъ берегу Каспійскаго-Моря, отъ Мангышлака до Кара-Бугаза. Они частію независимы, частію повинуются Хивинцамъ.

2. Текѐ. Живутъ между Гокланами и Хивою; это народъ самый разбойническій, истинный бичь Хорасана; независимы,

и кочуютъ на сѣверныхъ покатостяхъ цѣпи Эльбурза, отдѣляющей отъ Хорасана пустыни Харезма. Покатости эти простираются отъ *Кизилъ-Арвата* до *Мервъ-и-Шаги-Джегана*, и представляютъ богатѣйшій край, гдѣ было прежде нѣсколько большихъ городовъ, каковы: *Нисса*, *Абивердъ*, *Мервъ* и другіе, а теперь видишь только тучныя пастбища и плодородныя поля. Въ этихъ долинахъ пасутся извѣстныя на всемъ Востокѣ, по отличнымъ качествамъ своимъ, лошади Текейцевъ; на этихъ-то скакунахъ владѣльцы ихъ, въ сопровожденіи Гокдановъ, производятъ гибельные набѣги свои на сѣверный Хорасанъ, разоряя города и селенія и захватывая людей, которыхъ продаютъ потомъ въ Хиву *. Всякій разъ какъ Персидскій Шахъ предпринимаетъ походъ противъ нихъ, они откочевываютъ въ хивинскія степи, куда невозможно преслѣдовать ихъ, и остаются такимъ образомъ безнаказанными. Живя во враждѣ съ единоплеменниками своими Юмудами, съ Хивинцами, напротивъ-того, находятся Текѐ въ весьма пріязненныхъ сношеніяхъ.

3. Арсари. Кочевали прежде около Балханскаго-Залива, но теперь перешли бо́льшею-частію въ Бухарію и покорились тамошнему владѣльцу.

4. Салоръ. Живутъ на востокъ отъ Текѐ; главное ихъ кочевье — *Шерексъ*. Поколѣніе это считаетъ себя самымъ благороднѣйшимъ между всѣми Туркменами.

5. Сарыкъ. Кочуютъ около Мерва, къ сѣверу отъ Салорцевъ.

6. Сакаръ. Кочуютъ въ Бухаріи, на лѣвомъ берегу Аму-Дерьи.

7. Уа. Живутъ въ Хорасанѣ и находятся въ подданствѣ у Персіянъ.

8. Аймакъ
9. Карадашли
10. Алили
11. Емрели

кочуютъ на востокъ отъ Салорцевъ и въ Хорасанѣ.

---

* Послѣ 1837 года набѣги эти прекратились, и теперь всѣ вообще Туркмены живутъ гораздо смирнѣе прежняго. Любопытныя подробности о Текѐ и другихъ туркменскихъ поколѣніяхъ, находятся въ путешествіяхъ Борнса (часть III) и Коноллн (часть I).

12. Юмуды. Часть ихъ живетъ постоянно около рѣкъ Атрека и Гюргени, а остальные кочуютъ вдоль береговъ Каспійскаго-Моря къ сѣверу до Кара-Бугаза, внутри степи и въ Хивѣ. Они не признаютъ надъ собою никакихъ законовъ, никакого начальства. Всякая семья имѣетъ своего pater familias, *акъ-сакала*, или «бѣлую бороду», которому и повинуется безпрекословно, управляясь во всемъ на основаніи обычаевъ. Блюстителями этихъ обычаевъ, кромѣ акъ-сакаловъ, являются еще избираемые изъ тѣхъ же акъ-сакаловъ Старшины; но власть сихъ послѣднихъ весьма слаба, ибо они не имѣютъ права наказывать своихъ единоплеменниковъ. Впрочемъ, такъ-какъ они избираются всѣмъ поколѣніемъ и притомъ изъ старшихъ и опытнѣйшихъ людей, то вообще пользуются довѣренностію народа и находятся съ нимъ почти всегда въ добромъ согласіи. Вотъ имена нѣкоторыхъ изъ Старшинъ въ настоящее время (1836 году): на островѣ Челекени и въ Гассанъ-Кули — Кіатъ-Бегъ съ сыновьями своими Яхши и Хадырь-Мамедомъ; въ Гюмишъ-Тепѣ — Аманъ-Назаръ и Мамедъ-Сардаръ; внутри степи — Казы Магомедъ-Таганъ и Черкесъ-Ханъ; начальникомъ Нурали считается Пиръ-Кули-Ханъ, а начальникомъ Ерали — Султанъ Мамедъ-Ханъ.

Кромѣ раздѣленія на колѣна и роды, Юмуды дѣлятся еще, по образу жизни, на три отдѣла: Чумуровъ, Чорвовъ и Огурджали. *Чумурали* называются осѣдлые Юмуды, занимающіеся хлѣбопашествомъ и огородничествомъ: такіе живутъ по берегамъ Гюргени и Атрека. Имя *Чорвовъ* носятъ Юмуды кочующіе, занимающіеся исключительно скотоводствомъ: живутъ внутри степи. Наконецъ *Огурджали* зовутся тѣ, которые живутъ по берегамъ моря и занимаются рыболовствомъ, перевозкою нефти и соли въ Персію, и морскимъ разбоемъ. Къ сему-послѣднему отдѣлу принадлежатъ жители Челекени, Гассанъ-Кули и Серебрянаго-Бугра.

Наконецъ, прибрежные Юмуды могутъ быть подраздѣлены еще на два вида: на а) тѣхъ, которые, живя по Гюргени, въ сосѣдствѣ съ Персіянами, удержаны отчасти отъ грабительскихъ вторженій въ ихъ предѣлы; и на б) тѣхъ, которые, въ числѣ 8,000 кибитокъ, удалились отъ первыхъ къ сѣверу и поселились около Балхановъ, откуда не перестаютъ безпокоить

Персію частыми набѣгами. Первые представляются въ-отношеніи къ Персіянамъ тѣмъ же, чѣмъ были въ отношеніи къ намъ, на Кавказѣ, «мирные» Чеченцы, пользовавшіеся правомъ пріѣзжать къ намъ и торговать, а тѣмъ-не-менѣе участвовавшіе во всѣхъ почти грабежахъ, которые производили единоплеменники ихъ, обитающіе въ болѣе неприступныхъ мѣстахъ. Послѣдніе, въ числѣ 8,000 кибитокъ поселившіеся около Балханскаго-Залива (откуда были ими вытѣснены кочевавшіе тутъ Туркмены же поколѣнія *Ата*), не имѣютъ другаго промысла кромѣ хищничества. Они пріѣзжаютъ на Гюргень, и подъ покровительствомъ родственниковъ своихъ дѣлаютъ набѣги на Персію, и уводятъ откуда плѣнныхъ на продажу въ Хиву. Не занимаясь ни хлѣбопашествомъ, ни порядочною торговлею, они, хотя и имѣютъ довольное количество денегъ, нуждаются однакоже даже въ самыхъ необходимыхъ для нихъ предметахъ: водой пользуются изъ колодцевъ, по-бо́льшей-части солоноватою или горькою; а хлѣбъ добываютъ изъ Хивы, куда надо ѣхать за нимъ отъ 15 до 17 сутокъ, и притомъ по трудной дорогѣ. Подать, наложенная на нихъ Хивинскимъ Ханомъ, почти воспретила имъ и этотъ отдаленный путь; они злобствуютъ за это на Хана, и вотъ настоящая причина, побудившая Юмудовъ искать покровительства Россіи. Жители Балхановъ нуждаются въ этомъ покровительствѣ, а кочевья по Гюргени давно мечтаютъ о томъ, какъ-бы избавиться имъ отъ притѣсненій Персіянъ, съ которыми они теперь въ открытой войнѣ; но тѣхъ и другихъ самыя пріятныя надежды состоятъ въ томъ, что имъ будетъ гораздо свободнѣе грабить Астрабадскую Область.

Что касается до характера Юмудовъ, то они не перемѣнились со времени Муравьева, который описалъ ихъ весьма вѣрно. Нищій народъ этотъ не имѣетъ понятія о гостепріимствѣ, алченъ къ деньгамъ, и изъ-за бездѣлицы готовъ сдѣлать всякого рода низости; повиновенія не знаютъ, объ общей пользѣ понятія не имѣютъ; всякой, желая что-нибудь получить, называетъ себя старшиною; но тому только, кто поумнѣе и поотважнѣе, покоряются они дѣйствительно, не заботясь объ его правѣ. Ласковое съ ними обращеніе считаютъ слабостію, а боятся тѣхъ, кто поступаетъ съ ними строго. Сказанное относится къ прибрежнымъ Туркменамъ; Гокланы съ

Текѣ можетъ быть и лучше Юмудовъ. Между послѣднимъ, одинъ только Кіатъ-Бекъ и его семейство не походятъ на своихъ родичей.

Туркмены Юмудскаго Колѣна ростомъ высоки, широкоплечи, волосы на бородѣ имѣютъ короткіе, окладъ лица бо́льшею частію калмыковатый; но дѣти ихъ отъ персидскихъ наложницъ и невольницъ, имѣютъ обыкновенно правильныя черты, принимая отчасти физіономію матерей. Одежда прибережныхъ Юмудовъ персидская; живущіе внутри степи носятъ такую-же, но шапки по-бо́льшей-части хивинскія. Волосы на головѣ они брѣютъ подобно всѣмъ магометанамъ суннитской секты; но молодые женатые люди, до рожденія у нихъ дитяти, носятъ зюльфы (локоны).

У женщинъ черты лица пріятны и довольно нѣжны; одежда состоитъ изъ цвѣтныхъ шараваръ, длинной красной, или синей, рубашки и головнаго убора, подобнаго русскимъ кокошникамъ, только вдвое выше. Кокошники эти, смотря по состоянію мужа, убираются золотыми и серебряными монетами; волосы на лбу оставляютъ при этомъ на-виду, и расчесываютъ ихъ съ тщаніемъ и очень опрятно на двѣ стороны, заплетая сзади въ длинную косу со множествомъ серебряныхъ погремушекъ. Ротъ и подбородокъ закрываютъ бѣлымъ платкомъ, (также-какъ Армянки въ Персіи) и никогда не снимаютъ его передъ посторонними людьми; около шеи носятъ обыкновенно большое серебряное кольцо съ цвѣтными каменьями, которое также увѣшиваютъ серебряными погремушками.

Кибитки Туркменовъ дѣлаются на подобіе киргизскихъ или татарскихъ въ Грузіи. Жерди, или чубухи, обводятся камышевымъ плетнемъ и покрываются войлокомъ; внутри кибитки довольно опрятно и чисто; полъ устилается коврами, или войлоками, а около стѣнъ висятъ большіе мѣшки, сдѣланные также изъ ковровъ: въ нихъ находится домашняя утварь и хозяйственныя вещи. Женщины ткутъ эти ковры почти на открытомъ воздухѣ, иногда довольно-красивыми узорами.

По здѣшнимъ обычаямъ, сноха никогда не назоветъ своего свекра по имени, и не только не обращается къ нему съ вопросомъ, но даже отвѣчаетъ чрезъ посторонняго или старшаго, имѣющаго право разговаривать съ нимъ свободно; тоже самое наблюдается и въ отношеніи къ старшему дѣверю. Во-

обще, Туркмены живутъ скромно, и всегда повинуются мужьямъ, а эти-послѣдніе оказываютъ безпрекословное повиновеніе родительской воли: послѣдняя черта въ характерѣ Туркменовъ едва-ли не единственная, заслуживающая уваженія.

Юмуды и вообще Туркмены ненасытные и жадные тамъ, гдѣ это имъ ничего не стоитъ, дома, напротивъ-того, очень умѣренны; любимое ихъ кушанье — пловъ изъ сарацинскаго пшена; но употребляется оно не въ-частую: обыкновенно питаются хлѣбомъ (чуреками) и бараниною; чай и сахаръ любятъ, но всякаго рода крѣпкими напитками гнушаются и пьянство презираютъ: обыкновенное питье Юмудовъ — вода и молоко. Ѣдятъ два раза въ день: разъ — вскорѣ послѣ разсвѣта, а другой — передъ захожденіемъ солнца.

Языкъ Туркменовъ татарскій, сходный съ казанскимъ нарѣчіемъ. Грамотныхъ между ними, кромѣ муллъ, никого нѣтъ. Закона они Магометанскаго, исповѣданія Омарова (суннаты); время молитвъ и всѣ обряды соблюдаютъ съ точностію, но о догматахъ своего закона яснаго понятія не имѣютъ; мечети замѣняются особенными кибитками для моленія. Къ кладбищамъ, древнимъ развалинамъ, и мѣстамъ гдѣ похоронены святые ихъ, питаютъ большое уваженіе. Глава духовенства носитъ у Юмудовъ титулъ *Казы*.

Что касается до числа народа въ туркменскихъ поколѣніяхъ, то очень трудно и даже невозможно опредѣлить его съ точностію, потому-что поколѣнія эти почти всѣ ведутъ жизнь кочевую, и не имѣютъ ни начальства, ни управленія, слѣдовательно и никакой народной переписи. Кромѣ-того, они, подобно всѣмъ восточнымъ народамъ, изъ хвастовства преувеличиваютъ число кибитокъ каждаго колѣна, когда объ этомъ предметѣ разспрашиваетъ ихъ чужеземецъ. Изъ помѣщаемой ниже сравнительной таблицы о числѣ кибитокъ въ туркменскихъ поколѣніяхъ, составленной по свѣдѣніямъ находящимся у Муравьева и Борнса, и отобраннымъ мною у Кіатъ-Бека и его сыновей — видно, что среднимъ числомъ всѣхъ кибитокъ можно положить до 308,200. Слѣдовательно, считая среднимъ числомъ по 4 человѣка на каждую кибитку, общее число Туркменскаго Народа оказывается простирающимся до 1,232,800 обоего пола душъ.

	число кибитокъ, или семействъ.			
	по свѣдѣніямъ			средній выводъ.
	Муравьева.	Борнса.	Кіатъ-Бека и его сыновей.	
Гокланъ	40,000	9,000	40,000	29,600
Теке	50,000	40,000	50,000	46,000
Арсари	100,000	40,000	100,000	80,000
Салоръ	4,000	2,000	4,000	3,300
Сарыкъ	2,000	20,000	2,000	8,000
Сакаръ	2,000	2,000	2,000	2,000
Уа (вмѣстѣ съ Аймакъ, Карадашли и Алили)	80,000	»	80,000	80,000
Юмудъ	40,000	20,000	40,000	33,300
Емрели	3,000	»	3,000	3,000
Абдалъ	»	»	5,000	15,000
Игдыръ	»	»	4,000	
Бузачи	»	»	6,000	
Мангышла . . .	»	»		
Бурунчукъ . . .	8,000	8,000	8,000	8,000
Чоудуръ				

Юмуды, при среднемъ числѣ ихъ кибитокъ въ 33,000, или при 133,200 душъ ихъ поколѣнія, могутъ, въ случаѣ нужды, выставить до 20,000 всадниковъ; но малое число изъ нихъ имѣютъ хорошее оружіе. Оружіе это состоитъ въ кинжалѣ, саблѣ, копьѣ, лукѣ со стрѣлами и ружьѣ. Сабли у нихъ кривыя и бываютъ иногда изъ хорошаго хорасанскаго желѣза; это главное ихъ оружіе. Кинжалы носятъ рѣдко; тѣ-же, которые имѣютъ, сдѣланы на-подобіе большихъ ножей. Копья также употребляются не всѣми; древко, толщиною въ камышину, бываетъ не длиннѣе полуторы сажени; наконечники дѣлаются изъ хорошаго желѣза. Лукъ и стрѣлы въ употребленіи у тѣхъ, у кого нѣтъ ружей; луки эти невелики и недовольно упруги; стрѣла, пущенная изъ такого лука, далеко не

пролетитъ. Ружей, особливо съ замками и хорошаго качества, мало; встрѣчаемые обыкновенно — очень длинны, тяжелы, весьма малаго калибра, безъ замковъ и бо́льшею-частію сдѣланы винтовками; бьютъ довольно вѣрно и далеко, когда заряжены хорошимъ порохомъ, но очень неудобны: изъ нихъ нельзя стрѣлять съ лошади, а только съ присошекъ, лежа, и потому они употребляются только въ засадахъ; на длинные приклады этихъ ружей навивается фитиль, конецъ котораго схваченъ желѣзными щипчиками, придѣланными къ прикладу; а щипчики эти приводятся къ полкѣ посредствомъ желѣзнаго прута, проведеннаго къ правой рукѣ стрѣлка; присошки придѣлываются къ ложу около оконечности ствола, въ видѣ двухъ большихъ роговъ. Впрочемъ, нѣкоторые имѣютъ ружья съ замками, совершенно одного построенія съ персидскими; вообще-же Туркмены любятъ украшать стволы всякаго рода ружей своихъ серебряною насѣчкою. Пистолеты видѣли мы единственно въ семействѣ Кіатъ-Бека, и то подаренные ему отъ нашего правительства.

Въ цѣль стрѣляютъ довольно-хорошо, но съ такими приготовленіями и медленностью, что въ рукахъ ихъ огнестрѣльное оружіе теряетъ свое значеніе. Чтобы выстрѣлить, стрѣлокъ сперва ложится, потомъ цѣлится долгое время; при этомъ фитиль часто гаснетъ; въ-заключеніе, онъ попадаетъ пулей въ цѣль, только на разстояніи какихъ-нибудь 60 или 80 шаговъ.

Лучшій военный доспѣхъ Туркменовъ состоитъ безпрекословно въ ихъ быстрыхъ, сильныхъ и красивыхъ лошадяхъ, преимущественно изъ породы *Текѐ*, знаменитыхъ на всемъ Востокѣ. Труды переносимые этими животными неимовѣрны: пробѣгая въ восемь сутокъ до тысячи верстъ чрезъ безводныя степи, безъ травы и безъ сѣна, они питаются во все это время только тѣмъ количествомъ ячменя или джогена (родъ кукурузы), которое могутъ увезти на себѣ вмѣстѣ съ сѣдокомъ и по четверо сутокъ пробываютъ безъ воды. Туркмены поятъ лошадей своихъ горячихъ, но послѣ того долгое время скачутъ на нихъ. Даже до́ма, на отдыхѣ, лошадямъ этимъ даютъ самую скудную пищу: скупость и безпечность Туркменовъ распространяются и на тѣхъ животныхъ, безъ коихъ-бы они жить не могли.

Сѣдло туркменское нѣсколько отлично отъ персидскаго: лука у него также высока, но задъ дѣлается пошире; прочая конская сбруя бываетъ у многихъ довольно богата: ремни обшиваютъ серебромъ, и вставляютъ въ нихъ большіе сердолики.

Туркмены, какъ уже выше сказано, неспособны ни къ какимъ долговременнымъ военнымъ предпріятіямъ; любимый ихъ образъ войны, есть разбой и хищничество. Главные разбои свои производятъ они въ предѣлахъ Персіи; на воровство пускаются обыкновенно собравшись шайкою отъ 50 до 300 конныхъ охотниковъ; хищники эти берутъ съ собой, для увоза добычи, довольное число верблюдовъ, и смѣло отправляются чрезъ обширныя степи, по извѣстнымъ имъ путямъ, къ границамъ Персіи; не доходя до нихъ на полтора дня пути, они останавливаются въ скрытныхъ и удобныхъ для защищенія мѣстахъ, и отправляютъ оттуда далѣе лишь тѣхъ изъ сообщниковъ своихъ, которые имѣютъ дружественныя и родственныя связи съ Туркменами обитающими на персидской границѣ. Эти-послѣдніе, хотя по-временамъ и признаютъ надъ собою владычество Персіи, но съ охотою принимаютъ хищниковъ, и указываютъ имъ тѣ мѣста, гдѣ съ выгодою можно произвести успѣшный разбой. По обстоятельномъ разузнаніи всего нужнаго, передовые посланные даютъ вѣсть остальнымъ, и хищники всѣ вмѣстѣ внезапно нападаютъ на указанныя имъ селенія или путешествующихъ, и грабятъ безпощадно; но при этомъ они сберегаютъ жизнь несчастныхъ жертвъ своихъ, дорожа ими какъ товаромъ. Увозятъ они людей всякаго возраста и пола, и продаютъ ихъ потомъ въ Хивѣ; но ежели въ числѣ плѣнныхъ захватываютъ людей богатыхъ и семейныхъ, то всегда сберегаютъ ихъ тщательно и не продаютъ, въ ожиданіи большаго выкупа отъ родственниковъ, каковой часто и получаютъ. Нерѣдко случается также, что Гокланы, по просьбѣ родственниковъ тѣхъ плѣнниковъ, коихъ они продали уже въ рабство, ѣдутъ опять въ Хиву и крадутъ ихъ обратно, за что получаютъ иногда богатое вознагражденіе.

Набѣги свои на Персію Туркмены производятъ въ разныхъ мѣстахъ; если число хищниковъ невелико, они придерживаются къ морю и производятъ нападенія неподалеку отъ Астрабада; или — отправляются на лодкахъ и киржимахъ въ Астрабадскій-Заливъ и грабятъ въ окрестностяхъ сего-по-

слѣдняго; но когда шайка ихъ многочисленна, тогда, слѣдуя вверхъ по р. Гюргени, дѣлаютъ они грабежи въ Хорасанѣ, лѣсистыя мѣста котораго весьма имъ въ томъ способствуютъ: Туркмены скрываются въ нихъ и выжидаютъ удобнаго случая для нападенія на проѣзжихъ или на купеческій караванъ. Нападенія эти производятъ они преимущественно осенью, по окончаніи домашнихъ работъ, и нарочно для того откармливаютъ лошадей. *

МАРШРУТЫ ВЪ ХИВУ.

Главныя караванныя дороги, ведущія отъ восточнаго и сѣверо-восточнаго береговъ Каспійскаго-Моря въ Хиву, суть:

1. *Мангышлакская.*
2. *Сары-Калышъ-Іолъ* (отъ Балханскаго-Залива).
3. *Дегели-Іолъ* (съ полуострова Дарджи).
4. *Орта-Куй-Іолъ* (отъ южнаго берега бывшаго Хивинскаго-Залива).

Первою ѣздятъ *Сарты* (осѣдлые туземцы Хивинскаго-Ханства), отправляясь изъ Хивы въ Астрахань большими караванами. Каждогодно въ началѣ мая мѣсяца отправляется караванъ изъ Хивы къ Мангышлаку, употребляя на этотъ путь отъ 25 до 29 дней. Дорога эта совершенно безлѣсна, но чрезъ одинъ или два перехода имѣются колодцы съ водою, болѣе-или-менѣе прѣсною. Въ Мангышлакѣ Хивинцы садятся на наши купеческія суда, пріѣзжающія туда въ это время изъ Астрахани съ товарами, которыми, въ ожиданіи прибытія означеннаго каравана, купцы наши обмѣниваются съ прибрежными Киргизами или Туркменами.

Хивинцы ѣздятъ также и въ Оренбургъ, куда поспѣваютъ въ 35 и въ 42 дня. Путь туда лежитъ имъ чрезъ Усть-Уртъ и Киргизскую-Степь.

Товары, которые возятъ они къ намъ, состоятъ изъ выбоекъ, синей бязи, пряденой хлопчатой бумаги, различныхъ

---

* Часть приведенныхъ свѣдѣній заимствована изъ записокъ Полковника Муравьева. Любопытныя подробности касательно нравовъ и образа жизни прибрежныхъ Юмудовъ можно найти въ путешествіи Эйхвальда по Каспійскому-Морю въ 1825 году (часть I).

шелковыхъ матерій, кашемирскихъ шалей, бухарскихъ мерлушекъ, марены и разныхъ фруктовъ. Сартъ, желающій торговать съ Россіею, сперва отправляется за означенными товарами въ Бухарію, потому-что въ самой Хивѣ издѣльная промышленность въ большомъ несовершенствѣ. Такимъ образомъ, Хивинскіе Сарты суть только доставщики товаровъ изъ государствъ къ востоку отъ нихъ лежащихъ. Богатства-же находящіяся въ частныхъ рукахъ у людей сего ханства, имѣютъ источникъ во множествѣ хлѣба, который производитъ Хива и которымъ довольствуетъ она всѣ окружающіе ее народы.

Товары, вывозимые отъ насъ Хивинцами, суть: хорошія и посредственныя сукна; холстъ; посуда стеклянная, мѣдная и чугунная; свинецъ, кожи, ножи, ножницы, и разныя другія издѣлія, которыхъ они сами не умѣютъ изготовлять, и рубли серебряные.

Остальныя три изъ вышеупомянутыхъ дорогъ служатъ только для Туркменовъ отправляющихся съ восточнаго берега Каспійскаго-Моря въ Хиву, для закупки разныхъ потребностей. Съ этою цѣлію караваны ихъ собираются при колодцѣ *Бугдайли* на полуостровѣ Дарджи, или при колодцѣ *Сегрешели* въ Балханскомъ-Заливѣ; бываетъ это обыкновенно въ началѣ сентября, при восхожденіи надъ горизонтомъ звѣзды *ялдракъ* (Сиріуса), когда жары уже спадаютъ. Во время пути, верблюды пьютъ и горькую воду, но для людей и лошадей бурдюки наполняются хорошею водою, тамъ гдѣ находится она въ колодцахъ, чтобы довольствоваться ею въ мѣстахъ вовсе безводныхъ, или тамъ, гдѣ есть колодцы только съ горькою водою. Эти осенніе караваны обыкновенно зимуютъ въ хивинскихъ владѣніяхъ, но спѣшатъ возвращаться обратно раннею весною, пока остается много воды по лужамъ, отъ растаявшаго снѣга. Туркменскіе караваны съ Каспійскаго-Моря нерѣдко также ходятъ въ Хиву и весною; въ такомъ случаѣ возвращаются они домой позднею осенью, чтобы избѣжать жаровъ. Товары, покупаемые Туркменами въ Хивѣ, суть: пшеничная мука, сукно, ситцы и разныя потребности для хозяйства, которыя они вымѣниваютъ на звѣриныя шкуры, барановъ, верблюдовъ, лошадей, войлоки, ковры и плѣнныхъ Персіянъ; когда гоняютъ барановъ, то на путь отъ Балханскаго-Залива до Хивы употребляютъ 40 дней.

Въ-заключеніе, прилагаемъ маршруты трехъ помянутыхъ путей, а вмѣстѣ съ ними и тѣхъ, которыми въ 1819 году слѣдовалъ въ Хиву и обратно Н. Н. Муравьевъ.

—

Сары-Камышъ-Іолъ.

названія колодцевъ:	дни ѣзды.	глубина колодцевъ въ маховыхъ саженяхъ.	качество воды въ колодцахъ.
Сегрешелы (въ Балханскомъ-Заливѣ, при горахъ *Окъ*) . . .	»	1	хороша.
Бурнакъ	½	3	id.
Сюльменъ	1½	10	id.
Сеули	1½	25	горьковата.
Язи-Эшель	1	2	id.
Еръ-Ойланъ	½	7	id.
Туеръ	2	3	хороша.
Дирингъ-Депле	1½	1½	солоновата.
Озюнъ-Куй	2	20	горьковата.
Бешъ-Дишикъ	2	1½	хороша.
Хивинская-Земля	3	»	»
итого	15½	»	»

По всей этой дорогѣ возлѣ каждаго почти колодца есть довольно кустарниковъ для варенія пищи.

Дегели-Іолъ.

колодцы и родники, начиная отъ п. *Дарджи:*	дни ѣзды.	глубина колодцевъ въ маховыхъ саженяхъ.	качество воды.
к *Орна*	2	1½	хороша.
к. *Газла-Ата*	1	2	id.
к. *Туеръ*	2	3	id.
родн. *Донгра*	2	«	»
к. *Акъ Куй.*	1½	3	хороша.
к. *Дегели*	2	3	id.
к. *Акъ-Набатъ*	2	5	горька.
г. Хива	2		
итого	14	»	»

Орта-Куй-Іолъ.

названія урочищъ, начиная отъ колодца *Бугдайли*:	дни ѣзды.	глубина колодцевъ въ маховыхъ саженяхъ.	качество воды.
Дената (родникъ)	1	»	довольно хороша.
Ясга (ильмень)	2½	»	id.
Эсхабъ (тоже)	1	»	id.
Дикче (колодецъ)	1½	1	горьковата
Джамалай (тоже)	1½	2	хороша.
Арбатчи (тоже)	½	2	горьковата
Орта-Куй (тоже)	3	3	хороша.
Нефесъ-Кули (тоже)	1	5	горьковата
Сокарча-Ага (тоже)	2	12	»
Хива	1		
итого	15	«	»

Колодецъ *Бугдайли* находится въ 30 верстахъ къ востоку отъ *Кызъ-Мама*, и въ двухъ дняхъ ѣзды къ сѣверу отъ *Гассанъ-Кули*. На этомъ пространствѣ имѣются колодцы почти на каждомъ агачѣ (7 верстъ).

Путь Муравьева въ Хиву.

	число верстъ, считая по 4 версты на часъ ѣзды.
Колодецъ *Суджи-Кабилъ* (на сѣверо-востокъ отъ красноводской якорной стоянки Муравьева) . .	28.
Кол. *Сюльменъ*	60.
Кол. *Сюйли* (вода не хороша; глубина колодца — 15 саженей)	24.
Кол. *Делуръ-Джель* (на днѣ бывшаго въ семъ мѣстѣ озера; кустарниковъ нѣтъ; находятся нѣсколько вправо отъ большой дороги; на дорогѣ-же имѣются тутъ колодцы *Ясакъ-Джель*, у которыхъ караваны не останавливаются, по причинѣ солоноватости воды въ нихъ)	30.

Кол. *Геройданъ* (вода не очень хороша; находится тоже нѣсколько вправо отъ дороги)	10.
Кол. *Туеръ* (6 колодцевъ въ одномъ мѣстѣ; вода хороша, но кустарниковъ нѣтъ)	109.
Тутъ дорога раздѣляется: одна идетъ прямо, другая беретъ влѣво, уклоняясь къ сѣверо-востоку; послѣдняя двумя сутками ѣзды длиннѣе первой; идетъ она на	
Кол. *Диринъ* (обдѣланъ камнемъ; вода вонючая и солоноватая)	63.
Кол. *Бешъ-Дишикъ* (вода хороша; недоходя 7 верстъ до этихъ колодцевъ, встрѣчается, на днѣ бывшаго русла Аму-Дарьи, родникъ съ прѣсною водою, именуемый *Сары-Калышъ*)	216.
Первый водопроводъ	195.
Водопроводъ *Ахъ-Серай*	34.
Городъ Хива	50.
итого	819.

Обратный путь Муравьева изъ Хивы.

	верстъ.
Изъ *Иль-Гельды* до *Бузъ-Гемень* (послѣдняго водопровода въ Хивинскомъ-Ханствѣ)	32.
	дней ѣзды.
Шахъ-Сенемъ (разоренная крѣпость и при ней лужа)	4.
Ахъ-Набатъ (колодецъ)	2.
Энгюнджъ	2.
Дели, или *Дегели* (колодецъ, на половинѣ дороги отъ Хивы до Красноводска)	2.
Ахъ-Куй	1.
Тонгра (отъ Дегели досюда — 90 верстъ)	1.
Туеръ (30 верстъ)	1.
Делиуръ-Джемъ	1.
Сюйли	$\frac{1}{2}$.
Сюльменъ	$\frac{1}{2}$.
Красноводскій-Заливъ	2.
итого	18 дней.